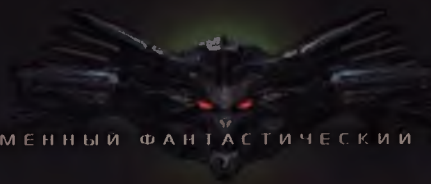

НИКОЛАЙ
ПОБЕРЕЖНИК

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

НИКОЛАЙ ПОБЕРЕЖНИК

ЭРТА
АРМИЯ АКАНА

ЭРТА
АРМИЯ АКАНА

Ты скоро испытаешь голод крови

Цикл Николая ПОБЕРЕЖНИКА

Эрта

**Время сирот
Падение терратоса
Армия Акана**

Николай ПОБЕРЕЖНИК

АРМИЯ АКАНА

Москва
Издательство АСТ

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

П41

Серия основана в 2012 году

Выпуск 83

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Побережник Н.

П41 Эрта: Армия Акана. — Москва: Издательство АСТ,
2016. — 352 с.

ISBN 978-5-17-094624-2

Накануне войны терратос рвут на части гильдии торговцев и промышленников. Вероломное вторжение, богатые ресурсами предгорья потеряны, а среди ущелий и опасных перевалов ведет свою горную армию Кинт Акан. Он молод и храбр, но война, лишения и горе снова и снова испытывают его. Того, чье лицо высушено ледяными ветрами, испачкано потом и кровью, а сердце черствеет с каждым последним вздохом погибшего товарища. Найти в себе силы идти до конца, не сломаться и вырвать победу у северян!

Что станет наградой за храбрость и верность терратосу?

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Побережник Н., 2015

© ООО «Издательство АСТ» 2015

© Издательский дом «Ленинград»
оформление, 2015

ISBN 978-5-17-094624-2

В жаркой рубке,
в кровавом месиве войны
сходятся и погибают одни,
но рассказать об их подвигах
суждено другим.

Из дневника Мореса Тага

Глава первая

Вторжение северян застало терратос Аканов врасплох. Парламент вел какую-то свою игру, но она, скорее, была связана с растущим недовольством народа терратоса. В городских жандармериях пополнялись оружейки, пехотные и кавалерийские корпуса под видом маневров разворачивались близ крупных городов, а тайная жандармерия, не смыкая глаз, искала заговорщиков и бунтарей. Не было дела парламенту до того, что происходит на северных границах терратоса, малочисленные гарнизоны пограничных корпусов, упразднение дорожной жандармерии, разгул бандитизма в предгорьях — это было на руку северянам, которые давно мечтали о богатых местах в предгорьях. Уголь, руда, соляные копи, вековые хвойные леса на склонах, золотоносные реки в узких долинах — все это, по мнению северян, настало время взять. Терратос Аканов погряз в пороке, в склоках властей, но пришла война... Костлявая старуха в рубище, пропитанном кровью, довольно скалясь, разжигала топку очередной кровавой бани.

Тек, охваченный во многих местах пожарами, напоминал слоеный пирог, уже второй день на его улицах шли бои. Было непонятно, что происходит в самом городе. Наспех сформированная дружина самообороны из армейцев, которым посчастливилось вырваться из окружения у Северного форта, городских жандармов и простых жителей, взявших в руки оружие, с трудом удерживала натиск все прибывающего и прибывающего противника. Кольцо почти замкнулось, северяне все еще не могли взять станцию воздухоплавания и депо, откуда вывозили раненых и куда успел прибыть единственный состав с отрядом жандармов из Мьента, что охраняли каторжан на шахтах. Несмолкающая стрельба в городе, завывание подлетающих снарядов, выпущенных из мортир противника, взрывы... и ранее не очень-то живописный город теперь превращался в руины и одно большое кострище. Северянам было плевать на город, он был им не нужен, им нужен выход к предгорьям, а Тек этому сильно мешал.

— Я никогда так не ждал ночи, как сейчас, — сквозь зубы процедил Кинт.

С Сартом и Гратом он добрался до окраин Тека к полудню, а не к рассвету, как надеялся, из-за того, что пришлось обходить большой отряд противника, который пешим порядком прошел горными тропами и спустился к Теку с западной стороны. Наверняка не обошлось без предательства со стороны местных контрабандистов, хотя не обязательно, за последнее время в приграничном городе появлялось все больше северян, они просачивались в Тек теми же тропами, которыми водили свои обозы с контрабандой. Кинту было непонятно, почему пал Северный форт, и с той стороны удалось вырваться лишь двум небольшим отрядам армейцев и жандармов пограничного корпуса.

Троица расположилась на поросшем лесом холме, в плотном колючем кустарнике. До города не более пяти сотен шагов, которые, пустив лошадь в карьер, можно преодолеть, не успев сосчитать до десяти, но внизу, у крайних домов, как раз расположился противник. Отряд штыков в пятьдесят, да еще звено артиллеристов, стараются, неторопливо и размеренно бьют из мортир по депо, пытаясь подавить сопротивление обороняющихся. Мелкие группы красных мундиров — в такую форму были одеты солдаты противника — то и дело снуют по улицам, выходящим на западную окраину Тека. Похоже, пройти по некоторым они не могут — мешают спешно сооруженные баррикады и малочисленные группы сопротивления.

— Грат, будь здесь, наблюдай, а мы с Сартom пока соберем все, прежде чем идти в город, и лошадей придется оставить, пойдем в город пешком. — Кинт отвлекся от наблюдения за окраинами города в подзорную трубу.

Как только начало темнеть, они пошли по узкой тропе вниз и параллельно окраине города. Рядом была старая ферма, огороженная каменным забором — камни, что выдавливала земля на протяжении нескольких сотен лет, поколения фермеров укладывали по периметру фермы. Укрытие подходящее, вдоль забора подкрались к самой ферме... Бум! Бум! — в очередной раз артиллеристы выпустили снаряды в сторону депо. За мгновение вспышек двух выстрелов Кинт успел оценить обстановку.

— Надо с этими мортирами что-то делать, — прошептал Кинт, присев за забором. — Грат, прикроешь, Сарт, за мной!

Скинув ранцы и все лишнее, Кинт и Сарт, пригнувшись, побежали вдоль забора, звуки непрекращающегося боя позволяли красться быстро, почти бежать,

не боясь на шуметь. Две притулившиеся друг к другу лачуги, сараи и два звена артиллеристов противника, за ними длинная телега со снаряжными ящиками и бочонками с порохом... Пехота в очередной раз пошла на прорыв забаррикадированных улиц.

— Сиди здесь, если заметят, то не давай им стрелять по мне, после каждого выстрела перемещайся, не торчи в одном месте.

— Угу, — ответил Сарт, вытер рукавом вспотевший лоб и положил карабин на каменную ограду.

Кинт скатился в придорожную канаву, прополз немного и поднял голову над дорогой. Возница и два солдата противника разгружают ящики и бочонки на землю рядом с телегой. Спустя несколько минут телега покинула позиции артиллеристов, а Кинт, прижимаясь к земле, пополз вперед. Замерев и дождавшись, когда двое солдат понесут очередной ящик к мортирам, Кинт вскочил и что было сил рванул к ящикам и бочонкам, вынудив пробки из нескольких, повалил их на землю. Затем, схватив один из бочонков и рассыпав порох, стал быстро, пятясь назад, отходить к канаве, у которой чиркнул огнем по пороховой дорожке. Прыгнув в канаву, побежал, чавкая сапогами по смердящему месиву сточных вод. Яркая вспышка, переходящая в какой-то рев, а потом взрыв, крики, еще взрыв... Старые лачуги сдуло, не говоря уже о находящихся рядом людях, в голове у Кинта звенело и, пытаясь перекрыть шум в ушах, он схватил свой карабин и, сильно дернув за рукав Сарта, сказал:

— Назад! К Грату!

В центр города пробирались переулками, иногда проходя дома насквозь, то есть влезая в окна и выходя с другой стороны тоже через окна. Несколько раз они были обстреляны, то ли кем-то из горожан, то ли

группами противника, снующими по городу, вступали в перестрелки с красномундирниками, но, не ввязываясь в бой, уходили переулками, чердаками, горящими крышами... Через два часа уставшие, с испачканными копотью лицами Кинт, Сарт и Грат наконец пробрались на улицу, где находился дом Григо. Вырываясь из окон, гигантские языки пламени облизывали фасады каменных зданий. Дом Григо тоже горел, его черепичная крыша уже провалилась внутрь, перекрытия обрушились... По улицам метались перепуганные люди... женщины, прижимающие к груди младенцев, мужчины с котомками. Кругом царила паника и неразбериха, лежали обгоревшие тела, запах горелого мяса, отовсюду крик и стоны... Кованый забор у дома Григо был разворочен взрывом, у чудом уцелевшей каменной конюшни Кинт заметил женщину, затем из цоколя горящего дома убежал какой-то парень.

— Мадэ! — Кинт подбежал к ним. — Где Сэт, где Григо?

Не сразу узнав заросшего, грязного Кинта, стоящего перед ней, Мадэ бросилась ему на шею...

— Они... они... они...

— Соберитесь же! — Ухватив за плечи Мадэ, Кинт встряхнул ее хорошенько.

— Они в мастерской... там рядом баррикада...

— Целы?

— Да... Я могу проводить.

— А вы что тут делаете?

— спасаю... все, что еще можно спасти.

— Зачем? — закричал Кинт. — Берите самое необходимое и идите!

— Куда? — Лицо Мадэ больше выражало безразличие, чем страх или панику... она потеряла всё: дом, работу, будущее...

— Идемте, Мадэ, вы нужны Сэт, ведите нас к ним.

Покопавшись несколько минут, Мадэ собрала не-
большой узелок из вещей, что удалось спасти, и повела
Кинта с друзьями в сторону мастерской...

— У ратуши бой... весь центр завален трупами, — на
ходу говорила Мадэ, — как раз недалеко от мастерской
две большие баррикады держат единственную остав-
шуюся свободную улицу до станции, там дома высо-
кие, снаряды чуть ли не падают на мостовую... Аааа!

Из проулка выскочили пятеро стрелков в красных
мундирах... Быстро сообразив, Кинт подставил поднож-
ку Мадэ, толкнув ее на стену дома... Противник — до
него можно было дотянуться рукой — слишком близко,
слишком все быстро. Схватив за ствол винтовку, кото-
рую один из северян уже разворачивал в сторону Сарта,
Кинт задрал ее вверх... грохнул выстрел, Кинт прямым
ударом ноги толкнул северянина на двух других крас-
номундирников и выстрелил в него из револьвера. Сарт
и Грат среагировали моментально и, тоже выхватив ре-
вольверы, начали стрелять...

— Вставайте, вставайте, Мадэ. — Кинт помог Мадэ
подняться. — Надо идти дальше.

— Северяне, должно быть, уже полностью окру-
жили баррикады, — всхлипывая, ответила Мадэ, — мы
можем не пройти дальше по улицам, не успеем.

— Пробьемся... — Кинт наклонился к одному из
северян и стащил с него пояс с подсумками, затем
поднял его винтовку, приставил к ней штык. — Бегом,
бегом!

Грат и Сарт повторили за Кинтом, прихватив тро-
феи. Грату было тяжело, видно, что негнувшаяся в ко-
лене нога стала очень беспокоить его.

— Что... совсем тяжело?

— Не обращай внимания, Кинт, идем, — ответил Грат и оперся на трофейную винтовку, уперев ее прикладом в булыжник мостовой.

Раздался свист, а через мгновение, слева и чуть позади, в двадцати шагах ухнул взрыв, всех повалило ударной волной.

— Стен домов справа держимся, — поднимаясь, крикнул Кинт. — Все целы?

— Вроде все, — Сарт помог Мадэ подняться.

Через час перебежек под постоянными обстрелами, меж горящих домов, в подвалы которых набились горожане в надежде укрыться, вся компания наконец подошла к перекрестку. От него к депо спускалась широкая улица ремесленников, застроенная мастерскими и маленькими каменными зданиями магазинчиков и салонов. Правда, до самого перекрестка, где высилась баррикада из повозок, телег и мебели, которую выкинули из окон домов, еще оставалось каких-то сто шагов. Сто шагов... но переулок, в который упирается улица ремесленников, простреливается северянами, а к ним со стороны площади подходит еще подкрепление. Сзади послышался стук копыт...

— Сюда! В арку! — Кинт потянул за собой Мадэ...

Небольшой дворик, похожий на тот, где живет Кинт в Латинге. Только беглецы успели скрыться в арке, как из-за угла дома выскочили несколько всадников противника, а за ними две пары лошадей катили пушку на тяжелом лафете.

— Они сейчас разнесут баррикаду, — выглядывая из-за угла, сказал Грат.

Всадники спешили и в почти полной темноте узкого переулка помогали артиллеристам развернуть и установить орудие, защитникам баррикады явно не видно, что творится напротив.

— Я сейчас, — ответил Кинт и побежал к ближайшей двери в цоколе, из-за которой пробивался тусклый, еле заметный свет.

Жильцов в доме не было, а обстановка внутри говорила о том, что они уходили в спешке. Осмотревшись, Кинт снял с балки пузатую колбу стеклянной масляной лампы, тускло горевшей под потолком, поболтал, вглядываясь в мутное зеленоватое стекло...

— Отлично! — С лампой в руке Кинт выбежал наружу.

Оставив лампу во дворе, он вернулся к Грату, который вместе с Сартом уже соорудил из валявшихся в арке ящиков и прочего хлама бруствер. Стрельба стихла, и северяне притихли, со стороны баррикады доносились звуки вялой перестрелки. Штурмовать баррикаду противник уже не желал, чего-то ждал...

— Что там? — Кинт опустился на колено рядом с Сартом.

— Заряжают...

Кинт осторожно выглянул в переулок, несколько секунд вглядывался в темноту, а затем побежал во двор. Схватив лампу, он максимально выкрутил фитиль и открыл пробку. Выскочив в проулок и сильно замахнувшись, Кинт метнул лампу в стену дома напротив, где копошились у пушки северяне. Ламповое масло вспыхнуло моментально, осветив переулок, а Кинт, Грат и Сарт открыли огонь по противнику. Со стороны баррикады одновременно началась интенсивная стрельба. Артиллеристы пытались укрыться, залечь, но бесполезно — плотный огонь из арки и со стороны баррикады за несколько минут уничтожил противника. Стрельба снова стихла, а потом Кинт разглядел, что по переулку со стороны баррикады крадутся несколько человек.

— Эй! В арке! — приглушенно окрикнули с той стороны.

— Да!

— Давайте к нам... проведем вас к баррикаде.

Голос показался Кинту знакомым, но Мадэ сообщила быстрее...

— Гэрт?

— Мадэ?

— Да! Это мы с Кинтом!

Громыхая сапогами, к арке подбежали четыре вооруженных человека и среди них один из охранников Григо — Гэрт, тот самый телохранитель, который уже несколько лет ходил тенью за Сэт.

— Кинт! Вот Григо обрадуется-то! Да я и сам рад тебя видеть! — Гэрт сгреб своими ручищами Кинта и обнял.

— Давайте к тем пушкарям, соберите все трофеи, — скомандовал Гэрт своим людям.

— Сарт, Грат, помогите, — сказал Кинт, кивнув в сторону пушки. — Грат, и сотвори там что-нибудь с этой пушкой...

— Понял.

— А как вы прошли? — поинтересовался Кинт.

— По винному подвалу одного старого знакомого господина Григо, он как раз под улицей проходит, — ответил Гэрт, оскалившись белыми зубами в темноте, его лицо было в ссадинах и перепачканное копотью.

В конце переулка, таща на себе трофеи, все зашли в маленький ресторанчик на углу, спустились в подвал, затем по узкому проходу под дорогой прошли в дом за баррикадой.

Кинт сразу и не узнал Григо, он как-то выпрямился, живот втянулся... крест-накрест у него на груди висели

пояса с подсумками, за ремень с револьвером в кобуре заткнут еще один револьвер, кавалерийский, с длинным стволом. Размахивая винтовкой, Григо командовал обороняющимися за баррикадой.

— Кинт! — Григо даже присел. — Умеешь же ты найти время и место, чтобы появиться!

— Я тоже рад вас видеть в добром здравии, Григо, где Сэт?

— В том доме, готовит последних раненых к отправке, на станции собирают обоз, который уходит на юг, и пока тракт еще не перерезан северянами, их вывозят в сторону Мьента... Солдаты и жандармы, те, кто остался, еще держат подходы к тракту.

Прискакавший разгоряченный жандарм прервал разговор:

— Григо! Там на станции воздухоплавания смогли починить газовую установку, так что дирижабль будет! Раненых всех туда отправляйте, дирижабль в Латинг полетит.

— Отлично! — ответил Григо и повернулся к Кинту: — Ты пойдешь с Сэт, сопроводи обозы с ранеными до дирижабля...

— И посажу Сэт на этот дирижабль! Нечего ей тут делать, у меня дома, в Латинге, пусть и остается.

— Спасибо, сынок... Давай поторопись!

— Оставайтесь с Григо, — сказал Кинт Сарту и Грату.

— Кинт, может... — Сарт замялся, — может, ты с Сэт полетишь, в Латинг?

— А в морду не хочешь?

— Да, а...

— Все! К баррикаде, провожу Сэт — вернусь, — крикнул Кинт на Сарта и побежал к дому, из арки которого выносили раненых и укладывали в две моторные повозки.

В свете факелов и масляных ламп в узком дворике Сэт предстала перед Кинтом в костюме для верховой езды и сапогах, и пояс с револьвером был к месту... Она, закончив перевязку горожанина, подняла глаза.

— Кинт!

В суете между погрузкой раненых не место для объятий и поцелуев, поэтому Кинт лишь взял Сэт за руку, вложил в ладонь ключ и начал быстро говорить:

— Слушай и запоминай. Этих раненых сейчас повезем на станцию воздухоплавания, там дирижабль ждет, прилетите с Мадэ в Латинг, идите ко мне во флигель, живите там — и никуда!

— Кинт...

— Не перебивай! — Кинт сжал руку Сэт. — Рядом с камином чугунный лист, на котором поленья, отодвинешь его, там тайник, денег должно хватить надолго, ни во что не ввязывайтесь там, живите тихо, понятно?

— Понятно... — Сэт начала шмыгать носом и всхлипывать. — Я боюсь, Кинт, я не хочу без тебя никуда...

— Пожалуйста, послушайся меня, Сэт, очень прошу... Все закончится — и я приеду.

— А когда? Когда все закончится? — огромными, полными слез глазами Сэт смотрела на Кинта.

— Не знаю!

— Можно ехать! — крикнул кто-то из механиков повозок.

— Я сейчас! — Кинт бросился к баррикаде, где застал Мадэ, отстегивающую портупею с тела убитого жандарма. Кинт вырвал из ее рук винтовку: — Ты едешь с Сэт!

Фургоны, гроыхая, быстро мчались по дороге к станции воздухоплавания. Удерживаясь сзади фургона, стоя над двигателем и вцепившись в крышу, Кинт повернулся и посмотрел на город... все в дыму, зарево

пожаров, взрывы... на баррикаду, что прикрывала дорогу, началась очередная атака северян...

Погрузка раненых на станции уже закончилась, в дирижабль хотели прорваться несколько мужчин, но, Кинт, стоявший на площадке швартовочной башни, угрожая оружием, не пустил их, сказав, что летят только раненые, женщины и дети, а у них есть два пути: либо самостоятельно к баррикадам, либо с его помощью вниз головой с башни. Те выбрали первый вариант и, оглядываясь на направленный в их сторону ствол револьвера, побежали вниз по железной лестнице. Наконец погрузка закончилась, взревели моторы, а дежурный на входе, помахав Кинту, откинул швартовочные тросы и закрыл дверь гондолы.

— Ты же погибнешь! — Сэт кричала Кинту из маленького окошка гондолы транспортного дирижабля, тщетно пытаясь перекричать шум винтов.

— Это вряд ли. Береги себя! — крикнул Кинт в ответ и, помахав рукой, еле успел прижать шляпу, которую чуть не сорвало потоком воздуха.

Винты вертикального разгона работали на полную мощность, оторвавшись от башни, дирижабль начал набирать высоту, поднимаясь неповоротливым огромным бобом в ночное северное небо, которое вместо туч затянуло дымом со стороны города.

Глава вторая

Дирижабль погасил корпусные огни, его уже не было видно на ночном небе, только гул силовых установок и шум винтов, рассекающих воздух, доносился до Кинта. Он еще несколько минут смотрел в небо, потом развернулся в сторону железнодорожной стан-

ции, наблюдая, как многочисленные повозки, люди, толкающие перед собой какие-то тележки с котомками, и просто бредущие налегке, устремились на юг, по торговому тракту, проложенному почти параллельно железной дороге. На привокзальной площади еще толкались и грузились люди... Подумав о том, что с ними всеми будет, если противник сломит сопротивление Григо и его людей на баррикаде, Кинт, громыхая сапогами по железу лестницы, побежал вниз.

— Что вы тут делаете? — спросил Кинт у двух круглолицых городских, которые стояли у швартовочной башни и, наблюдая за потоком беженцев, переговаривались.

— Не понял, — развернулся один из них, — тебе чего?

— Я спрашиваю, что вы тут делаете?

— Так, а... за порядком следим.

— Если прорвут баррикаду в начале улицы, то не-зачем будет и следить, бежим!

— Чего это? — Тот, что потолще, отставил ногу в сторону, выпятил живот и положил руку на рукоять револьвера. — Ты кто вообще?

Хруст, с которым кулак Кинта погрузился в лицо городского, был весьма громким, второму досталось между ног... Забрав у двух бесполезных кусков мяса оружие и боеприпасы, Кинт вскочил на их повозку, что стояла рядом, бранно ругнулся и хлестнул пару лошадей вожжами.

Западный ветер уже который день не менял направления, огибая горы с южной стороны, способствовал огню, пожирающему город. Грохоча, повозка неслась в дыму вверх по дороге, но участвовавшие взрывы и звуки выстрелов заглушали ее. Свист перешел в завывание... вспышка и взрыв... Кинт кубарем полетел вперед.

Неизвестно, сколько Кинт пролежал рядом с трупом лошади, но, придя в себя, он обшарил перевернутую повозку, нашел два пояса с револьверами и патронами и, шатаясь и припадая на правую ногу, побежал дальше.

Защитников баррикады почти не осталось, передвигаясь вдоль домов и опираясь на каменные стены, Кинт наконец дошел... Дико болела голова, слезились глаза от заволакивающего округу дыма и все плыло вокруг.

— Григо! — закричал Кинт, укрывшись от пуль, которые выбили каменную крошку из стен чуть выше головы, за какими-то ящиками у стены дома.

— Что... Кто это? Кинт! — С налитыми злостью глазами и перекошенным лицом Григо подбежал к Кинту. — Ну что?

— Улетели... — выдохнул Кинт, пошатнулся и потерял сознание.

Откуда-то издалека, словно через подушку, до Кинта долетело пение птиц, а еще запах чего-то вкусного. Он открыл глаза и сразу нащупал под бушлатом рукоять пистолета... Сквозь деревья пробивались лучи солнца, у костра пять человек что-то варят, чуть в стороне несколько лошадей, на одной из них Кинт разглядел свой ранец.

— Григо... — Кинт поднялся и сел, держась обеими руками за голову.

— Кинт, ну что, как ты?

— Паршиво! Но очень хочу есть.

— Еще бы! Сутки растолкать тебя не могли.

— Чего?

— Того! Ты же как рухнул там, у баррикады, думал все, покойник. Лицо в крови, не дышал почти... Где так тебя?

— Когда к вам ехал, прямо перед повозкой снаряд... считай, лошади собой меня прикрыли.

— Голову тебе посекло немного, вот, — Григо протянул маленький кусочек чугуна, — во лбу у тебя торчал. Везучий ты, сынок...

Кинт потрогал перевязанную голову, вздохнул и спросил:

— А есть что сожрать?

— Да, только что кашу сварили.

— Сарт... Грат?

— Грат погиб, отчаянный парень, пал в рукопашной... со штыком... ты бы его видел! Жаль парня... А карманник твой жив, в охране пока, скоро сменится.

— Григо, вы... ты... не называй его так.

— Хорошо, — улыбнулся Григо, — он тоже молодец, пока лошадьми не разжились, он тебя на себе нес, выносливый и смелый парень.

Кинт поднялся и, пошатываясь, подошел к костру. Бойцы, сидящие вокруг, пододвинулись, один из них зачерпнул медной миской из котелка кашу с какими-то копченостями и подал Кинту.

— Спасибо, — кивнул Кинт и засмотрелся на того, кто протянул ему миску...

— Да, мастер-жандарм Кинт, это я.

— Локт? — узнал Кинт бойца, который был когда-то в его подчинении в Северном форте, а после расформирования подался в городские Тека.

— Узнал, — улыбнулся Локт.

— Я всех своих в звене помню... — Кинт сел на землю и начал работать ложкой.

— И не сомневаюсь, вообще, приятно было узнать, что ты с нами.

— Вы знакомы, что ли? — присел рядом Григо.

— Конечно! Это же мой звеньевой, как его за глаза называли — «мертвый жандарм».

— Это почему?

— Отчаянный... смерти будто искал и нас с собой везде таскал... но я лично ему за это только благодарен, многому научился. Одна наша экспедиция к пещерам чего стоила...

— Какая еще экспедиция? — спросил Григо.

— Да потом как-нибудь расскажу...

— А мы где вообще? — осмотрелся Кинт. — На северный склон похоже.

— Да, мы за перевалом, полдня пути до тракта и часа три до Северного форта.

— Тек?

— Руины, — вздохнул Григо, — моего города больше нет, они уничтожили мой город!

Один из бойцов поднялся и ушел вниз, за деревья, а через несколько минут оттуда вышел Сарт, увидел сидящего у костра Кинта и подбежал...

— Ты как?

— Бывало похуже...

Сарт сел рядом.

— А я думал, ты всё...

— Не дожدهшься, я еще человека из тебя сделать не успел.

Кинт молча доел кашу, кивком поблагодарил Локта за протянутую им флягу с водой, запил, как выяснилось, обед и похлопал по карманам. Трубка, извлеченная на-грудного кармана, оказалась с отломанным наполовину мундштуком, недовольно скривившись, он вытянул нож и более или менее обработал то, что от него осталось...

— Значит, мы в тылу, — ни к кому не обращаясь и глядя на затухающий огонь, произнес Кинт, затаился и выдохнул дым, который, перемешавшись с потоком горячего воздуха от костра, быстро устремился вверх, — а что-нибудь вообще известно о действиях армии нашего терратоса? Что предпринимает парламент?

— В участок, прежде чем нас вывели на сооружение баррикад, — Локт пошевелил палкой угли, — принесли телеграмму о начавшейся мобилизации и соответственно об объявлении военного положения.

— Понятно, значит, можно считать себя мобилизованными, — кивнул Кинт, не отрывая взгляда от углей, которые вспыхивали красным с каждым порывом ветра.

— Маловат отрядец, — сказал Григо, — хотя с такими парнями, как вы, я думаю, можно делать дела... воевать то есть.

— Что у нас с оружием?

— Оружие есть, а вот патронов... — заговорил молчавший до этого парень в мундире пограничного корпуса, — патронов на пару минут боя.

— Тебя как звать? — посмотрел Кинт на пограничника.

— Акли.

— Что случилось с Северным фортом?

— Предательство... Там в подвалах около сотни солдат заперто, наверное, как рабов скоро переправят на север, или уже переправили.

Кинт вытряхнул пепел, поковырял веточкой внутри трубки, убрал ее в карман, встал и, поправив под ремнем бушлат, спросил:

— Ну и как, вы уже думали, что делать, пока я отсыпался на муравейнике?

— Вообще-то мы ждали, когда ты в себя придешь... С нами еще три парня были, но они ушли, сказали, что будут пробиваться на юг.

— Давно? — нахмурился Кинт.

— Пару часов назад.

— Надо уходить! Попадутся и приведут за собой северян.

— Может и такое быть, — кивнул Григо, — только подожди, прежде чем начать что-то делать, и уж тем более воевать, надо определиться с командованием в нашем... эм...

— В звене, — вставил Локт, — для отряда мало нас. А так как из всех присутствующих я знаю только одного звеньевого, то, если важно мое мнение, я за Кинта...

— И я за Кинта, — подал голос Сарт.

— Ну, вот и хорошо, — улыбнулся Григо, — я тоже не против.

— А я как все, — встал пограничник, отряхивая сухую прошлогоднюю листву со штанов.

— Тогда снимаемся. Сарт, сбегай за бойцом из охранения, надо уходить, будем искать место для постоянного лагеря.

— Я знаю такое место, — предложил Григо, подойдя к лошади и проверив пряжки подпруги, — думаю, если поторопимся, то к вечеру будем в Черном ущелье.

— Хорошее место, и от тракта недалеко, — кивнул Кинт, — я согласен, едем туда.

Шестеро всадников отправились в путь по еле заметной старой горной тропе контрабандистов. До торгового тракта добрались уже в вечерних сумерках. Как хотели, то есть прийти в Черное ущелье сегодня уже не получалось. Дорога по тропам и днем-то опасна, приходилось несколько раз спешиваться, чтобы провести лошадей под уздцы, рискуя сорваться вниз. Так что Кинт принял решение остановиться на ночлег, не доехав до тракта. Уже завтра на рассвете, выслав дозор, можно будет пересечь торговый тракт и двигаться дальше, в Черное ущелье, а если повезет, то может получиться напасть на движущийся по тракту обоз северян. Остановились на ночлег в котловине, меж двумя средними вершинами перевала. По дороге со-

бирали хворост, и теперь было на чем приготовить еду и согреться самим.

На рассвете, послав вперед Локта и Акли, малочисленный отряд снялся и отправился дальше. Через пару часов пути вернулись дозорные...

— Все, за той седловиной северный тракт, — сообщил Локт, — но к нему спуск плохой, мелкая осыпь по тропе и северяне на нашем посту расположились.

— Значит, пешком, придерживая лошадей... Там выступ должен быть.

— Да, есть такой, с него хорошо тракт просматривается.

— Сколько северян?

— Я видел пять лошадей и двоих красномундирников, сколько в самом посту, не видно.

— Пост берем в любом случае! Наверняка там есть фураж и нормальное бивачное снаряжение, без него околеем за пару ночей, да и патронами разживемся...

По торговому тракту, к посту дорожной жандармерии, устроенному в нише скалы, медленно поднималась повозка. В ней сидели трое красномундирников, до поста совсем немного, каких-то полчаса неспешной езды, да и нельзя по-другому на этом участке дороги — опасно. Сорваться вниз, на камни высохшей реки очень просто, достаточно одному колесу соскочить — и все полетят вниз. Огибая скалу и поворачивая, повозка остановилась...

— Это кто? Ну-ка проверьте и скиньте его с дороги! — Красномундирник отложил вожжи и потянулся за винтовкой.

На дороге, спиной к повозке лежал человек, двое северян прыгнули на землю и направились к телу.

— Мертвый, похоже. — Один из северян нагнулся, чтобы перевернуть тело.

Но тело перевернулось само, быстро и неожиданно, стволы двух пистолетов ткнулись в красномундирников, а с небольшого уступа в повозку прыгнул человек и опустил на кожаное кепи северянина рукоять револьвера.

Допрос был быстрый и результативный. Это оказались фуражиры, они ехали как раз на пост, на перевал, из Северного форта, где расположились разного рода тыловые службы армии северян. Получив всю необходимую информацию, Кинт приказал пленных раздеть, заколоть штыками и сбросить с обрыва. Все складывалось удачно, и спустя полчаса повозка подъехала к посту. Часто загромыхали выстрелы, застигнутые врасплох и не имеющие никаких шансов солдаты северян на посту были уничтожены.

Все было заранее спланировано, двое бойцов бросились собирать трофеи, один поскакал вперед, наблюдать за дорогой, второй остался в тылу, а Кинт и Григо, осмотрев лошадей северян, стали грузить вьюки, которые им готовили на посту бойцы, собирая трофеи. Через пятнадцать минут шесть всадников и пять навьюченных лошадей осторожно спускались по узкой тропе в Черное ущелье — пристанище кочевников и контрабандистов. Первых можно было не опасаться, вряд ли они покажутся там, где идет война, да и вторым теперь в ущелье нечего делать.

Глава третья

Дно Черного ущелья было достаточно широким, чтобы там поместилось русло быстрой речки с одноименным названием и полоса леса, которая упиралась в подножие горы. Лошади недовольно фыркали, еще

бы, кое-где встречались еще теплые кучи, оставленные горными хищниками. Но хищники, понимая, что «гости» не по зубам, уходили дальше от еле заметной в лесу тропы. Кинт вертел головой, одной рукой держа поводья, другой карабин, часто приходилось низко пригибаться, отворачиваясь от низких ветвей...

— Видишь, Кинт, как бывает в жизни, — Григо ехал рядом, — теперь ты в Черном ущелье ищешь убежища.

— Да, Григо, никогда бы не подумал, что сам буду прятаться в местах, где когда-то был охотником.

— Мир вокруг нас меняется, и не всегда в лучшую сторону... Так, вот за тем разломившимся деревом останемся, вправо поедем.

Григо выехал вперед, покрутился у дерева, ствол которого разломился на две части, и показал рукой направление движения.

Спустя примерно два часа группа остановилась возле каменного выступа у подножия горы, поросшей кривыми деревьями с низкими, но пышными кронами. Чуть в стороне из расщелины вытекал ручей, который, пробегая по камням, впадал в Черную речку. Почему Черную? Потому что на ее дне и по берегам часто встречаются камни черного гранита.

— Локт, организуй охранение, Сарт, переберите с пограничником все вьюки с трофеями, оружие, патроны, снаряжение, провиант — все разложить и посчитать, — сказал Кинт, привязав коня к дереву, — и посмотрите, что там с фуражом.

Выбранное место стоянки не раз служило контрабандистам временным лагерем. Григо прошелся по округе и с довольным видом сначала вынул из дупла толстого дерева небольшой топор, а потом под камнями, почти на берегу ручья, отыскал помятый медный котелок.

— Сколько лет прошло, а все на месте, — улыбаясь, он подошел к кострищу, которое тоже явно не один год назад сложено.

— Давай тогда, пока бойцы заняты, займемся обедом, — сказал Кинт и начал ломать об колено хворост.

Григо присел рядом и, тоже ломая сухие ветки, сказал:

— Кинт, я тебе вот что скажу... — Он оглянулся на остальных членов отряда и понизил голос: — Ты командир, ты голова и сердце отряда... тебе о другом думать надо, а не о том, как костер развести, для этого есть... эм... да хотя бы я, не говоря уже о других, что моложе.

— Я услышал тебя, Григо, — недовольно поморщился Кинт, — приму к сведению... И займись тогда обедом.

— Хорошо, командир, — ответил Григо и, размахивая котелком, пошел к ручью.

— Докладывайте, — сказал Кинт Сарту, когда тот с пограничником подошел к костру и присел на камень.

— Восемь пехотных винтовок, два кавалерийских карабина, десять револьверов, три сотни патронов к револьверам, шестьсот винтовочных, четыре палаша, пара ножей, шесть чугунных гранат... — замялся бодро начавший доклад Сарт.

— Что?

— Шесть гранат, но непонятно, как их взводить, — вступил в разговор Акли, — а попробовать...

— Нет, пробовать не надо, — замотал головой Кинт, — будет пленный — расскажет, отложите пока... что еще?

— Вяленое мясо, крупа, кое-что из овощей, жир какой-то, соль, ну и четыре мешка овса, это все, что у фуражиров было.

— Все?

— Ну еще четыре плаща, семь суконных одеял, в сдельных сумках и ранцах личное имущество северян, кое-какие личные вещи... котелки, фляги, миски, нитки, иголки...

— Трубки не попалося?

— Есть! Три штуки, — радостно ответил Сарт, — и табака есть немного.

— Неси!

Обедали молча, Кинт осматривал бойцов, стоянку, прислушивался к журчанию ручья, бряцанию ложек. Задержал взгляд на Сарте... изменился парень, за четыре дня изменился, стал сосредоточенным, собранным. Доев нехитрую похлебку, Кинт сходил к ручью, отмыл свой котелок, набрал туда воды и, вернувшись, повесил над огнем.

— Акли, а что там за история с предательством и пленными в подвалах?

— Пленных в казематах восточной стены держат. А предательство... Прибыл к нам в форт накануне, буквально за три дня, капитан и какой-то посыльный с ним из младших чинов, из столицы. Я этого капитана даже не запомнил толком. Когда все началось, мы в патруле были... на наше звено сразу два больших отряда кавалерии налетело, раскидали нас и, видно, разведкой понеслись дальше, к форту, я и звеньевой только живы остались. Но звеньевого ранило сильно, кровью истек. Я до ночи на ферме отсиделся, а потом с хозяином той фермы и его семьей кое-как выбрались в Тек, а в Теке я уже нескольких ребят из форта встретил, говорили, в форту резня страшная была. Пехота северян форт с вечера обступила, атаковали вяло, просто в осаду взяли. Армейцы наши решили атаковать на рассвете, силы были... но ночью предатели перебили караул на воротах и открыли их... Ребята говорили, капитан там этот и командовал северянами, что как

клопы в форт полезли, а потом еще дирижабли с севера прилетели, в общем, к утру форт пал, мало кто вырвался.

— Понятно, — вздохнул Кинт и сыпанул в закипевшую воду травяного чая.

— Освободить бы ребят, а? — сказал Акли.

— И как? — спросил Григо. — Штурмовать форт? Не смешите...

Кинт посмотрел на Локта, как-то заговорчески прищурился и спросил пограничника:

— Акли, а ты сколько в Северном форту прослужил?

— Год.

— И что, ни разу в овощных погребах не был?

— Эм... нет, а что мне там делать? Там ремонт начинали делать, когда корпуса дорожной жандармерии упразднили, да не закончили, деньги все больше на перевооружение шли.

— Да ладно, Кинт, ты что, думаешь, про тот ход не знает никто? — махнул рукой Локт.

— Какой ход? — заинтересовался Григо.

— Видишь, Локт, кроме тех, кто в дорожных жандармах служил в форту, и не знает никто. Неизвестно, правда, в каком состоянии этот подземный ход, я один раз там был, со стороны фермы лаз подтопило весной, и капитан посылал нас присмотреть, пока стену в том сарае укрепят.

— Я так понимаю, в форт можно пробраться каким-то тайным ходом? — не скрывая удивления, спросил Григо.

— Да.

— Все равно самоубийство, сколько, тот северянин сказал, их в форт? Сотня?

— Тыловики, — шмыгнул носом Акли, ночевка в горах не прошла даром.

— Ладно, подумаю, — встал Кинт, — двое в охране-нии, остальным отдыхать.

Кинт нагреб под деревом прошлогодней листвы, бросил на нее толстое суконное одеяло и улегся, накрывшись плащом. *«Насколько теперь это все? — думал Кинт, закрыв глаза и прислушиваясь к пению птиц. — Какие цели у северян? Всегда считалось, что их терратос отстают в развитии, всего столетие назад это была просто огромная территория, где много племен и общин рабовладельцев, а оно вот как вышло — и оружие (неплохое, кстати), и дирижабли... Пока парламент очухается, все предгорья будут захвачены, а наступая с равнины выбить потом северян будет ох как непросто. Важные мосты взорваны, железная дорога к Майнгу тоже... Майнг! Может, это и есть цель? Город-завод, шахты севера с углем и металлическими рудами... Стоп! А если от Тека на восток и чуть южнее? Получается, как раз места, где закончилась экспедиция профессора Дакта. Может, это цель? Ладно, рано или поздно причина вторжения выяснится, а пока, клянусь памятью отца, житья не дам врагу! Людей только мало, хотя, если взять тех же кочевников, точнее, их тактику постоянных перемещений, то много людей и не надо, два года по этим местам за ними гонялся — бесполезно, все тропы не перекроешь. Григо тут будет хорошим помощником, с его-то опытом тайных проводок караванов».*

Уже засыпая, Кинт успел подумать о том, что закончится лето, и наступит промозглая дождливая осень, благо что короткая, а потом долгая, холодная и снежная зима...

Вечером, после ужина, Кинт распорядился, чтобы каждый собрал себе походное снаряжение, запас провианта, патронов и прочего необходимого, причем в варианте, когда придется совершать переходы по

горам на несколько суток. Локта и Григо этому учить не надо было, они и помогли остальным собраться. К слову, Сарт собрался сам, без чьей-либо помощи — впрок пошла наука и от Кинта и от Грата, смысленный он, моментально все схватывает, повторять два раза не нужно.

— В лагере завтра остаются, — Кинт осмотрел всех сидящих у костра, — Григо, Сарт и... опять он в охране...

— Тарк его звать, мы вместе в участке служили, — подсказал Локт, — хороший парень... только все больше молчит теперь, его дом на северной окраине Тека был, там северяне все в пепелище превратили.

— Вот, и Тарк остается. Григо, присмотри за ним, а то он, правда, в себе слишком, нехорошо это.

— Присмотрю.

— И лагерем займитесь, все подходы к стоянке проверьте, места для ведения оборонительного боя... справитесь?

В ответ Григо даже с каким-то упреком посмотрел на Кинта.

— Ясно. Сарт, отвечаешь за лошадей.

— Так есть! — бодро ответил тот, но было видно, что он расстроен из-за того, что остается в лагере.

— И вот еще что, Григо, ты же, наверное, видел, какие у кочевников лежанки для того, чтобы на земле спать?

— Конечно! Ветки, веревкой тонкой или крученой соломой переплетенные, сверху шкуры.

— Верно, но со шкурами у нас... Ну, думаю, и до шкур дело дойдет, пока суконных одеял хватит. Со мной завтра едут Локт и Акли. Выезжаем на рассвете. Все... Григо, организуешь ночной караул.

— Сделаю, — кивнул тот.

Перед сном Кинт проверил свое снаряжение, зарядил и проверил оружие, уложил ранец и седельные сумки. В горы пришли сумерки, а потом очень быстро наступила ночь. Очень темная ночь — все небо заволокло облаками и не видно ни луны, ни звезд, да еще и с Черной речки пополз туман.

Глава четвертая

Григо провожал Кинта, Локта и Акли. Он, несмотря на возраст, явную гражданскую принадлежность и вообще всю свою контрабандистскую в прошлом сущность, очень близко к сердцу воспринял то, что произошло. Был готов хоть сейчас, рано утром, отстояв несколько часов в карауле, тоже выехать с Кинтом, но понимал — надо строить лагерь, налаживать минимальный быт, в котором неизвестно, сколько придется пребывать. Григо помог седлать лошадей, отругав Акли за то, как он это делает.

— От шеи, от шеи седло спускай, что ты его плюхаешь? Шерсть задерется и через пару часов натрет все под седлом, — тихо и поучительным тоном говорил Григо.

Акли выслушивал все замечания внимательно, без обид, учился, одним словом... пограничник, пехота по сути, что с него взять?

— Я так понимаю, три-четыре дня поход? — подошел Григо к Кинту, когда все было готово.

— Да, не меньше, — согласился Кинт и проверил, как закрепил две тряпичные торбы с овсом, которые как неприкосновенный запас приторочил к седлу.

— Не лезь на рожон, помни, ты командир... глупо будет сдохнуть, не отомстив за Тек и жителей севера терратоса.

— Я помню, Григо. — Кинт проверил подседельную накидку и вскочил в седло. — Вы тут тоже внимательно... мало ли, вдруг кочевники явятся.

— Значит, шкурами разживемся, — улыбнулся Григо.

— Все готовы? — Кинт оглянулся на Локта и Акли, уже сидящих в седлах, те кивнули. — Тогда на марш.

Переход был долгим, на весь световой день. Привал сделали только один раз, и то, больше переживая за лошадей. Кинт хорошо знал эти места, а Локт так вообще вырос в одной из горских деревушек к востоку от Тека. Только Акли, не привыкший к таким долгим поездкам верхом, сопел, пыхтел, краснел, но терпел. Незадолго до того, как солнце скрылось за хребтами, Кинт скомандовал искать место для привала. Место для ночевки нашли в неглубокой расщелине, рядом с горной тропой. Для костра использовали хворост, который прихватили из лагеря. Тот, что попадался по дороге, собирали, но он влажный и его опасно жечь — будет дымить. Лошадей пришлось привязать к камню немного дальше от места ночевки, так как там было единственное ровное место подходящего размера, где им будет удобно, на небольшом пятачке меж камнями.

До форта, точнее, до покрытого низким лесом пологого склона горы с северной стороны от него, откуда форт хорошо видно, добрались к обеду следующего дня, но идти дальше днем не было никакой возможности. По тракту с севера на юг постоянно двигались обозы, пешие и конные отряды, а от тракта то и дело выезжали конные разъезды с разведкой противника.

— Все, остаемся тут до темноты, — сказал Кинт, наблюдая в подзорную трубу из кустарника на склоне. — Локт, коней подальше отведи, накорми и будь с ними. Акли, займись едой, в животе урчит так, что северяне

услышат, а я тут побуду, понаблюдаю за противником... и смотри, чтобы костер не дымил.

Ближе к вечеру движение по тракту прекратилось, только к темноте из форта выехала повозка, а за ней, связанные веревкой, плелись пленные, десять человек. Кинт внимательно рассмотрел их — в повозке явно не военные, хоть и вооруженные люди, трое. Должно быть, рабовладельцы, которые, не упуская возможности, решили прибрать к рукам хороший товар.

— Мы сможем их перехватить, — сказал Локт, сидящий рядом с Кинтом и тоже наблюдающий за дорогой, — дальше по тракту будет поворот и от него старая дорога в одну из горных деревушек. Если прямо сейчас пешком выйдем, то успеем через хребет махнуть и от деревни вниз к тракту спуститься.

— Согласен, — кивнул Кинт, — собираемся, быстро!

Шли быстро, иногда бежали, но аккуратно, дабы не переломать ноги. Через час, тяжело дыша, троица повалилась на небольшой каменный выступ над трактом. Хоть повозка и плелась по серпантину тракта, но обогнать ее получилось ненамного, Кинт только лишь успел усадить Локта и Акли на позиции, а сам спрятаться за каменной осыпью, как показался свет дорожного фонаря на оглобле повозки.

— Локт, поравняются — на тебе возница, двух других беру на себя, Акли, страхуешь, если что — вали лошадей, а то утащат повозку.

— Понял... Сделаю... — по очереди шепотом отозвались бойцы.

Закинув за спину карабин, взяв в руки палаш и револьвер, Кинт готовился к прыжку, он, словно кот, полусидя потоптался ногами по камням, выбирая наиболее удачное и удобное положение стоп... Фыркнули и заржали лошади, Локт метнулся к повозке, прихва-

тив винтовку с закрепленным на ней штыком, резкий вскрик, и возница слетел на дорогу с пробитой грудью. Кинт прыгнул к повозке и рубящим ударом почти отсек голову одному из работорговцев, а второму, потянув его за рукав и не давая схватиться за карабин, вонзил палаш в живот...

— Акли, спускайся! Освободи бойцов! — крикнул Кинт. — Локт, добей северян и займись трофеями, быстро!

Пленники, которые, казалось, брели почти без сил, уже освобожденные, быстро окружили повозку.

— Кто хочет сражаться за терратос? Здесь у фонаря строимся!

Оживленно переговариваясь, пленники все до одного переместились к лошадям и встали у фонаря.

— Отлично! Тогда лошадей распрячь, трофеи собрать, повозку с обрыва вниз! Фураж, припасы, все из их повозки на себя и на лошадей! И быстро, быстро, быстро!

К временному лагерю вернулись уже глубокой ночью. Кроме двух лошадей, неплохо разжились съестными припасами, походным снаряжением, тремя карабинами, не побрезговали снять одежду и обувь с убитых. Многие освобожденные были босиком, побиты, голодны, но злости и решимости им было не занимать. Кинт, Локт и Акли отдали бывшим пленникам все свое походное снаряжение, чтобы они могли согреться, выспаться и отдохнуть.

— Сильно костер разводить нельзя, поэтому укладывайтесь поплотнее, так теплей будет, — говорил Кинт, сидя у чуть поддерживаемого огня, — отсыпайтесь, а завтра у нас будет чем заняться.

До обеда следующего дня Кинт и Акли просидели в кустах, наблюдая за фортом и северным трактом. Локт

занимался с освобожденными армейцами — готовил несколько человек в боевую группу. Собственно, лишь пятерых из освобожденных Кинт отобрал для боевой задачи, другие, хоть и горели желанием, но были слабы.

— Ваша задача потом, когда противник будет уничтожен, быстро собрать все трофеи и вернуться в лагерь, — объяснял Кинт тем, кто не вошел в боевую группу.

— Что делать, когда вернемся? — спросил мужчина лет сорока, опирающийся на толстую ветку, приспособленную под костыль.

— Ждать. Вы капитан? — спросил Кинт, обратив внимание на нашивки на рукаве бушлата.

— Да, капитан пограничного корпуса Дарг Ганье.

— Тогда на вас возвращение трофейной группы после боя. Хорошо знаете эти места?

— За пару лет изучил.

— Вот и отлично, теперь готовимся выступать.

Место для засады выбрали удачное. На тысячу шагов два крутых поворота по серпантину, из форта это место не просматривается, и риска, что конвой северян поддержат огнем, нет. Оставалось дожидаться подходящей цели. Укрывшись за деревьями на склоне, Кинт с тремя бойцами проводили взглядом большой пеший отряд, не менее двух сотен штыков. Северяне перебрасывали силы в предгорья, спеша закрепиться там и выстроить единую линию обороны. Ближе к вечеру движение по тракту значительно сократилось, и Кинт даже стал переживать, что сегодня не получится эффективно реализовать планы по захвату трофеев. Но прибежал наблюдатель с северной стороны и сообщил, что по тракту движется несколько повозок с артиллерией, бойцов не более двадцати, а за ними больше движения не наблюдается.

Кинт похлопал наблюдателя по плечу:

— Беги по склону к передовой группе, предупреди Локта, атакуем этих артиллеристов.

— Так есть! — ответил пограничник и, ловко перепрыгивая камни и корни деревьев, побежал вниз.

Четверых северян в первой повозке и двоих, что сидели на лафете, передовая группа свалила за два залпа. Их выстрелы стали сигналом к атаке. Стреляли часто, на радость Кинту и на горе северянам — метко. Одна из повозок слетела с обрыва — испугавшись, кони дернули в сторону и повозка вместе с лафетом и орудием полетели вниз.

— Все на тракт! — закричал Кинт.

Сначала боевая группа ссыпалась на дорогу, добивая раненых, а затем и трофейщики взялись за дело. Распрягались повозки, на лошадей сразу грузились выюки с захваченными трофеями, собирали оружие, обувь, одежду, провиант, снаряжение и фураж... Боя как такового не было, был расстрел артиллеристов северян, которым, похоже, никогда не доводилось быть на передовой. Предполагалось, что они с тыловых позиций будут обстреливать противника взрывающимися чугунными чушками за пару тысяч шагов. Но сегодня не их день, сегодня повезло защитникам терратоса Аканов.

Кинт построил бойцов во временном лагере, перед тем как отдать команду готовить ужин.

— До темноты всем, кто босой, обуться, кто плохо одет, одеться в трофейное. Капитан Дарг, проследите.

— Так есть!

— Акли, проверь, чтобы все были вооружены и имели двойной запас патронов. Локт, накормить лошадей, переложить выюки и готовиться к походу, как стемнеет, идем к старой ферме. Пора навестить северян в форту.

Кинт понимал, что действовать надо быстро. Северяне, не дождавшись своей артиллерии, отправятся на поиски, а потом, когда обнаружат результаты засады, наверняка начнут прочесывать прилегающий к дороге редкий лес на склонах и искать тех, кто мог ее устроить. Времени не так много, максимум до утра, поэтому, как только стемнело, весь отряд Кинта отправился к старой ферме. Тринадцать бойцов, трое верхом и десять несостоявшихся рабов, ведущих восемь лошадей с грузом в поводу. Кинт сожалел о сброшенных с обрыва четырех орудиях, они бы оченьгодились, но горными тропами их никак не провезти. Было одно орудие странной конструкции и малого калибра, но разбираться с ним, снимать с лафета и искать боезапас к нему уже не было времени.

Развалины старой фермы и остов разрушенной временем и северными ветрами мельницы при лунном свете узнавались хорошо. Добрались без приключений и спрятали лошадей за развалинами, до форта совсем близко, не более полутора тысяч шагов. Некоторое время ушло на то, чтобы разобрать доски завалившегося сарая, за которым маскировался вход в тоннель.

— Акли, остаешься здесь с двумя бойцами, лошадей накормите. Локт, изготвь несколько факелов, — негромко скомандовал Кинт, набивая патроны в магазин карабина, — всем проверить оружие! Факела и лампы зажигать только внутри!

Проход под землей, с каменными сводами, ведущий к форту был неширокий, только-только двоим разойтись. Трещали и коптили факела, тенидвигающихся по тоннелю бойцов скакали по сырым стенам пугающими фигурами. По сырой каменной кладке ползали многочисленные твари, которые явно были недовольны тем, что их

побеспокоили, по меньшей мере года три сюда никто не спускался. Наконец, отряд оказался в просторной комнате с железной дверью в арочном проходе, ведущей в один из казематов форта. Кинт поднялся по трем ступенькам, прислушался, а затем попробовал приподнять массивный рычаг засова...

— Локт, помоги, — прошептал Кинт, — туго идет.

Порядком попыхтев, удалось сдвинуть засов и чуть приоткрыть дверь.

— Факела тушите... нет, лампы не надо, убавьте свет только.

Помещение за железной дверью действительно оказалось завалено каким-то хламом — старая мебель, доски, поломанные ящики и разошедшиеся бочки, детали от повозок и куча какого-то тряпья. Кинт пихнул ногой тряпье, потом отколол ножом щепку от доски и, запалив ее от лампы, поднял вверх...

— Понятно, тянет вверх, — сказал Кинт и указал на тряпье: — Перетащите это все за дверь и несколько старых бочек туда же.

— Зачем? — недоуменно поинтересовался один из бойцов.

— Я тебе сейчас расскажу зачем, — вздохнул Кинт, — но впредь, чтобы ты и думать забыл обсуждать приказы и задавать вопросы. Понятно?

— Так есть! — вытянулся боец и покосился на Ганье, а тот очень выразительно показал ему кулак.

— Ганье, займите пока своих разговорчивых бойцов, а мы с Локтом поднимемся в галерею и разведаем казематы.

— Будет сделано, — кивнул Ганье и вlepил затрепщину своему подчиненному.

Двоих расслабленных караульных, беседующих о славных победах их терратоса, Кинт и Локт оглушили

у порохового склада и затащили внутрь, где бросили на пол и связали. Затем одного из них привели в чувство. Приставив к его глазу клинок, Кинт тихо и почти вежливо спросил:

— Сколько ваших в форте?

— Я... я... я не зна...

Сильным ударом в живот Кинт заставил северянина соображать быстрее.

— Тут... тут пока полевое управление тыла, два караульных звена, три звена гренадеров, артель строителей и обслуга при столовой и конюшне.

— Что значит пока?

— Завтра прибывает командер Шелле с кавалерийским полком, и тут будет штаб кавалерии южного фронта.

— Когда вас должны сменить?

— Мы до утра заступили... людей мало.

— Где остальные караульные?

— Здесь, в башне, — пленный показал перепуганными глазами на потолок, — еще двое на стене дежурят, на воротах, и двое пленных охраняют. Остальные все там, наверху.

— А гренадеры?

— В казарме.

— Где пленников держат?

— Тут недалеко, я покажу... — дернулся северянин.

— Не надо показывать, скажи где.

— В подвале восточной башни.

— Скажи мне, северянин, из-за чего эта война? — вздохнул Кинт.

— Ваш терратос Аканов стал слаб и погряз в пороке, пришло наше время! — Пленный даже как-то переменялся в лице, говоря эти слова, прошел страх, и появилась гримаса ненависти и злобы.

— Ну, твое-то время точно уже вышло. — Кинт рассек горло северянина.

Второго умертвил Локт, быстро свернув ему шею.

— Что делаем дальше? — спросил Локт, снимая с убитого пояс с подсумками к винтовке.

— Вернись в подвал, давай всех сюда.

— Иду...

Кинт оставил капитана Ганье командовать выносом оружия и боеприпасов из арсенала. Троиим бойцам, что покрепче, приказал перетаскивать все по подземному ходу к развалинам старой фермы, где увязывать трофеи во выюки, и грузить на лошадей.

— Ну что, Локт, — Кинт отстегнул от винтовки одного из караульных трехгранный штык и сунул его себе за пояс, — поднимемся в башню, нарушим сон северян?

— С удовольствием! — Локт кровожадно улыбнулся, достал длинный нож из-за голенища сапога и тоже отстегнул штык от винтовки другого караульного.

Выход из казематов был напротив конюшен. На территории кое-где горели фонари, до казармы шагов сто, и в окошках-бойницах света не видно — гренадеры спят. Прижавшись к стене, пошли вдоль нее, до башни несколько шагов. Кинт, прежде чем потянуть тяжелую, окованную железом деревянную дверь, зачерпнул ладонями воды из бочки, что стояла рядом, под ливневой трубой, и изрядно намочил петли, дабы не было предательского скрипа на весь форт. Получилось, петли если и скрипнули немного, то совсем тихо. Поднявшись по лестнице, до выхода на стену Кинт замер, сначала он уловил запах табака, а потом разглядел и двух караульных на стене, они сидели на каких-то ящиках. Один дремал, привалившись к стене и накрывшись бушлатом, а второй курил трубку, периодически прикладываясь

к громко булькающей бутылки и мечтательно глядя в ночное звездное небо.

— Дай штык, — прошептал Кинт, стягивая сапоги.

Кинт выскочил из темноты арки и, пригнувшись, быстро добежал до караульных, первый штык пробил грудь нарушителя караульной службы и пьяницы, а второй сразу же достался спящему... Бутылка полетела вниз... звяк! Кинт присел и потянул из кобуры одного из караульных револьвер, ожидая худшего, но звон разбившегося стекла среди ночи никого не потревожил, разве что какая-то ночная птица, сидевшая на крыше башни, гугукнула и вспорхнула в ночное небо, шумно рассекая воздух большими крыльями.

— Держи, испачкан немного... — вернул Кинт штык Локту, быстро намотал портянки и обулся. — Теперь наверх.

Кинт и Локт колебались недолго, прежде чем начать убивать спящих северян. Вот так, убивать врага во сне еще не приходилось. Наконец, когда дело было сделано, они, словно мясники, стояли напротив друг друга с ножами и штыками в руках, а по полу начинали растекаться кровавые лужи.

— Славная вышла резня. — Локт походил на кочевника, который только что закончил с разделкой мяса для собак.

— Сколько их точно? — прошептал Кинт, осматривая место бойни.

— Вроде восемь... да, восемь.

— Значит, не обманул пленный, и в восточной башне еще двое. Ну и вид у тебя, — хмыкнул Кинт.

— А ты что, думаешь, на студента похож? — тихо гоготнул Локт. — Может, в казарму?

— Нам людей вывести нужно, не будем дразнить удачу... идем.

До восточной башни прошли по стене, пригибаясь и прячась в тени широких прямоугольных зубцов. За бойницами головы башни был виден тусклый свет... прокрались к входу и медленно стали подниматься наверх. Ворваться на этаж не получилось, дверь была закрыта изнури, а открывалась наружу, то есть выбить и вломиться также не получится. Зато были проушины для навесного замка. Кинт тихо и осторожно, не дыша, вставил в них штык и показал рукой Локту спускаться.

Глава пятая

Тяжелый люк лаза в подвал башни был закрыт на мощный засов, отодвинув который, Кинт спустил туда деревянную лестницу, что лежала у стены, присел у зияющей темнотой квадратной дыры и негромко сказал:

— Вылезайте, надо уходить... Ну, что молчите, есть кто?

— И ночью покоя нет, — пробасил кто-то снизу, — что, не терпится заработать еще монет за десяток рабов, что ты даже ночью приперся.

— Ты, похоже, от сырости спятил там, и не громы-хай так голосищем, северяне услышат, — прошипел Кинт в темноту лаза.

— А ты кто? — исправившись и понизив голос, спросил тот же человек.

— Мастер-жандарм корпуса охраны дорог Кинт Акан.

Внизу громыхнула миска или что-то другое, и знакомый Кинту, но простудно сипящий голос спросил:

— Как звали твоего последнего капитана, дьявол его возьми!

— Вылезайте уже, капитан Брэтэ, — Кинт мысленно поблагодарил небеса за еще одного старого вояку и далеко не чужого ему человека, — время идет, а нам надо многое успеть, и не шумите.

Лестница затряслась, на верхнюю перекладину легла сначала одна, потом вторая рука, и в тусклом лунном свете из приоткрытой двери входа в башню показалось лицо капитана Брэтэ. Многодневная щетина, впавшие, но полные злости и решимости глаза.

— И почему я не удивлен, Кинт? Дьявол нас с тобой возьми! — вылезая, шептал Брэтэ.

— Я тоже рад вас видеть, капитан, поторопитесь... Сколько вас там?

— Дюжина доходяг... голодных и злых доходяг.

Тем же путем, что и пришли, пригнувшись, цепью, Кинт и Локт с беглецами вернулись в башню с вырезанным караулом.

— Локт, поднимись, и соберите ранцы, оружие, снаряжение, чтобы у всех обувь была, нам по горам идти.

— Так есть, — кивнул Локт и, повернувшись к тесно набившимся в башню беглецам, тихо сказал: — За мной, наверх.

Все поднялись, кто-то, вероятно, поскользнулся на луже крови и грохнулся на пол, Кинт выглянул в бойницу и осмотрел форт... на конюшне несколько раз фыркнули лошади, гроыхнули цепями у ворот собаки, но лаять не стали, чего лаять на истинных хозяев форта...

— Мясники! — Довольно улыбаясь, первым спустился Брэтэ, с ранцем, закинутым на плечо на одну лямку, и на ходу пристраивая кобуру с револьвером на пояс.

— У вас возражения, господин капитан?

— Никаких! — Брэтэ подошел к Кинту, развернул его за плечи, лицом к лунному свету, разглядывал

несколько мгновений и сказал: — Все-таки я в тебе не ошибался.

— Но как вы здесь, Брэтэ? Разве вы не покинули форт после упразднения корпуса?

— Покинул, — вздохнул он, тоже подойдя к бойнице и выглянув в нее, — но понял, что сопьюсь и сдохну к дьяволу... Вернулся в форт через полгода и в должности мастера-оружейника продолжил службу, арсеналом заведовал да сопливых бойцов пограничного корпуса по ущельям водил, учил тому, что сам умею. А вы с Локтом со стороны старой фермы сюда проникли?

— Да, — кивнул Кинт и, пересчитав всех спустившихся сверху, сказал: — Дальше идем тихо, даже если что-то случится, в бой не ввязываемся, все уходим к арсеналу, а затем в казематы.

У арсенала стояли Ганье и двое его бойцов, они уже забаррикадировали проход по галерее бочками и ящиками, оставив узкое место, у которого Кинт остановился, пропуская всех вперед. И тут со стороны входа в галерею послышался приглушенный звон тревожного колокола.

— Наверное, те, что остались в башне, выбили дверь и подняли тревогу, — предположил Локт.

— Похоже... Локт, уводи всех, я с Ганье останусь. — Кинт прошел за баррикаду и пихнул ящики, окончательно завалившие проход.

— Иди, Кинт, десять минут продержимся, подождем арсенал и уйдем, — ответил Ганье и сказал своему бойцу: — Сними со стен ближайшие светильники, полей маслом стеллажи в арсенале.

— Ладно, — согласился Кинт, — особо тут не усердствуйте, в нижнем каземате тряпье и хлам тоже подожгите, дымом всю галерею заволочет.

Уже пробираясь по подземному ходу замыкающим, Кинт услышал звуки разгорающейся перестрелки и, поправив на плече связку из нескольких карабинов, некогда принадлежавших пограничному корпусу, ускори́л шаг.

— Проверить вьюки и груз! Капитан Брэтэ, посмотрите за своими несостоявшимися каторжанами! Всем проверить обувь, перемотать портянки, у кого их нет, рвать нательное белье! Идти будем без остановки несколько часов, нас будут преследовать, времени на сопли и мозоли не будет! Всем понятно? — негромко, но чтобы все слышали, сказал Кинт, подойдя к своей лошади и пристраивая связку карабинов. — Оправиться и попить сейчас, на переходе будет не до того. Локт, Акли, снимете охранение — и выдвигайтесь дозором.

Брэтэ с одобрением посмотрел на Кинта и, просунув руку за свободную лямку трофейного ранца, тряхнул им и пристроил поудобнее на спине.

Перестрелки со стороны форта уже не было слышно, и тут яркая вспышка, в которой разлетались камни стены форта, озарила небо, а через мгновение раздался раскаты́стый взрыв.

— Эх, сколько лет стоял... — с сожалением сказал Брэтэ.

— Да уж, — кивнул Кинт, — выстраивайтесь на тропе, начинайте движение, господин капитан, я дождусь Ганье, и мы нагоним вас.

Кинт уже начал волноваться, когда из подземелья, тяжело дыша, с болтающимся спереди на шее карабином с открытым затвором, боец вынес на закорках Ганье.

— Ну что же вы... — подбежал Кинт к бойцу и помог опустить Ганье на землю. — Где третий?

В ответ боец отрицательно замотал головой.

— Что с капитаном?

— Две пули, обе в живот, — с трудом проговорил Ганье. — Все, Кинт, моя война закончилась... и мне понравилось, как и где я ее закончил... а ты продолжай, не давай северянам спуска, у тебя получится... а мне, познав жизнь, уже не страшно ее потерять...

Веки капитана дернулись, он медленно и облегченно выдохнул, а голова свалилась на локоть поддерживающего капитана Кинта. Следующий вздох Ганье уже не понадобился...

— Помоги закинуть капитана на седло, — сказал Кинт, — он достоин уйти на небеса как воин и не достаться стервятникам.

Боец согласно кивнул, помог Кинту, и они отправились вслед за отрядом.

Двадцать три человека и одиннадцать обвешанных вьюками лошадей медленно, то выбираясь на каменные проплешины, то заходя в низкорослый горный лес, шли в предрассветном тумане по извивающейся узкой тропе, поднимаясь вверх, к перевалу. Но на самом деле это был не туман, а опустившиеся на горы облака. В седловине устроили привал на несколько часов. Там же похоронили капитана Ганье, его уже заочневшее тело обложили камнями, и перед тем как продолжить путь, каждый еще раз прошел мимо могилы и положил маленький камень. Затем снова на тропу, до Черного ущелья было еще два дня пути, узкими тропами, перевалами... подальше от северного тракта, возможного преследования и поисков.

К вечеру второго дня отряд спустился в ущелье. До лагеря оставалось около двух часов пути, когда, спотыкаясь о камни, к тропе выбежал Акли, который шел в дозоре с Локтом.

— Кинт, кочевники!

— Много?

— Много! Человек тридцать, встали лагерем, тысячи две шагов по руслу на юг.

— Капитан Брэтэ!

— Что, Кинт, — старый вояка, сообразив по поведению Акли о неприятностях, подошел и снял с плеча карабин, — расходимся фланговой цепью?

— Да, капитан, возьмите десяток бойцов, обходите русло справа, впереди лагерь кочевников, подойдите на расстояние выстрела, и внимательно, они наверняка выставили охранение. Вступаете в бой после моего отряда.

Брэтэ кивнул, молча развернулся и по очереди, указав рукой на нескольких бойцов, увел их в сторону подножья горы, возвышающейся справа от тропы. Кинт, оставив троих жандармов охранять лошадей, остальным скомандовал приготовиться к бою и следовать за ним.

— Веди, Акли.

Кочевники расположились на ночлег, они пришли в ущелье, скорее всего, с запада, по одной из троп, ведущих с южных предгорий, вероятно, война заставила их покинуть места, где они обычно промышляли налетами на маленькие деревушки и отдельно расположившиеся на южных склонах фермы овцеводов. Горело несколько костров, у которых расположились вечные скитальцы терратоса, занимаясь приготовлением ужина. Три десятка низкорослых, но выносливых лошадей северных пород стояли у берега речки, со связанными ногами, а рядом сутилось несколько кочевников, обихаживая их — осматривали копыта, обтирали щетками...

— Смотри-ка, заботливые какие. — Кинт присел за густым кустом, растущим меж камней, разглядывая лагерь кочевников в подзорную трубу. — Брэтэ еще не успел обойти, подождем немного.

— Хорошо, что от тракта далеко, — сказал Локт, присевший рядом на корточки, — боя не избежать, да и нет тут другого пути, только по руслу.

— Передай бойцам по цепочке, чтобы лошадей поберегли...

— Так есть, — тихо ответил Локт и плавно переместился к рядом сидящему бойцу.

Тут справа, со стороны горы, наверняка потревоженные звеном Брэтэ, поднялись в небо несколько стервятников и стали кружить, а их вскрики, многократно отражаясь от гор, эхом понеслись по ущелью. Кочевники сразу же, бросив все приготовления к ужину, схватили оружие и укрылись за камнями.

— Стареешь, Брэтэ, — с досадой процедил сквозь зубы Кинт и, убрав подозрную тубу, приложился к карабину: — Огонь!

Смерть настигала кочевников совсем не с той стороны, с которой они приготовились встречать возможных гостей. Бой был недолгим, кочевники, сообразив, что находятся в невыгодном для обороны положении, стали отходить по руслу на юг. На камнях осталось немного тел, расстояние увеличивалось, и Кинт приказал прекратить огонь. Теперь стреляло лишь звено Брэтэ, напрасно расходуя патроны и сразив только двоих убегающих противников, наконец, они все скрылись за деревьями.

— Дьявол! — сплюнул себе под ноги Кинт. — Так они и до нашего лагеря добегут. Локт, Акли, вернитесь к лошадям и спускайтесь к лагерю кочевников, я пришлю человека.

— А ты? — спросил Локт, набивая в магазин карабина патроны.

— А я с остальными в погоню, надеюсь, Григо хоть немного продержится...

Но вдруг со стороны леса, справа от русла, куда ушли кочевники, стали доноситься звуки разгорающейся перестрелки, стреляли часто, а затем кочевники снова стали появляться на каменистом берегу.

— Огонь! — снова скомандовал Кинт.

Опять разносясь эхом по ущелью, часто захлопали выстрелы. Кинт посмотрел в подзорную трубу на горы справа и очень удивился, не обнаружив там никого из звена Брэтэ...

— Ты что, правда так подумал? — Брэтэ сидел на большом камне у шумящей на перекатах Черной речки, и с недовольной миной разглядывал сапог, который «раззявил пасть», скалясь кончиками часто набитых гвоздиков.

— А что мне еще оставалось думать? — Кинт сидел рядом и набивал трубку. — Я еще это и вслух сказал.

— Я тех стервятников специально спугнул, оставил двоих бойцов, чтобы пошумели, а с остальными сразу начал спускаться, перерезая путь отступления.

— Хитро! — Улыбаясь, Кинт раскурил трубку и посмотрел в сторону лагеря кочевников, где Локт командовал сбором трофеев.

— Не все мозги-то пропил. — Брэтэ похлопал Кинта по плечу, встал и швырнул сапог в сторону. — Дьявол! Пойду, сапоги себе поищу, мои совсем на камнях разбились.

Боевой опыт Брэтэ, именно в части горных засад и вообще по действиям в горах, был просто бесценен, и, думая об этом, Кинт просто нарадоваться не мог, а заодно и мысленно пристыдил себя за то, что усомнился в капитане. В лице Брэтэ отряд получил пусть строптивого, немолодого, но опытного и грамотного командира. За все боестолкновение отряд не потерял ни одного бойца, даже раненых не было.

Лошадей забрали всех, пригодятся и как вьючные, и конечно же на мясо. Достались приличные запасы фуража, а также вроде незначимое, но так нужное отряду бивачное снаряжение — котелки, посуда, бочонки и бурдюки под воду. Оружия было много, хоть и старого, а вот боеприпасов почти не досталось, вероятно, это не первый бой кочевников, и, скорее всего, северяне и их неплохо потрепали в предгорьях. А еще обувь, в горах она быстро превращается в лохмотья. Но не в случае с кочевниками, их обувь сделана из кожи диких буйволов, многослойная прессованная подошва... и как они это делают? Тела кочевников оставили стервятникам да диким зверям, и после того, как весь отряд был готов двинуться в путь, вновь выслав Локта и Акли в качестве дозора, пошли дальше.

Глава шестая

Сарт вышел из-за большого валуна у реки и встретил дозорных шагов за пятьсот от лагеря, а потом, не скрывая волнения, стоял и перетаптывался с ноги на ногу, выглядывая в тянущейся по тропе колонне Кинта.

— Ну как у вас тут? — Кинт подошел к Сарту, ведя в поводу навьюченную лошадь.

— У нас хорошо, и ваш поход, гляжу, удался.

— Удался... Ты в охране?

— Так есть! — вытянулся Сарт и, приставив к ноге карабин, кивнул. — Заступил на сутки!

— Понятно, людей прибавилось, так что с караулами будет проще... А пока дежурь, где ты там прятался?

— А вон там, за валуном.

— Правильно, — одобрительно кивнул Кинт и пошел дальше.

Он думал, что удастся отдохнуть после перехода, однако не случилось такого счастья. Под напором Брэтэ Кинт сформировал штаб, куда вошли он сам, Брэтэ, Григо и еще несколько вояк. Затем закрутилось все до глубокой ночи. Были организованы фуражирская и трофейная службы, и не важно, что в них по паре человек, главное, есть отвечающие за это люди. Локту было поручено собрать звено разведки, которым ему и предстояло командовать. Брэтэ, призвав себе в помощники и заместители Акли, занимался перевооружением и формированием остальных звеньев. Наконец, когда все командование отряда закончило с решением важных краткосрочных задач, Кинту удалось поковыряться в котелке с уже остывшей кашей и хоть немного поспать, свернувшись на лежанке из жердей.

Разбудил Кинта голос Брэтэ. Капитан, с присущими ему интонациями и бранными словами, прохаживался рядом со строем бойцов и выдавал одно за другим распоряжения относительно распорядка дня...

— Вот, — прибежал Сарт с котелком в руке, — позавтракай.

— Спасибо, — ответил Кинт, взял котелок и поставил его на землю, затем расстегнул бушлат и потянул за цепочку хронометр из внутреннего кармана. — Ого! Одиннадцать. Чего не разбудил?

— Эм...

— Вот чтобы в первый и в последний раз! Не на прогулке. И кстати, а ты почему не в строю?

— Я хотел, но Григо...

— Что Григо?

— Я сказал, что он будет при тебе, адъютантом. — Сзади подошел Григо и, кивнув, поздоровался.

— Хм... ну раз уж ты в адъютантах, сбегай найди Локта.

Сарт убежал к одному из навесов в лесу, а Брэтэ, распустив строй, тоже подошел к Кинту.

— Сегодня все занимаются фортификацией, — сказал капитан и присел на лежанку, — надеюсь, не против?

— Нет, Брэтэ, все правильно, только для разведки будет задание, — сказал Кинт, громыхая ложкой по котелку, — и раз у нас такое заседание штаба получается, то надо разведать тропы на юг, через перевал, а также организовать постоянное наблюдение за трактом.

— Думаешь выходить в предгорья?

— Да, долго нам тут находиться бессмысленно, а зимой и подавно, через пару месяцев уже первый снег ляжет.

— Верно, — кивнул Брэтэ и, прищурившись, посмотрел, как играет на перекатах Черная речка, отчего из уголков его глаз разбежалось множество морщин, — тракт хорошо бы перекрыть, прежде чем уходить на юг, хоть прервем ненадолго снабжение, а дирижаблями много не навозишь.

— Можно устроить завал, — сказал Григо, если най-ти чем взорвать... а хотя бы на склоне, где Мертвый лес, насыпет на дорогу так, что северяне неделю разгребать будут.

— Очень близко к Теку, патрули, разъезды могут быть, — ответил Кинт.

— И что? Нам времени не особо много нужно, только взрывчатку заложить и рвануть, хорошо бы, конечно, заодно какой-нибудь конвой северян присыпать... а потом уйдем в ущелье и оттуда тропами на юг, — хлопнул ладонями по коленям Брэтэ.

— Хорошо, — кивнул Кинт, — но сначала разведка... А вот и Локт идет.

Долго объяснять задачу Локту не пришлось, сообразительный он, ловкий и умный. Уже к обеду, собрав-

шись, звено Локта выехало на разведку на юг с приказом искать надежные тропы и в бои не вступать. Затем Григо попросил выделить ему звено для рейда...

— Зачем? — спросил Кинт.

— Крови жажду, Кинт, за Тек, за свой дом... Ты не волнуйся, я аккуратно, наскочим, ужалим максимально сильно, и в горы.

— Локт забрал себе всех, кто более или менее в горах ориентируется.

— Я научу бойцов чему надо, пока дойдем.

Не позволить Григо сделать то, что он попросил, конечно, было в силах Кинта, но крови жаждал не только Григо...

— Хорошо, только жалить будешь севернее по тракту, на выходе в долину, — сказал Кинт, — и не сразу... люди хоть и рвутся в бой за унижение пленом, но многие еще слабы.

— Кинт дело говорит, верно, слабы многие, — согласился Брэтэ, — завтра возьмешь звено из пограничников, они хоть как-то эти места знают, от работ их освободим, пусть отъедаются и отдыхают дня три, а потом можешь отправляться в рейд.

— Хорошо, три дня потерплю, — расплылся в довольной улыбке Григо.

— Откуда-то я тебя знаю... но ты ведь не из вояк, — обратил внимание на улыбку Григо капитан.

— Лет десять назад мы встречались в ледяной седловине... во время пурги.

— Точно! А я все думаю, вроде знакомое что-то, а вспомнить не могу.

— Странно, — хмыкнул Кинт, — насколько я знаю, встретиться вы десять лет назад, то все закончилось бы плачевно для одного из вас.

— А так и случилось бы, — кивнул Григо и посмотрел сквозь крону дерева на медленно плывущие по небу облака, — только вот обстоятельства сложились такие, что места неприязни и выяснению отношений не было. Это была моя последняя перед зимой проводка каравана с самоцветными камнями, снега намело уже прилично, но пройти еще возможно... только вот началась пурга, и, потеряв половину людей и груза, я кое-как успел довести оставшихся до седловины с вечно ледяным озером...

— А я как раз с дальнего патруля возвращался, — добавил Брэтэ, — и тоже решил переждать пургу в той седловине с огромной глыбой льда посередине и с небольшим хвойным лесочком, спустившись в который, мы обнаружили лагерь контрабандистов...

— Нас всего четверо было да пара лошадей... смотрим, звено дорожной жандармерии к нам спускается, на мушку взяли, но стрелять не стали...

— Это еще кто кого на мушку взял! — По интонации Брэтэ было слышно, что Григо говорит правду... но ведь обидно!

— Значит, на время снежной стихии было перемирие, — сделал вывод Кинт.

— Точно, — ответил Григо, — и даже потом, откапывали друг друга наутро... топили снег, отогревались горячим чаем, делились едой.

— Да... — согласно кивнул и о чем-то задумался Брэтэ.

Так и пошло... каждое утро Брэтэ, как назначенный Кинтом начальник штаба, ставил задачи отряду — делать секреты для караула, укреплять огневые точки на подходах к лагерю, ну и, конечно же, занимались хозяйством и бытом, что немаловажно. Всех удалось обути и одеть, собрать минимум проходного снаряжения

каждому бойцу и, естественно, боеприпасов. С оружием проблем не было, карабинов хватало даже с излишком. Лошадей тоже разобрали и еще оставались те, которых можно под вьюки на переходе задействовать.

Проводив Григо в рейд, Кинт и Брэтэ по памяти, на шкуре угольками пытались восстановить карту предместий Тека и предгорий, сидя у реки под бдительной охраной Сарта, который так и остался адъютантом Кинта. Более или менее сносная карта получилась, были основные ориентиры, как то: хребты, дороги и реки.

— Ну вот, осталось Локта дожидаться, — Брэтэ пыхтел трубкой и двигал густыми бровями, глядя на получившуюся карту, — а потом можно сниматься, устраивать завал на тракте и уходить на юг.

— Если ничего не случилось, то сегодня-завтра вернется, — сказал Кинт и добавил несколько штрихов углем, изобразив мост через реку: — Этот мост взорван.

— Значит, у нашего терратоса нет никакой возможности доставить войска в эту долину. — Брэтэ ткнул мундштуком в шкуру, где была схематично изображена долина меж двумя холмами, а также несколько ферм.

— Получается так... Знаете, Брэтэ, я ведь знал про готовящиеся диверсии, но что-то предпринять уже не было времени, да и не было у Треста таких связей с комиссией парламента по обороне.

— Северяне, конечно, умыли нас, — вздохнул Брэтэ, затаился и выпустил дым вверх. — Ты-то сам что думаешь?

— Вам, капитан, не понравится то, что я думаю.

— Говори, — Брэтэ сделал вид, что ищет кого-то на берегу Черной речки, — тайной жандармерии не видно.

— Шутите... сколько вас знаю, нечастое явление. Так вот, думаю я, что за пару лет до вторжения все на-

чалось... а может, и раньше. Действовали шпионы, да и с некоторыми нашими представителями торговых гильдий и шпионов не надо. А теперь северяне получили территорию, которую сложно будет отбить, наступая с равнины. Получили рабов, которые будут работать в шахтах рудников, которых с этой стороны перевала в предгорьях хватает. Еще путь на Майнг северянам теперь открыт, и если они возьмут этот город, то наш терратос в плане промышленного производства и науки очень сильно осиротеет.

— Верные выводы, — кивнул Брэтэ.

— Есть еще одно, но не уверен... На юго-восток от Тека, дней на десять пути, некоторое время назад было сделано важное открытие, из-за которого потом погибло много людей.

— Из-за открытия?

— Точнее, из-за того, чтобы те, кто про это знал, ничего никому не смогли никогда рассказать.

— А тебе про это откуда известно?

— Я единственный, кто выжил там.

— Вот, значит, как... Ладно, это все вопросы для умных голов из столицы, а наша задача бить врага.

— Точно, — улыбнулся Кинт, — дождемся Локта, затем Григо и выступаем.

Локт привел свое звено разведчиков на следующее утро, измотанных, уставших, но все живые и довольные. Все целы, только вот трех из семи лошадей потеряли — сорвались в пропасть. Как и было приказано, в бои не вступали, оттого и чуть задержались — обходили группу неизвестных вооруженных людей. Было непонятно, кто это, а рисковать и выяснять приказ не поступал. Разведчики нашли три тропы на юг, две из которых, соединяясь уже за перевалом, переходили в старую дорогу по предгорьям, вдоль устья высохшей реки.

А вот Григо вернулся с потерями... один из бойцов, вопреки науке Григо, пытался спасти коня, точнее, навьюченный на него скарб, и сорвался со скалы. Случилось это еще по пути к тракту, отчего настроения у бойцов вовсе не прибавилось, но Григо одному ему ведомым способом вернул боевой дух бойцам, и они совершили два дерзких нападения — сначала обстреляли большой отряд пехоты северян и, по словам Григо, убили не меньше трех десятков врагов, а потом опять досталось артиллеристам, пять орудий было сброшено в пропасть, а одно небольшое, странной конструкции, прибыло в лагерь в разобранном виде и с двумя ящиками боеприпасов к нему.

— Странная пушка, — сказал Кинт, стоя у сгруженных у навеса штаба частей трофейного орудия.

— Точно, — ответил Григо, — артиллериста северян для того и прихватили, чтобы научил.

— Так пусть ведут его, чего время терять, — сказал Кинт и уселся на ящик с боеприпасами от трофейного орудия.

Молодой крепкий парень в потрепанном красном мундире и с изрядно помятым лицом стоял перед Кинтом спустя пять минут.

— Жить хочешь?

— Это смотря как... рабом — нет, не хочу!

— В нашем терратосе не принято держать рабов, — безучастно ответил Кинт, внимательно разглядывая шесть стволов, чуть толще, чем винтовочные, но калибром, похоже, таким же.

— Парень, выбор вообще-то у тебя небольшой, — это Брэтэ, — я хоть и стар, но последняя моя должность оружейник, так что не хочешь — не надо... может, и не сразу, но разберусь.

Пленный с минуту поразмышлял, потом махнул рукой и сказал:

— В какую сторону стрелять будем?

— А вот через реку и будем, видишь дерево, весенними водами подмытое?

— Да. Помогите на лафет поставить и развернуть.

— Сарт, помоги, — сказал Кинт.

— Встаньте, пожалуйста, — попросил пленный, когда орудие на узком лафете и с колесами, как у конной повозки, было собрано, — надо патроны в магазин заправить.

— Давай заправляй. — Кинт встал с составленных один на другой ящиков.

Пленный открыл один ящик, достал из крепления длинный латунный магазин, очень похожий на те, что у Кинта в пистолетах, только под винтовочный патрон и в длину полтора локтя. Из промасленных бумажных упаковок, разорвав их, парень начал набивать в магазин патроны, комментируя:

— Это механическое малокалиберное орудие Тарта, десять стволов, до трехсот выстрелов в минуту, правда, это от силы механика-стрелка зависит, в магазин помещается сорок патронов...

Пленный отложил набитый магазин и стал было набивать другой, но Кинт его остановил:

— Достаточно, показывай.

— Вы же должны увидеть, как менять магазин...

— Хорошо, выщелкни из того магазина, что уже набил, десять патронов и снаряди ими второй... У нас тут, как видишь, склада нет.

Кивнув, пленный повиновался и сделал, как ему сказали, подошел к орудию и спросил:

— Кто из ваших будет управляться с ним?

— Кинт, разреши мне? — Сарт умоляюще смотрел на старшего товарища.

— Давай, — согласился Кинт.

Пленный подошел к орудию и, дождавшись, когда Сарт встанет рядом, начал манипуляции, сопровождая их объяснениями:

— Сначала надо взвести пружину ударника, видишь? — пленный оттянул ручку на торце ствольной коробки. — Освобождается замок магазина, ставим магазин, возвращаем затвор назад... все, можно целиться... куда?

— Я же говорю, вон в то дерево, на том берегу, толстое! — Брэтэ так же с интересом наблюдал за манипуляциями над орудием.

Пленный покрутил немного ручки горизонтальной и вертикальной наводки, припав к прицелу, потом выпрямился и спросил:

— Ну что, стрелять?

— Дьявол тебя возьми! Да стреляй уже! — Брэтэ отошел в сторону и чуть пригнулся, желая увидеть, как будет работать орудие.

— Тогда уши закройте, — сказал пленный и с силой крутанул ручку, приводящую в действие адский механизм.

Стволы завертелись, и словно сотни винтовок захлопали выстрелы, но вдруг выстрелы прекратились...

— Сломалась? — настороженно спросил Брэтэ.

— Нет, патроны закончились, — ответил пленный и обратился к Сарту: — Теперь снова ручку на себя, пустой магазин долой и ставишь новый... теперь сам крути.

Сарт с азартом, но с большим трудом провернул ручку на один оборот, выпустив еще десять патронов, а ствол дерева значительной толщины в результате разлетелся в щепки и переломился надвое.

— Дьявольский механизм, — только и произнес Брэтэ.

— Их только с началом войны привезли к нам в полк, — сказал пленный, — с завода инженер приезжал, спешно учил... Орудие, бывает, клинит, тогда приходится повозиться...

— Ты уже возился?

— Да, пару раз.

— Ясно. — Кинт поправил пояс. — Брэтэ, приставьте к орудию и пленному охрану, два человека, Сарт, ты теперь тоже от орудия ни на шаг, понял?

— Так есть! — аж прикрикнул от радости Сарт.

— Все, всем готовиться к походу, завтра снимаемся со стоянки и выходим, хватит зад отсиживать!

Глава седьмая

После трех дней перехода отряд Кинта встал на ночлег в узком ущелье, что в часе пешего пути от тракта, а с дозорного поста на хребте, куда Брэтэ послал двоих наблюдателей, можно было разглядеть разрушенный и сожженный Тек.

— Костры не жечь, не курить, враг близко, а мы в этом ущелье, как в мышеловке, дьявол ее возьми! — сразу, как только была дана команда готовить привал, начал отдавать распоряжения старый вояка.

— Локт, — позвал Кинт звеньевого разведчиков, — как стемнеет, выдвигайся на склон, к Мертвому лесу, переночуете там. С рассветом осмотритесь, подбери участок для засады на тракте, а также найдите на каменных осыпях подходящие места для взрыва.

— Так есть! — несмотря на усталость, бодро ответил Локт.

— Походные одеяла еще у Григо возьмите, высоко, холодно будет ночью.

— Так есть!

Григо неплохо справлялся с организацией быта в отряде, чему Кинт был очень рад, важное дело делает Григо, не оскотиниться в военных скитаниях — тоже немаловажная задача. А Брэтэ после ужина всухомятку уединился с двумя армейцами и занялся изучением трофейных гранат, а заодно обдумывал, как с их помощью устроить обвал каменной осыпи на тракте. Сарт ни на шаг не отходил от частей разобранного орудия. Стреноженный, как и лошади, пленный под присмотром двух охранников тоже сидел у орудия. Было выставлено охранение, отобрана группа бойцов для акции на тракте. На рассвете Кинт поведет эту группу, а Григо и Брэтэ уведут остальной отряд на юг...

Оставив лошадей в небольшой расщелине, где уже находился один из разведчиков с лошадьми их звена, Кинт и пятеро бойцов поднялись к хребту, за которым на крутом склоне, меж больших валунов, каждую весну снегами сдвигаемых к тракту, спрятались разведчики во главе с Локтом.

— С прибытием, — кивнул Локт, когда Кинт с бойцами аккуратно спустились, стараясь не задевать потрескавшиеся в щебень камни осыпи.

— Как тут? Где остальные?

— У дороги, наблюдают. С утра прошел большой отряд кавалерии с обозом, потом проехали моторные повозки грузовые... пару раз со стороны Тека проезжали патрули, на север и обратно, осторожничают. Похоже, Григо неплохо пошумел.

— Тогда отзывает тех, что у дороги, будем готовить заряды, ждать северян и взрывать.

— Так есть, — ответил Локт и свистнул условным сигналом, из-за валуна у дороги показались две головы и Локт махнул им рукой.

Брэтэ несколько раз объяснил Кинту, как пользоваться механизмом взвода гранат, и теперь, немного волнуясь, Кинт придавил камнем одну из связок, взвел ударный механизм и вставил под его флажок винтовочную гильзу в распор. И так еще два раза, под тремя большими камнями с трещинами, на участке шагов в пятьдесят по склону, установили три связки гранат, к гильзам, предохранявшим от срыва флажка механизма взвода, были протянуты шнуры из распущенной с вечера веревки...

— Все, Локт, командуй всем спускаться к лошадям, — сказал Кинт и поудобнее улегся в небольшую ямку на склоне, придавив камешками концы трех шнуров, — лошадей пока покормите, а я дождусь северян, взорву и спущусь.

— А если долго ждать придется?

— Значит, буду ждать. Все, иди.

Ждать пришлось действительно долго, ноги Кинта затекли, а солнце нагрело каменный склон, как сковороду. Наблюдая за видимым участком тракта в подзорную трубу, он проводил взглядом сначала конный разъезд патруля, затем две грузовые моторные повозки с севера, а потом тишина, никого... И так Кинт лежал уже третий час, одежда прилипла к спине и очень хотелось пить, а фляга в ранце, за спиной, но шевелиться лишний раз уже не хотелось. Но вот, когда уже четвертый час ожидания был на исходе, на дороге показался пеший строй... «Пехота! То, что надо!» — подумал Кинт и приложился к подзорной трубе. Полк, не меньше, с обозом и двумя моторными повозками, которые натужно гудели, волоча за собой тяжелые орудия. Приблизительно рассчитав время подхода строя к склону, Кинт по очереди дернул шнуры, а через несколько секунд, с небольшой задержкой, раздались три взрыва... Большие и маленькие кам-

ни, валуны и мелкая осыпь с грохотом поплыли вниз, к тракту. Северяне запаниковали, пытались бежать, обозники хлестали вожжами перепуганных взрывами лошадей, а волна громыхающей каменной осыпи, сопровождаемая клубами пыльной взвеси, стремительно летела вниз.

С большим удовлетворением от содеянного Кинт привстал на колени, наблюдая за результатом схода каменной лавины, склон оголился, и теперь, после нескольких лет дождей и холодных зим, на нем снова появятся залежи потрескавшихся камней, готовых в любой момент сползти на дорогу. Сейчас же, под толщей не менее человеческого роста, на тракте погребены заживо северяне, враги, которые принесли на земли терратоса Аканов несчастья, разрушения и смерть. Именно в этот момент, глядя на оседающую на тракт пыль, Кинт почувствовал, как ожесточилось его сердце. Сложив подзорную трубу и убрав ее в кожаный чехол на поясе, он наконец достал из ранца флягу, сделал несколько больших глотков и полил себе на лицо.

— Кинт! — спускался сверху Локт. — У нас получилось!

— Получилось, — Кинт надел ранец, — идем, теперь дотемна надо успеть пройти перевал.

Забирая западнее от тракта, чем увеличив путь к предгорьям, Кинт с отрядом выдвинулись к месту, где Григо, Брэтэ, Сарт и остальной отряд должны их ожидать в небольшом распадке за перевалом, с хвойным лесом на склонах и с еле заметной тропой контрабандистов в чаще, тропой на юг.

Весь отряд собрался через два дня в распадке. Место дикое и безлюдное, по дну распадка протекает быстрая река, что собирается из небольших горных речушек, недалеко, в полудне пути, мост через эту реку, взорван-

ный наймитами северян. Если прислушаться, то даже сквозь шум воды, пенящейся на перекатах, с юга иногда доносится канонада — это идут бои за Мьент и его рудники. Отдохнув два дня от перехода и дождавшись разведчиков, Кинт собрал штаб и, посоветовавшись с Брэтэ и Григо, решил вести отряд дальше, к небольшой рыбацкой деревушке, мимо которой проходит северный тракт.

— Это место тоже хорошее, — сказал Григо.

Штабное совещание проходило на небольшой поляне, под наскоро сооруженным навесом. На поляне также разместились подчиненные Григо обозники — трое бойцов, ответственных за кухню и прочие тыловые задачи.

— Хорошее, но далеко от тракта, — ответил Кинт, — а наша самая реальная возможность с такими силами, это сделать так, чтобы северяне боялись ступить на булыжник дороги, а еще громить их тылы.

— Отсюда до Тека всего сутки пути.

— А что нам делать там? Локт доложил, что в южном пригороде и на станции много армейских подразделений северян, а нас мало...

— И в нашем случае, — вступил в разговор Брэтэ, — это тактика кочевников, то есть налеты на передвигающихся по тракту северян.

— Вот именно, — кивнул Кинт, — и не только передвигающихся, а еще и вставших лагерем. По тракту, до самого Мьента, всего пара деревушек и до границы предгорий и степей еще столько же. Более или менее крупные отряды и тыловые службы по этим деревушкам и разместились, там они закрепились гарнизонами и могут хорошо обороняться.

— Ну что ж, наверное, вы правы, — согласился Григо, — к Теку соваться действительно опасно, да и зачем, на развалины смотреть проку нет.

— Разведчики Локта сообщили, что видели, как по тракту вели людей — угоняют в рабство. Это надо остановить, а еще, если отбить наших людей, то они, пусть и не все, смогут влиться в наш отряд, хотя там в основном и гражданские, но многие из мужчин были в ополчении...

— Да и некоторое количество гражданских в отряде не помешает, они могут занять место бойцов, которые отвлекаются на тыловую службу, — снова вставил Брэтэ.

— И это тоже, — сказал Кинт и внимательно посмотрел на карту, которую они с Брэтэ развернули на земле, покрытой опавшей хвоей.

— Так куда? — Григо тоже навис над картой, пытаясь узнать ориентиры и разобраться в художествах с претензией на топографию.

— Вот сюда, — Кинт указал прутком, — это река, где-то здесь деревушка рыбаков, а тут проходит железная дорога, вот как раз посередине, на этом холме сделаем еще один лагерь. Будем перемещаться рейдами по предгорьям вдоль тракта, найдем еще подходящее место — заложим еще один лагерь. Везде будем прятать боеприпасы, оружие, провизию и фураж, отряд ничто не должно сковывать... я до сих пор поражаюсь, как мы вышли сюда с таким караваном.

— Это все верно, Кинт, я бы даже сказал, правильно, — засопел Григо, хмурясь и продолжая изучать карту, — но где будем брать то, что ты перечислил, чтобы прятать по этим лагерям?

— Предлагаю вот здесь, — Кинт снова указал точку на карте и повернулся к Акли, который стоял рядом, опираясь спиной на ствол дерева, — устроить первую засаду на тракте, одним звеном, под командованием Акли... Справишься?

— Справится, — кивнул Брэтэ, — соображает хорошо.

— Тебе, Акли, главное больше пошуметь и дать уйти кому-нибудь из северян, чтобы этот кто-то вернулся в гарнизон при деревне и сообщил о налете. Тогда из деревни выдвинется кавалерия, что там, по словам Локта, расположилась.

— Так перебьют же их быстро, — возразил Григо.

— Не перебьют, они быстро соберут трофеи, потом вот так, — Кинт провел прутком по нарисованному углем холму, — обойдут этот холм и спустятся к деревне с востока.

— И? — уже заинтересованно сказал Григо.

— А в это время остальной отряд, как только кавалерия покинет деревню и поспешит на выручку своим, остальной отряд разделится... Два звена с трофейным оружием вот тут, у излучины реки, сразу занимают оборону, тут прямой участок, и железная дорога вдоль тракта идет, я хорошо помню это место, сколько раз там проезжал в охранении состава... Так вот, там они встретят кавалерию, что будет возвращаться.

— Эта дьявольская машина хорошенько нашпигует северян свинцом, — улыбаясь, Брэтэ раскурил трубку и обратился к Кинту: — Я не помню, говорил ты или нет... а кто учил тебя военному делу?

— Чагал... Старик Чагал, — погрустнел и так с момента начала войны не часто улыбающийся Кинт.

— Хороший учитель, где он сейчас?

— Он умер... Так, на чем мы остановились?

— Звено с оружием у излучины, — подсказал Григо.

— Да, а остальной отряд громит оставшихся в гарнизоне северян. То звено, что организовало ложную засаду, возвращается к деревне с востока и помогает звену заслона разобраться с кавалерией.

— А дальше, я так понимаю, дело трофейщиков? — спросил Григо.

— Верно, только все надо делать очень быстро, не размениваться на мелочи, брать боеприпасы, продовольствие, фураж, не увлекаться, жадничать не будем. Я подам сигнал к отходу.

— Как, чем?

— Вот, — Кинт показал свисток городского, который он выпросил у Локта именно для управления отрядом, — свистну три раза... своих строевых барабанщиков нет у нас пока, как и барабанов.

— Понял, обойдемся без барабанов.

— Хорошо... по команде отходить ты под прикрытием звена Акли уходишь в холмы, к лагерю.

— А вы?

— А мы потом, когда закончим с кавалерией и соберем с них трофеи.

— Хитро, — Брэтэ прочистил трубку и убрал в карман, — вроде все понятно и должно получиться, но как там оно сложится...

— А для этого у нас есть Локт, пока будем ставить лагерь в холмах, он со своими ребятами еще раз все разведает у той деревушки. Если что, то будем менять планы.

— Не хотелось бы менять, — сказал Григо, — мне понравилась эта затея.

— Всякое может случиться, вдруг кроме кавалерии там еще и полк пехоты окажется?

— Лучше пусть артиллеристы там окажутся, — произнес Акли, все это время стоявший рядом и внимательно слушавший.

— Вот, артиллерия нам не мешает.

— Если только что-то легкое, картечница, к примеру, а более тяжелое орудие, да не одно, таскать за собой

в рейдах, — Кинт скривился и отрицательно помотал головой, — нет, только мешать будет.

Совсем молодой парень из освобожденных из форта пограничников, что теперь в подчинении Григо занимается кухней, дождался, когда Кинт закончит говорить, и спросил: .

— Отряд поужинал, вам подавать?

— Сынок, а как же ты... — повернулся было к парню Брэтэ.

— Мы закончили? — спросил Григо, не дав капитану договорить.

— Да, более детально все обсудим по прибытию на место и после разведки, — сказал Кинт.

— Подавай, — сказал Григо своему подчиненному и сделал жест рукой, мол, исчезни, понимая, что Брэтэ уже собрался поучить молодого бойца.

— Дьявол! Григо, — Брэтэ, кряхтя, поднялся на ноги, — у нас тут что, банда кочевников или контрабандистов? Ржавый шомпол им всем в зад! Стоять! Ты забыл про звание, жандарм?

— Никак нет, господин капитан! — собравшийся ретироваться парень побелел, покраснел и потом снова побелел и теперь стоял вытянувшись струной.

— Уверен?

— Так есть!

— Подавай ужин тогда, пока я тебя не съел!

— Так есть! — выкрикнул парень и побежал к обозникам.

— Григо, не порть жандармов, а? Мы тут все хоть и в лесу да в горах, но мы в армии, — расправив бушлат под ремнем и застегнув пуговицы на вороте, сказал Брэтэ, — дисциплина и уставы никуда не делись. Кинт, надо этому старому контрабандисту какое-нибудь звание уже присвоить, что ли...

— Ну да, точно — мастер-контрабандист, — рассмеялся Григо.

— А чего придумывать, — улыбаясь лишь глазами, ответил Кинт, — звеньевой ополчения.

— Вот! — удовлетворенный ответом Брэтэ опустился на бревно и снова расстегнул пару пуговиц на вороте. — Займу-ка я бойцов после ужина строевыми науками.

— Не замотайте их, Брэтэ, — сказал Кинт, — утром выходим, переход хоть и не по горам, но по холмам предгорий, в тылу северян... а то будут завтра как сонные мухи.

— Я немного... просто освежу некоторым память.

Глава восьмая

Переход по холмам, поросшим густым смешанным лесом, после узких и опасных горных троп показался прогулкой, за исключением момента, когда всему отряду пришлось пересекать северный торговый тракт с запада на восток. Выслав дозорных на север и юг по тракту, Кинт, сидя в седле, волнуясь, находился на дороге и наблюдал, как отряд пересекает полотно тракта. Но все обошлось, отряд ушел в холмы на восток, а несколько бойцов подмели булыжник и замаскировали примятые на обочинах кусты. Затем от отряда отделилось звено Локта и выдвинулось к рыбацкой деревушке, а остальные, пробираясь лесной чащей, пошли на восток.

Место для нового лагеря нашли в трех часах пути от тракта, на высоком холме, один из склонов которого был лысым и усыпанным мелким камнем и валунами, выше уже продолжался хвойный лес. У подножия холма,

в узкой долине протекал широкий ручей с чистой водой. Удобное, одним словом, место. И от тракта недалеко, и пройти меж холмов большой группой людей незамеченными вполне возможно, да и некому тут замечать, разве что кочевники... Кинт видел, пока двигались на вершину холма, странные отметки на деревьях — стесанная кора и какие-то символы. Брэтэ сказал, что так кочевники оставляют своим сообщения...

— Да, дьявол их возьми! — отлично держась в седле и длинным трофейным штыком приподнимая нависающие над тропой ветки, чтобы они не вlepили по лицу, говорил Брэтэ. — Это у них такая грамота знаков своя... Вот ведь, народ есть, а своего терратоса у него нет. Я и в горах, бывало, замечал на скалах знаки, нарисованные или выложенные мелкими камушками да ветками.

— И разговаривают они странно, — Кинт ехал рядом с капитаном, — слова будто проглатывают.

— Ты, что ли, поболтать с ними умудрился? — сипло хмыкнул Брэтэ. — Странно, когда у меня служил звеньевым, то все больше стрелял в них, а не разговаривал.

— Довелось, — ответил Кинт, а потом привстал в стременах, повернулся назад и негромко крикнул: — Привал! Не курить! Оправиться, проверить упряжь и груз! Еще час — и мы на месте.

Как только отряд достиг вершины холма, Григо сразу по-хозяйски стал организовывать быт, а Брэтэ скомандовал выставить охранение, теперь оставалось дожидаться разведчиков. Звено Локта прибыло в лагерь к ужину, оставив двоих наблюдателей у дереvушки.

— Рассказывай, — сказал Кинт, дождавшись, когда звеньевой разведчиков выскреб котелок с кашей и принялся за чай. Григо, Брэтэ и Акли присели рядом на вьюках.

— Кавалерия все еще там, сотня, не меньше... какие-то обозники, все суетятся около одного из домов, похоже, там офицеры квартируют, да, местных, то есть деревенских, не видно никого, даже детей... они же обычно носятся, ну, играют — и плевать им на войну, а там нет...

— Похоже, угнали в рабство. — Брэтэ, наконец, в первый раз за весь переход раскурил трубку и с удовольствием затянулся.

— Угу... — отпил горячий чай Локт, — у реки возня какая-то еще была, рассмотреть не удалось, дома закрывали, но было слышно, что какая-то паровая машина работает.

— Может, катер? — предположил Григо.

— Откуда?

— А дирижабли откуда? Вот оттуда же и катер.

— Ну, может быть...

— Сколько всего северян?

— Когда уходили, было около двух сотен.

— Много! Кинт... уверен? — Брэтэ обратился к Кинту, но на него не смотрел, а смотрел, как сизый дым из трубки поднимается вверх и рассеивается в ветках разлапистого дерева.

— Если будем действовать решительно — то уверен... и вот что, сколько гранат трофейных осталось?

— Четыре.

— Отдайте их Локту, покажите, как взводить, а я скажу, что делать с ними завтра.

— Хорошо.

— Брэтэ, проследите, чтобы подготовили оружие, снарядили патронами магазины. К этому оружию ведь винтовочные патроны подходят, что идут к трофейным затворным винтовкам?

— Верно, — кивнул Брэтэ.

— Значит, все трофейные винтовки пока отложить, боеприпасы к ним собрать, пусть при оружии будут, а наш отряд и карабинами обойдется, и скорострельность выше, и многозарядность.

— Разумно, — снова кивнул Брэтэ, — а то, что карабин не так далеко бьет, так тут, в лесах, максимум на сто шагов стрелять придется.

— И вот еще что, у нас некоторые одеты в трофейное, так что все мундиры пусть вывернут наизнанку, а то порубим своих, приняв за северян, а рубка будет знатная.

После ужина штаб просидел в стороне от всего отряда еще пару часов, обсуждая завтрашнюю операцию. Обговорили все неоднократно, пытаясь учесть все неожиданности, которые могут произойти. Затем Григо отправился собирать для бойцов пайки в рейд, Брэтэ и Акли занялись вооружением, а Кинт и Локт остались и дотемна еще просидели над картой.

— Волнуешься? — спросил Кинт Сарта; тот наконец-то закончил со сбором патронов для трофейного оружия в ящики, пришел к дереву, у которого прилег на ночлег Кинт, и тоже раскатал коврик из прутьев.

— Конечно.

— Что этот северянин? Бежать не пытался?

— Да он и не северянин... вернее, северянин, только родом из предгорий, что прямо на границе.

— Горец, значит, из местных.

— Да, рассказал, что полгода как в артиллерии, а до этого был механиком в одном приграничном городке северян.

— Смотрю, ты прям его разговорил... Не расслабляйся с ним, Сарт, верить врагу нельзя.

— Я и не расслабляюсь. — Сарт задрал рукав бушлата и продемонстрировал кобуру маленького двуствольного пистолета.

— Молодец, — похлопал его по плечу Кинт, уложил поудобнее свой ранец на земле и, опустив на него голову, накрылся походным одеялом.

Закрыв глаза, Кинт слушал, как шепотом переговариваются бойцы, расположившиеся звеньями. Доносилось ворчание и брань Брэтэ по поводу северян, их терратоса и вообще всех, кто на старости лет испортил ему жизнь... А еще канонада на юге, ее звуки, разбегаясь эхом меж холмов и затухая в лесу, порой тоже доносились, но уже гораздо глуше и не так часто — фронт откатывается южнее.

Утром ощущалась некоторая нервозность у всех, кроме Брэтэ, хотя количество бранных слов произносимых им, явно увеличилось — тоже нервничает, старый вояка. В лагере остались лишь один из подчиненных Григо, пленный северянин и еще один боец, подвернувший ногу на переходе. Звено Акли вышло раньше, сразу забирая чуть севернее, по направлению к тракту, за ним звено Локта дозором, а спустя полчаса выдвинулся остальной отряд, хотя, что там осталось, одно целое и одно неполное звено при орудии.

Спустя три часа отряд стоял на старой грунтовой дороге, что, заворачивая за холм, шла от тракта в узкую долину, к одиноко стоящей ферме, недалеко от рыбацкой деревушки. Ферма была разорена и сожжена, ее хозяева вздувшимися и смердящими пузырями лежали у забора, а над ними роились мухи...

Орудие собрали и установили на лафет, запрягли двух лошадей для его перевозки. Сарт очень дотошно и уже неоднократно все проверил, как закреплено орудие, ящики с патронами на двух лошадях.

Прискакал Локт и спешился, подошел к Кинту и Брэтэ:

— Особо ничего не изменилось в обстановке, на север какой-то обоз пошел, охраны мало, одно звено.

— Давно? — спросил Кинт, проверив, как закреплены ножны палаша на поясе.

— Минут сорок назад.

— Значит скоро... Твои наблюдатели знают, что делать?

— Да, как и обговаривали вчера — только кавалерия выдвинется по тракту на север, один сразу с вон той проплешины на склоне подаст сигнал, а второй уедет на юг, наблюдать за трактом.

— Отлично... ждем...

Минут через сорок, с трудом, но можно было слышать, как с севера доносятся звуки перестрелки. Затем спустя полчаса можно было расслышать, как по тракту, к деревне, громяхая по булыжнику, пронеслась повозка, а потом часто зазвенел тревожный колокол.

— Началось, тревогу сыграли, — даже с каким-то облегчением сказал Кинт, увидев, как разведчик Локта машет какой-то тряпкой, стоя на склоне холма.

— Началось, картечь им в брюхо! — Брэтэ, словно забыв, сколько ему лет, вскочил в седло.

— Локт! Сопроводи Сарта с расчетом орудия на перекресток, а потом действуй! — крикнул Кинт, вынув из чехла, притороченного к седлу, карабин и привстал в стременах. — Вперед! За терратос!

Две дюжины всадников, ворвавшихся на улочки рыбацкой деревушки, устроили знатный переполох в стане врага. Как и было выяснено разведкой, ни одного местного в деревне не было, кругом лишь красные мундиры, и отряд Кинта, не спешиваясь, пронесся через деревню, стреляя во все, что движется и красного цвета, затем Брэтэ повел свое звено к реке, Кинт свое по вос-

точной окраине, а Григо скомандовал трофейщикам приготовиться.

Локт, как циркач перепрыгивая каменные заборы и деревянные изгороди, пробрался к одному из домов, из которого начали активно отстреливаться, и метнул в окно гранату... взрыв, крики, ржание лошадей... Опустошив магазин карабина, Кинт сунул его в чехол, выпрыгнул из седла, накрутил поводья на изгородь и присел у нее с револьвером и палашем в руках. Бойцы звена последовали примеру Кинта, и спустя минуту все звено двинулось через дворы с окраины к реке, навстречу Брэтэ, который, судя по стихшей перестрелке у реки, там уже закончил. Грохнул второй взрыв, за ним сразу же третий — это Локт, снова обнаружив большое скопление живой силы противника, сократил ее количество. Красные мундиры северян становились бурыми от крови, противник запаниковал, не смог вовремя оценить происходящее, и самое главное — был лишен командования первой же гранатой, брошенной Локтом. Боец, который шел рядом с Кинтом и умело действовал палашем в рукопашной, вдруг остановился, чуть качнулся назад и упал. Тяжелая пуля обожгла лоб Кинта и смачно влепилась в бревенчатую стену какого-то сарая, вдоль которого он шел... Все-таки не всех северян охватила паника, кто-то заперся в каменном доме с чердаком, стоящем посередине деревни, и теперь активно и весьма успешно отстреливался. Кинт успел присесть за поилку у конюшен, а еще один боец отряда, получив пулю в висок, завалился набок замертво.

— Локт! — крикнул Кинт, вытряхнув гильзы из барабана револьвера. — Тот дом!

Локт лишь кивнул и, перемахнув изгородь, скрылся за домом напротив. А Кинт, пригнувшись, перебежал через двор, влетел в оставленную открытой дверь дома,

где схватил два масляных светильника и выбежал обратно, крикнув:

— За мной! Прикройте.

Под прикрытием поредевшего звена Кинт подбежал к последнему в деревне дому, откуда еще велась стрельба, к тому самому, в который Локт забросил четвертую гранату. Но, видно, большого эффекта это не произвело, вяло, но из дома продолжали отстреливаться.

— Да н-на! — С силой Кинт метнул зажженную лампу в деревянный фронтон, затем прокрался вдоль развешенных на жердях рыболовных сетей и следом метнул вторую лампу в окно, из которого секунду назад выстрелили, и успешно — свалили с коня бойца из звена Брэтэ.

Ламповое масло занялось моментально, начинала гореть кровля, да и из окна спустя минуту повалил дым.

— Брэтэ! Уводите звено на перекресток, помогите Сарту и замаскируйте как-нибудь оружие!

Брэтэ, услышав Кинта, кивнул и скомандовал своим бойцам отходить.

С довольным и перепачканным сажей лицом Локт прокрался к Кинту с гранатой в руке:

— Смотри, я еще одну у мертвого красномундирника нашел!

— Так кидай! А то не успокоятся они там никак, — кивнул Кинт за злополучный дом, который горел, но его защитники продолжали отстреливаться.

Грохнул взрыв, и он будто был сигналом к прекращению огня, кроме ржания лошадей и стона раненых больше не слышалось никаких звуков.

— Григо! Приступай! Остальным перезарядить оружие, а лошадей передать трофейщикам! Вы четвером, — обратился Кинт к бойцам своего звена, — помогите.

— Кинт, тут офицер северян! — Боец Локта при-
волок контуженого и оттого туго соображающего, что
происходит, капитана; мужчина лет сорока, босой, легко
ранен в плечо и с посеченным осколками лицом.

— Вязать по рукам и ногам — и на лошадь, в лагере
допросим! Да, и мешок какой-нибудь ему на голову, да
посмотрите, что за ранение, перевяжите, еще кровью
изойдет.

— Так есть!

Поглядывая назад, на деревню, где орудуют тро-
фейщики, Кинт с остальным отрядом заняли оборону
на севере деревни, в ожидании возвращения кавалерии.
Часть бойцов расположилась в канаве вдоль тракта,
а часть за наскоро сооруженной баррикадой.

— Что-то долго... — Брэтэ посмотрел на Кинта.

— Не долго, — Кинт убрал хронометр в карман, —
чуть больше сорока минут... вот-вот появятся, если...

— Если они не решат преследовать звено Акли по
лесу, — договорил Локт.

Кинт посмотрел направо, на грунтовку к ферме
и крикнул:

— Сарт, будь готов развернуть орудие на дорогу
к ферме.

— Так есть! — отозвался новоиспеченный артил-
лерист.

Но небесам было угодно, чтобы все случилось так,
как и задумал Кинт. Прошло еще немного времени в то-
мительном ожидании, и со стороны фермы показались
четверо всадников.

— У Акли тоже потери, — прокомментировал Локт.

— Это война, сынок, — Брэтэ сплюнул на землю, —
у этой стервы своя жатва.

Аккли был ранен, еле держался в седле, исцара-
панное ветками лицо, на скорую руку перевязанные

живот и бедро, штанина, пропитанная кровью, встала коркой...

— Мастер-жандарм Кинт, звено приказ выполнило, — только и смог сказать Акли и ткнулся лицом в гриву лошади.

— Снимайте его, оттащите в тыл, к Григо, — крикнул Кинт, и в этот момент из-за поворота на тракте показалась кавалерия противника. — К бою!

Конница встала... Кинт приложился к подозрной трубе, прямой участок тракта шагов на тысячу... Офицер северян в первой шеренге, занимавшей тракт на всю ширину, тоже смотрел на деревню в подозрную трубу.

— Ну... что там? — нетерпеливо спросил Локт.

— Рассматривает нас.

— Удивлен?

— Весьма, — зло улыбнулся Кинт, — началось! Приготовились!

Кавалерия противника пошла в атаку, раздались первые выстрелы их карабинов, справа от Кинта кто-то вскрикнул и схватился за плечо...

— Сарт! Огонь!

Отпихнув палкой ветки кустов, которыми закидали орудие, Сарт с усилием крутанул ручку спуска вперед, а потом, стиснув зубы, еще и еще быстрее...

Одновременно с орудием практически залпом выстрелили и остальные бойцы отряда Кинта... Сноп винтовочных пуль, выпущенных из многоствольного орудия, проделал немалую брешь в шеренгах противника, который уже пустил коней в галоп, сверкнули клинки палашей...

— Магазин! — заорал не своим голосом Сарт кому-то из расчета, кто был заряжающим.

Лязг затвора, частые щелчки начинающего вращаться смертоносного механизма и снова — та-та-та-та-та-та...

— Магазин! Та-та-та-та-та-та... Магазин...

Несмотря на десятикратное превышение в количестве бойцов, это был не бой, скорее, расстрел. Прежде чем трофейное орудие заклинило, как предупреждал пленный, Сарт успел расстрелять четыре магазина, на пятом орудие лязгнуло, поперхнулось — и вращение стволов вокруг оси замерло... Однако даже двум десяткам карабинов отряда Кинта работы почти не нашлось, все было кончено. Теперь грузить трофеи и уходить, быстро уходить.

Отряд расположился на привал, пройдя пару часов на восток. Нужно было проверить груз, напоить лошадей, перевязать раненых и похоронить тех, кто пал в бою... тех, кого не стали бросать на поругание взбешенному врагу и забрали с собой.

— Я думаю, — Брэтэ кивнул на орудие, прежде чем отряду снова тронуться в путь, — с таким оружием и война бессмысленна... сколько смерти разом.

— Но она идет, — ответил Кинт, набивая трубку, — и, похоже, она надолго.

Глава девятая

Рыжий холм, так его все уже стали называть с подачи острого на язык и наблюдательного Локта. Большой участок на западном склоне был без грунта и какой-либо растительности, голая скала и, вероятно, из-за присутствия железа в камне, поверхность скалы после многократных дождей на протяжении веков покрылась ржавчиной, и эта ржавая плешь, заметная издалека,

была неплохим ориентиром среди предгорий. Возможно, у местных, проживающих вдоль тракта, есть свое название этого холма, но пока еще отряд Кинта не встретил ни одного из них. Тут и до войны не часто на тропах можно было повстречать кого-то. Чем дальше от тракта, тем меньше людей, желающих жить по соседству с диким зверем, да и кочевники, судя по их меткам, которые Кинт замечал все чаще, любят посещать эти холмы.

Отряд вернулся в лагерь, когда над предгорьями сгустились сумерки. Брэтэ устал, возраст все же дает о себе знать, и тот запал дерзости и смелости, что он проявил в бою, к вечеру окончательно иссяк. Старый вояка не дождался ужина, уснул, сидя на вьюке и прислонившись спиной к дереву. Сарт принес походное одеяло и заботливо укрыл старика. Кинт также обратил внимание, что Григо, прежде чем присоединиться к нему и Локту за ужином, раздобыл у трофейщиков трубку и табак, сел на корни толстого дерева в стороне от всех, кашлял и пытался курить, глядя в одну точку.

— О чем думал? — спросил Кинт, когда Григо наконец бросил затею начать делать то, что не умел, и подошел к костру.

— О нем, — Григо кивнул на так и лежащего связанным с мешком на голове пленного офицера, — веришь? Еле сдержался, чтобы не подойти и кишки ему не выпустить.

— Не понял...

— Там, в деревне, в подвале одного из старых домов на окраине... там куча трупов, Кинт! Старики, женщины, дети... они не просто убиты, они замучены.

Кинт с трудом сглотнул кашу, расстегнул бушлат, поставил котелок на землю и сказал Сарту:

— Скажи караульному, пусть приведет офицера северян.

— Сейчас, — подскочил Сарт и убежал.

Пленного бросили на землю перед костром, он уже не выглядел перепуганным, глаза источали ненависть и презрение одновременно. Офицер попытался встать, но тут же получил от Григо прикладом винтовки в колено и снова рухнул.

— Что вы сотворили с местными? — взревел Григо, быстро перевернул винтовку и воткнул штык в бедро северянину.

Офицер лишь стиснул зубы и застонал, но потом взял себя в руки и ответил:

— Они саботировали работу службы тыла.

— Дети? Грудные младенцы? — Свет от костра превратил лицо Григо, переполненное эмоциями, в страшное зрелище.

— Это был приказ генерала Мааса, он приказал, солдаты исполнили приказ. Это война.

— И где этот генерал Маас? — Кинт жестом попросил Григо не втыкать штык в другую ногу пленному.

— Вчера ушел к фронту вместе с артиллерийским полком, который проходил мимо деревни.

— Понятно... Григо, запомнил имя генерала?

— О да.

— Ты из пехоты? — Кинт достал трубку и забрал у Григо кисет с табаком.

— Нет, я офицер курьерской службы.

— При нем было, кстати, — опомнился Локт, подтащил к себе свой ранец и, покопавшись в нем, достал кожаный тубус для депеш, — на поясе прятал.

— Ну-ка, — Кинт открыл тубус, — вот это подарок!

Кинт развернул перед собой карту, что-то похожее он видел у строителей треста в депо или на стене кабинета господина Тьетэ.

— Карта железных дорог вдоль всего Северного хребта, от Конинга до Майнга... Сарт, сбегай, лампу принеси. — Кинт пытался разглядеть карту в свете костра.

Григо тоже заинтересованно посмотрел на карту:

— Толку-то, ведь мосты взорваны, зато у нас теперь есть что-то получше, чем ваш с Брэтэ топографический шедевр.

Остальные документы представляли собой пару писем личного характера и один приказ недельной давности о снабжении фуражом инженерного корпуса, два звена которого заняты на восстановлении моста в двух сутках пути от Рыжего холма. В свете лампы было удобнее рассматривать карту и, изучив нужный участок, Кинт спросил пленного:

— То есть здесь, у моста, два звена инженерного корпуса?

В ответ офицер неубедительно кивнул.

— Я тебе сейчас углей из костра за ворот насыплю, — сказал Григо.

— Там не только наши солдаты, там еще и пленные армии вашего терратоса.

— Много?

— Отправляли неделю назад около полусотни человек, я не могу точно сказать, этим корпус тыловой службы занимается.

— А что ты можешь сказать точно? Ситуацией по фронту владеешь?

— Что я получу взамен, если скажу?

— Умрешь сразу, а не в течение нескольких суток, моля о смерти, это все, что я тебе могу обещать, — ответил Кинт.

— И целым, — добавил Григо, — у вас ведь, у северян, если покойник без головы похоронен, значит, нет ему пути на небеса? Верно?

— Верно... Хорошо, — с потухшим взглядом ответил офицер, — но это данные трехдневной давности.

— Ничего страшного, — сказал Григо; вид у него, конечно, мрачнее тучи, — а если совершь, то я вернусь, откопаю тебя и отделю твою башку от шеи.

Обстановку по фронту, в надежде на легкую и быструю смерть, офицер рассказал — армия северян очень быстро оседлала предгорья и заняла ключевые районы на юге. Дальше, в степи, как и предполагал Кинт, северяне выходить не стали, и Мьент с его рудниками, большой станцией и депо стал ближайшим к фронту крупным городом на юге, захваченным врагом. Теперь на юге северяне спешно выстраивали оборону и с легкостью отбивали все контратаки армии терратоса Аканов, находясь на высотах и используя тяжелую дальнюю артиллерию. Мосты, которые были взорваны перед началом войны, что парализовало переброску войск Аканов в северном направлении, теперь в срочном порядке ремонтировались, а северяне готовили наступление на Майнг на запад и на восток. На восток, к побережью, где на их пути встал маленький городок Конинг, который оказался в блокаде со стороны суши, но зато морем в Конинг доставлялось пополнение развернутому там крупному гарнизону, боеприпасы и продовольствие. Офицер также рассказал, что кроме регулярной армии, северный терратос имеет в своем распоряжении корпус наемников, который используется в основном для контроля над захваченными территориями. В самое ближайшее время северяне, чтобы успеть до зимы, начнут перебрасывать через перевал на транспортных дирижаблях и моторными повозками живую силу, вооружение, боеприпасы и будут готовиться к наступлению на Майнг, взять который они планируют не позже осени.

Пленного офицера похоронили недалеко от лагеря, рядом с другом Локта, городским жандармом, получившим тяжелое ранение в живот и умершим во время перехода от рыбацкой деревушки до лагеря. Кинт сдержал свое слово и выстрелил северянина в голову после его слов «мне больше нечего вам сказать».

Рассвет в новом лагере сопровождался бранью Брэтэ и командами Григо, который принялся гонять подчиненных с самого утра, пребывая в паршивом настроении.

Закончив завтрак, Кинт подозвал адъютанта:

- Сарт! Что с орудием?
- Северянин с утра занялся, говорит, починит.
- Как закончите, доложить!
- Так есть!

Пленный артиллерист по имени Зар не спал всю ночь, он слышал от бойцов Григо, что они видели в деревне, и очень переживал, что его кто-нибудь ночью тихо зарежет... Сарту его даже будить не пришлось. Как только рассвело, Зар уже возился с орудием, выставляя шестерни поворотного механизма. После завтрака Кинт распорядился, обратившись к Григо, проверить, учесть и пересчитать все трофеи, взятые с боя в деревне рыбаков. Все больше внимания Кинта привлекал Сарт, его юный возраст и в то же время безрассудная смелость производили впечатление. У Кинта всплыли в памяти картины прошедших суток, как Сарт, отбросив маскировку орудия, встав почти в полный рост под пулями противника, не переставая крутил ручку спуска орудия, еще и высовывался из-за баррикады, после чего корректировал прицел и снова стрелял и стрелял. Это уже не тот карманный воришка с площади у ратуши Латинга, с вороватым взглядом, неопрятный и постоянно выискивающий

простака в рыночной толчее. Теперь Сарт за все время, что провел рядом с Кинтом, преобразился в пытливого, смелого и отчаянного парня, с вполне себе жандармской выправкой и представлением об уставах.

— Брэтэ, командуйте отряду построиться. — Кинт присел рядом с капитаном на ствол поваленного ветром сухого дерева и раскурил трубку.

Спустя пару минут на небольшой поляне, подгоняемый Брэтэ, построился весь отряд, за исключением четырех бойцов, стоявших в охране, и трех раненых, лежавших под навесом, одного из них перевязывал Григо. Оставив дымящуюся трубку на пне, Кинт вышел к строю и встал рядом с Брэтэ. Закончив с перевязкой раненого, Григо тоже подошел, встал рядом с Брэтэ и тихо сказал:

— Раненые едва ли доживут до утра. Акли умер только что.

— Жаль, — так же тихо ответил Брэтэ.

Кинт вздохнул, немного волнуясь, не привычен он к ораторству на публике, хоть и публики той две дюжины с небольшим...

— Я мастер-жандарм корпуса охраны дорог Кинт Акан, служил в северном форте под началом капитана Брэтэ до момента отречения монарха и упразднения дорожной жандармерии. Хорошо знаю эти места, знаю горы и с этой и с той стороны перевала. И так случилось, что после выхода из Тека я командир нашего маленького отряда. Если по этому поводу есть возражения, высказывайтесь.

— Не молоды вы для командира? Господин Брэтэ на этом месте... — Вперед вышел высокий мужчина в чине главного мастера-бомбардира и с явными аристократическими корнями.

— Я на своем месте, господин Мобье. — Брэтэ сказал это тихо, но с такой интонацией, что лучше бы бранно рявкнул.

Мобье кивком отдал честь и встал в строй.

— Молод, верно, — Кинт пошел вдоль строя, — но сейчас, в этом месте и в сложившейся ситуации, имеет ли это значение? К тому же, если вы обратили внимание, то мое второе имя дано мне в честь нашего терратоса. Я шесть лет воспитывался в школе сирот с военным уклоном, закончил ее пусть не с отличием, но весьма успешно. Опыт командира, пусть и звеньевым, тоже имею. А свобода большинства из вас, наличие оружия и провианта в отряде неплохое тому доказательство, как мне кажется.

Бойцы слушали внимательно, Кинт не видел в их взглядах недоверия или безразличия, а это уже кое-что. Кинт развернулся, дойдя до конца строя, и пошел обратно, вглядываясь в лица жандармов-пограничников и армейцев.

— В той деревне мы все видели, что происходит с нашим терратосом с приходом северян, дальше будет только хуже. Я не знаю, что побудило северян начать войну, богатства ли предгорий, может, прогресс и наука нашего терратоса показались им угрозой, а может, безмерная алчность, жадность и порок наших гильдий показались им нашей слабостью, и тогда северяне решили, что пора взять силой то, что уже слабо контролируется парламентом. С этого момента объявляю наш отряд боевой единицей армии терратоса Аканов. Но мы не пойдем на юг, пробиваясь к нашим армейским корпусам.

Во взгляде одного из бойцов Кинт увидел безмолвный вопрос «почему».

— Потому что даже если мы героически погибнем во время прорыва на юг, а так оно и случится... прорыв

не будет иметь никакого смысла, тем паче не принесет пользы терратосу. Мы начнем громить тылы северян, устраивать регулярные рейды, уничтожать обозы фуражиров... Одним словом, будем воевать в тылу!

Кинт отошел от строя, немного помолчал, продолжая вглядываться в лица бойцов, и сказал:

— Кто согласен с этим моим решением как командира отряда, выйти из строя!

Весь строй шагнул вперед.

— Капитан Брэтэ, через час совещание штаба. Всем разойтись! Мастер-жандарм Локт!

— Я!

— Надо поговорить, идем, — сказал Кинт и направился к пню, на котором оставил уже успевшую потухнуть трубку.

После ужина Локт со своим звеном по приказу Кинта выдвинулся к мосту, на восстановлении которого работают пленные.

Глава десятая

— Мадэ... Мадэ, просыпайся! — Сэт трясла за плечо бывшую служанку, а теперь единственную подругу и близкого человека.

— Что, уже пора? — Мадэ сразу же проснулась и села на кровати.

— Да, уже шесть утра.

— Опять не спала всю ночь? — нахмутив брови, строго спросила Мадэ и стала одеваться. — Вот чего ты себя изводишь?

— Не могу, Мадэ... думаю о нем, об отце...

— Знаешь, — Мадэ зашла за штору туалетной комнаты, — что господин Григо, что Кинт... они оба люби-

тели держать судьбу за скользкий хвост. Не случится с ними ничего.

— Война же...

— Не отлиты еще для них пули, Сэт. Я готова, ну что, пошли?

— Пошли, — грустно кивнула Сэт, взяла со стола револьвер и положила его на дно плетеной корзины, накрыв полотенцем.

Закрыв дверь флигеля на тяжелый замок, Сэт и Мадэ спустились во двор, аккуратно преодолев несколько лестничных пролетов в предрассветных сумерках, прислушиваясь, немного постояли в арке и поспешили в сторону кабачка при депо.

В Латинге уже неделю не зажигают уличные фонари, а городские жандармы усердно следят за светомаскировкой, и если кто ослушался приказа городского совета, то городской может и пальнуть по окнам в наезд, а со стеклом сейчас совсем туго. Только три дня, как город спит относительно спокойно, благодаря прибывшим с юго-запада терратоса пехотному корпусу, корпусу кавалерии и приданным к нему нескольким артиллерийским расчетам с новыми орудиями, которые могут стрелять по воздушным целям разрывными снарядами. А до этого, бывало, и скреверы северян появлялись, и их дирижабли сбрасывали на город бочонки с зажигательной смесью. Но самым страшным для жителей торгового Латинга стали ячейки бунтарей, которые неизвестно откуда взялись, словно по команде. Бунтари громили торговые и ремесленные кварталы, выкрикивали лозунги, понося парламент и гильдии. Но наконец в Латинге разместился большой гарнизон, и беспорядки были пресечены, правда, вылилось это все в приличную уличную войну. Выстрелы не умолкали два дня и две

ночи, звучали свистки городских и цокот копыт по мостовым. Напоследок бунтари, сами или по науке чьей, подожгли рынок и склады торговой гильдии, и теперь, чтобы купить продуктов, с раннего утра нужно было занимать очередь в торговых рядах, что переместились на площадь у ратуши.

Терратос лихорадили и война, и стихийно вспыхивающие беспорядки, организованные бунтарскими ячейками, словно все эти события как-то связаны друг с другом. Армии теперь приходилось отвлекаться от фронта на подавление разного рода акций бунтарей. Некогда самодостаточный, развитый и богатый терратос Аканов с началом войны стал разваливаться и расползаться по швам. Многие крупные промышленники и лидеры торговых гильдий перестали посещать заседания парламента, и во всем этом вихре внезапной войны и беспорядков стали извлекать выгоду — объединялись в какие-то общества, отказывались платить налоги, присваивали земли и объявляли своими вотчинами целые города. На заводах все чаще происходили акты саботажа, с востока терратоса, где была возможность добывать уголь и прочие ископаемые, так необходимые в данный момент, все чаще приходили известия о том, что каторжане, которые работали на шахтах и рудниках, бегут из-под стражи и собираются в большие банды. Эти банды нападают на обозы и поезда, грабят фермы, а затем расползаются по всему терратосу. Нехватка продовольствия, рост преступности, болезни — все это тянуло в бездну.

— Надо же! Какая встреча! — Шагэ чуть потянула за локоть Сэт.

Несмотря на ранее утро, длинная и извилистая очередь к повозке с мукой двигалась медленно. Горожане

обсуждали последние новости с севера и слухи, многие из которых были правдой, и оттого еще более страшной правдой о том, что может ждать всех в будущем...

Сэт запустила руку в корзину, под полотенце, слышался звук взведенного курка...

— Тише, тише, подруга, не надо так нервничать, — Шагэ отпустила Сэт и искренне, если она это вообще умеет делать, улыбнулась, — я просто рада тебе, хоть у нас и знакомство прошло не очень благоприятно. А где же наш бесстрашный дорожный жандарм?

— Наш? — возмутилась Сэт и принялась искать глазами Мадэ в соседней очереди к лавке мясника.

— Ну хорошо, твой.

— Он... — Сэт не смогла сдержать слезы, и они буквально ручьем покатились из ее глаз, — он на севере... мы расстались, когда он посадил меня на последний дирижабль из Тека.

— Тека? — И без того большие и выразительные глаза Шадэ округлились. — Его ведь сожгли и разорили северяне.

— Угу, — всхлипывая и утирая слезы рукавом блузки, кивнула Сэт.

— И ты здесь совсем одна? — Очередь чуть продвинулась, но Шагэ, даже участвуя в разговоре, контролировала ситуацию вокруг и мягко подтолкнула Сэт в спину вперед.

— Я здесь с Мадэ, с подругой.

— Понятно... Послушай, Сэт, верно, ведь тебя так зовут?

— Да.

— Сэт, ты не против, если я зайду к тебе и твоей подруге, — Шагэ посмотрела по сторонам, — есть разговор, но он не для лишних ушей.

— Я не знаю... и мы едва знакомы.

— Вот и познакомимся. У меня есть бутылочка крепкой фруктовой настойки и немного шоколада, поговорим, выпьем за знакомство... как?

— Я живу у депо, район не очень.

— Во флигеле Кинта?

— Да... А ты что, там была? — раздула ноздри и выпрямилась Сэт.

— Ты забавная, — Шагэ улыбнулась, — нет, не была, просто я знаю, где он жил. Я много чего знаю про этот город и про то, что в нем происходит, о чем и хочу с тобой поговорить.

— Ну хорошо, поговорим, приходи в шесть вечера.

— Договорились. О, твоя очередь...

— Кто это? — спросила Мадэ, когда они с Сэт выходили с площади, а Шагэ, усевшись в повозку, помахала им рукой.

— Знакомая Кинта, сегодня в шесть придет в гости...

— Знакомая? — Мадэ остановилась.

— Во всяком случае, Кинт, когда мы с ней встретились, так ее представил. Она работала на него... нет, не то, что ты подумала, она вроде как сообщала ему что-то, иногда.

— Сообщала, значит... иногда...

— Мадэ, ну вот только ты еще не начинай, я уже и так не знаю, что думать! — Сэт даже немного прикрикнула и, остановившись, топнула ножкой.

— Ладно, пойдем домой, надо еще в депо успеть до обеда, господин Тьетэ обещал людей прислать, они дров привезут.

Господин Тьетэ успел выехать из Тека накануне вторжения, и известие о начале войны с северным терратосом застало его уже по прибытию в Латинг. Старуха Ригер как-то встретила Тьетэ недалеко от депо и сообщила, что во флигеле Кинта проживают какие-то

девушки, одна из которых уже приезжала до войны. Тьетэ сразу же явился к Сэт и очень обрадовался, что она выбралась из Тека, а также тому, что помог ей в этом Кинт. Тьетэ пообещал помогать, когда угля подкинет, когда дров, а недавно передал небольшой мешочек с крупой.

Работы в депо у Тьетэ прибавилось в разы, и он порой оставался ночевать в кабинете, после того как засиживался с начальником станции за составлением новых маршрутов движения составов в обход взорванных мостов. Главным направлением была, конечно, дорога на Майнг. Терратосу требовались оружие, патроны и прочая техника для войны. Пришлось в темпе восстанавливать старую ветку, чтобы пустить составы в объезд территорий, где ведутся военные действия, но и на тех направлениях было беспокойно. Разбежавшиеся каторжане организовали несколько крупных банд, два состава в самом начале движения по новому маршруту были потеряны. По слухам, одну из банд возглавляет некий Толэ, то ли из бывших чиновников столичных, то ли кто-то из гильдий, бежавший ранее от правосудия и преследования тайной жандармерии. По тем же слухам выходило, что его банда самая многочисленная и организованная на северо-западе предгорий. Но помогла армия, кавалерийский корпус устроил несколько облав, банда Толэ была разбита, но не полностью, а сам Толэ как сквозь землю провалился. Всякое про него поговаривали, и то, что он с началом войны пришел с севера, где скрывался от жандармов тайной полиции, да и вообще, что он был нанят северянами, однако вышел из подчинения и ведет какую-то свою игру.

Шагэ постучала в маленькое окошко рядом с дверью во флигель ровно в шесть вечера.

— Я открою, — сказала Сэт и отвлеклась от стола, на который они с Мадэ сообразили скромный ужин — лепешки, овощи и немного тушеного мяса.

— В окно сначала посмотри, прежде чем дверь открывать, — ответила Мадэ, занимаясь у камина с чайником.

— Мммм, а пахнет-то, даже со двора запах чувствуется. Девочки, надо осторожно, а то весь сброд, что по-вылезал из подворотен с началом войны, выстроится к вам на кормежку. — Шагэ прошла в комнату и остановилась посередине, осматриваясь и держа в руках небольшую корзинку. — Уютно, и если что, по крышам можно уйти.

— И чего по крышам-то лазить? — Мадэ наконец повесила на крюк чайник над огнем и, вытерев ладони о фартук, подошла к Шагэ и протянула руку: — Мадэ.

— Будем знакомы, Шагэ, — пожала она руку строгой женщине и протянула ей корзинку: — Вот, как и обещала, настойка и шоколад.

— Шоколад... роскошь какая, — сказала Сэт. — Ну что, тогда за стол?

За столом болтала все больше Шагэ, рассказывая Сэт и Мадэ о Латинге, о том, какой это был хороший город до войны, что происходит в нем после вторжения северян и все последние сплетни и слухи.

— А вообще, подруги, — уже поужинав и неоднократно приложившись к бокалу крепкой настойки, сказала Шагэ, — надо уходить из Латинга.

— Это почему?

— Слишком много разговоров ходит в городе о... — Шагэ поскребла длинным ногтем по лаковому покрытию добротного и тяжелого деревянного стола, — пока стоит гарнизон, мы можем себя чувствовать в относительной безопасности, но солдат на днях отправят

на север, я слышала об этом от одного симпатичного капитана-кавалериста. Останутся только городовые, а пользы от них... И мои, эм... покровители куда-то все подевались в последнее время и заступиться за слабую женщину некому.

После этих слов Шагэ немного развернулась на стуле и демонстративно поправила кобуру с маленьким двустольным пистолетом на бедре.

— И куда же уходить? — Мадэ покосилась на пустую оружейную пирамиду у кровати, лишь на двух крючках висели два пояса с револьверами, которые когда-то достались Кинту в качестве трофеев.

— Сама пока думаю, — пожалала плечиками Шагэ, а затем разлила остатки настойки по медным бокалам, — знаю точно, надо уходить туда, где поменьше стреляют, поменьше пара и железа и где побольше лугов, пасущегося на них скота, ну и где найдется парочка деревенских простофиль, которые будут ухаживать за дамами...

— Шагэ, эти деревенские простофили сначала пользуются тебя хорошенько, хкм... простите, Сэт, — немного смутилась Мадэ тому, что сказала.

— От меня не убудет, — поправила маленькую шляпку Шагэ, — зато в тепле и сытости. Или вы предпочитаете остаться здесь и, как мыши, каждое утро пробираться к площади, чтобы купить горсть муки? Вы хороши и лицом и фигурой, милые мои, и думаете, что останетесь незамеченными, когда банды возьмут власть в городе?

— Банды? — глаза Сэт округлились. — Какие еще банды?

— Ну как какие, каторжане, говорят, начинают возвращаться. Я слышала, в Сырой роще появились лихие люди, и поверьте, как только гарнизон уйдет, то ничего хорошего не стоит ждать.

— А почему ты решила рассказать это все именно нам и предлагаешь уходить с тобой именно нам? У тебя что, подруг нет или других близких людей, родственников? — Мадэ не верила странной гостье.

— У меня была пара приятелей, но они куда-то запропали, а вот с подругами, да, как-то не повезло, — улыбнулась Шагэ, — и родни у меня нет. А вы мне просто симпатичны и вызываете доверие. Кинт хороший человек, и я думаю, что и его девушка тоже хороший человек.

— Темнеет... — Мадэ кивнула на окно.

— Да, засиделась. — Шагэ встала из-за стола. — Так что скажете?

— Мы подумаем. — Сэт тоже встала из-за стола.

— Подумайте... я все равно в ближайшие дни покину этот город, с вами или без вас, но вместе было бы веселее и не так страшно.

— Приходи завтра на обед. — Сэт протянула руку Шагэ.

— Договорились, мне как раз хозяин одного рестораника должен за кое-какую услугу, так что я приду не с пустыми руками.

— Я ей не верю. — Мадэ наблюдала в окошко, как Шагэ быстрым шагом прошла в арку. — Я прослужила у господина Григо десять лет и знаю, как выглядят люди определенного круга...

— Она не паинька, Мадэ, я это знаю, но согласись, втроем будет действительно легче.

— А как же Кинт, он велел ни во что не ввязываться.

— Если нам действительно здесь будет угрожать опасность, то думаю, он одобрил бы наше решение... Я ему напишу письмо и оставляю в тайнике.

— Ох... не знаю, Сэт, не знаю. — Мадэ опустилась на стул. — Конечно, если война затянется, то эта наша новоявленная подруга права.

- Так что, поедем?
- Пойду закрою ставни, и давай спать, решение примем завтра.

Глава одиннадцатая

— Мост, что южнее, в полудне пути отсюда, северяне уже восстановили, а здесь течение реки сильное, вот и возятся, — объяснял Локт обстановку Кинту, — утром паровоз привез на двух платформах материалы, теперь им только работать, через пару дней закончат.

— Сколько охраны? — спросил Кинт, не отрываясь от подозрительной трубы.

— Два звена, пару раз в день, утром и вечером, разъезды на юг высылают по грунтовой дороге, что вдоль путей, вчера как раз кочевники на разъезд выскочили, в бой ввязываться не стали, на восток ушли.

— А что северяне?

— Ничего, в лес соваться не стали, боятся, похоже. Вот посмотри, на том склоне, за валуном, — Локт чуть приподнялся над камнем, за которым они с Кинтом лежали и наблюдали за ремонтными работами, — карточницу поставили, или еще что-то похожее.

— Ага, вижу... А пленных они где держат?

— А нигде, на ночь приковывают всех к фермам моста.

— Понятно, оставь наблюдателя и пошли, обсудим все.

Кинт с Локтом спустились на противоположный от железной дороги склон холма, где расположился отряд, пришедший сюда на рассвете.

— Ну, что, — Брэтэ оторвался от диалога с новым своим помощником, вместо покойного Акли, — ждем сумерек или атакуем сейчас?

— Нет, Брэтэ, у них на восточном склоне картечница, за пару залпов сметут нас. — Кинт разгреб сапогом прошлогоднюю листву под ногами, разровнял пяточок земли и, подобрав пруток, схематично изобразил реку, мост через нее, холмы и дорогу меж ними. — Так что ждем сумерек, пропускаем разъезд на юг, там их надо устранить... Локт, это на тебе, все сделать тихо, без стрельбы.

— Сделаем, — кивнул Локт, еще немного отгреб листья и нарисовал кривую линию, — в тысяче шагов дорога как раз поворот делает, там и возьмем их. Пленных брать?

— Нет! — резко ответил Кинт. — Зачем они нам сейчас, только возни... да и проку от простых кавалеристов нет, разве что снаряжение. Слушай дальше, устраните разъезд, переодеваетесь в красномундирников, выжидаете время... кстати, далеко разъезд по дороге удалялся?

— Нет, я проследил, минут за сорок оборачивались.

— Вот, выжидаете время и возвращаетесь. В сумерках не очень сильно вас разглядывать будут, и с ходу рубите караул, а вы, Брэтэ, пешим порядком к этому времени должны пройти по устью, и как только Локт начнет, атакуете с фланга. — Кинт нарисовал стрелку вдоль берега к мосту. — И вот еще что... с мостом надо что-то сделать.

— Там подпорок много временных, если только их лошадьми вырвать, — предложил Локт.

— Ну, значит так.

— А картечница? — Локт разместил на схеме маленький камень.

— Картечницей займусь я, Сарт и северянин, там расчет всего четыре бойца, начнется заварушка у моста, они на нее отвлекутся, а там главное быстро стрелять.

— Ты этому северянину доверяешь? — нахмурился Брэтэ.

— Нет, но он артиллерист, а у нас своих нет... пока нет. Не волнуйтесь, Сарт хорошо присматривает за ним.

— Ладно, посмотрим. — Брэтэ поскреб бороду и оглянулся на разместившихся меж деревьями бойцов. — Так что, отдыхать пока?

— Да, не курить, костры не разводить. — Кинт достал хронометр и, щелкнув крышкой, добавил: — Через три часа начинаем, а пока всем выспаться, обратно, после боя, пойдем ночью и без остановок на привал.

— Так есть, — крикнул Брэтэ, еще раз посмотрел на рисунки на земле и отправился к бойцам.

Кинт подошел к своей лошади, отвязал от седла небольшой мешок с овсом, лошадь сразу закивала головой, радуясь скорой кормежке. Пересыпав овес в торбу, Кинт надел ее на морду лошади и завязал веревку у нее на затылке.

— Полакомись, в следующий раз только в лагере обозники покормят, — сказал Кинт, снял с седла ранец и, раскатав на земле походное одеяло, выложил на него оружие — карабин, кавалерийский револьвер, два пистолета. Затем из подсумков на своей портупее достал шесть магазинов к пистолетам, четыре из них были пусты...

— Да уж, когда теперь до армейских боеприпасов доберемся... — Кинт с сожалением достал из ранца бумажный сверток из промасленной бумаги, разорвал его и высыпал на одеяло шестнадцать патронов. — Ну вот, еще два магазина зарядить.

Сзади хрустнула ветка, Кинт обернулся, подошли Сарт и северянин Зар.

— Кинт, северянин просит оружие.

— Готов убивать своих? — Кинт уселся, прислонившись спиной к дереву, и стал по одному вставлять патроны в магазин.

— Не готов, но мы идем в бой, ведь так?

— Верно, идем в бой МЫ, а ты жив, пока помогаешь нам с трофейным оружием. Не будешь глупить, проживешь еще, а там посмотрим. Ты же враг, Зар, и я тебе не доверяю, хоть за все время в плену ты еще не сделал ничего плохого. Я присматриваю за тобой, и если пойму, что тебе можно доверять, то присягнуешь на верность нашему терратосу — и в строй.

Зар вздохнул, развернулся, хотел было отойти, но потом остановился и сказал:

— Убивать своих я не желаю, это правда, я горец, и предательство ляжет позором на мой род! Но и воевать на стороне детоубийц... я не могу.

— Вот как? — Кинт отложил снаряженный магазин, принялся набивать патронами другой и с сарказмом добавил: — И как же нам с этим быть?

Зар не отвел глаз, смотрел прямо и не моргая, но не нашел что ответить.

— Ладно, ступай, но то, что ты сказал это вслух, поняв, наконец, что творят северяне на нашей земле, — уже хорошо, значит, у тебя есть шанс.

Зар хотел что-то еще сказать, но Сарт подтолкнул его в спину и что-то прошипел на ухо, в ответ северянин закивал и пошел быстрее прочь.

Пробежка Кинту далась тяжело, сначала по холму вместе со звеном Локта до поворота дороги, потом быстрый подъем на противоположный холм, на котором разместился расчет картечницы и само оружие. Кинт, тяжело дыша, опустился на колени и сбросил на землю ранец.

— Переведем дух, — сказал Кинт и попытался взглянуть, куда ушло звено Локта, но высокий и колючий

кустарник был настолько плотным, что и в десяти шагах ничего не увидишь.

Зар распластался на слое листвы и тоже тяжело дышал, а Сарт — к слову, у него даже дыхание не сбилось — присел на корточки рядом с северянином.

— Поднялись, теперь тихо, и внимательно под ноги смотрим, на ветки не наступаем, — сказал Кинт, надел ранец, подхватил карабин и поднялся на ноги.

Шли еще минут двадцать, сначала вверх, а потом понемногу забирая влево, обходя по дуге позицию расчета. И тут вдруг Кинт встретился глазами с кочевником... смуглое, обветренное лицо с немного раскосыми глазами, в волосы вплетены разноцветные бечевки. Кинт моментально вскинул карабин, но стрелять не стал... Кочевник приложил грязный палец с длинным ногтем к губам, а потом кивнул в сторону позиции северян. Кинт опустил приклад карабина на землю, сам медленно опустился на одно колено и жестом показал Сарту — «спокойно», а затем поманил рукой кочевника.

— Ни нам, ни тебе сейчас не нужно стрелять и поднимать шум, — тихо сказал Кинт.

Кочевник кивнул и вышел из-за дерева, держа в руке длинную дульнозарядную старую винтовку. Сарт явно нервничал, он хоть и положил ствол карабина на сгиб локтя, как учил его покойный Гарт, но выстрелить, чуть повернув корпус — дело мгновения.

— Ты правильно говоришь, жандарм, — так же тихо ответил кочевник, — не нужно шуметь... меня братья послали посмотреть, ушли ли солдаты от моста.

— Не ушли, так и передай своим братьям.

— Да, жандарм, я пойду к братьям... сейчас мой враг не ты, сейчас мой враг тот, кто пришел с севера.

— Так и есть, у нас сейчас общий враг.

Кочевник чуть улыбнулся, демонстрируя идеально белые зубы, и тихо, не издавая ни единого звука, удалился в лес.

— Фу... я чуть не выстрелил, — облегченно выдохнул Сарт.

— Да и я чуть было... чего уж. — Кинт отстегнул от пояса флягу и, сделав пару глотков, протянул ее Сарту. — Правда, если бы он пришел не один, то все могло бы случиться совсем по-другому, и плевать им тогда было бы на северян. Все, идем дальше... и, Сарт, посматривай назад.

— Так есть, — тихо ответил Сарт и передал флягу Зару.

Расположившись на склоне холма в плотном кустарнике, в каких-то пятидесяти шагах от небольшой проплешины, где разместился орудийный расчет северян, Кинт, Сарт и Зар буквально вросли в землю, распластавшись в траве. Теперь только и оставалось, что ждать, когда начнется бой у моста. У небольшого орудия с коротким стволом на лафете, на вид не тяжелом и с маленькими колесами, трое красномундирников сидели вокруг ящика и разговаривали. Четвертый, спустившись чуть ниже, прохаживался с винтовкой на плече, иногда останавливался, доставал подозрную трубу, осматривал дорогу от моста до поворота, затем склон холма и продолжал выхаживать взад и вперед. Спустился час, когда на западе солнце уже коснулось вершин предгорий, от моста выехал разъезд — четыре всадника, они немного придержали лошадей напротив орудийного расчета, тот боец, что был в карауле, им что-то крикнул, и всадники, ответив, поехали дальше. Через полчаса густые сумерки опустились на предгорья, у моста развели костры, орудийный расчет зажег фонари, а еще через некоторое время вернулись всадники. Они, не

останавливаясь, проскакали мимо караульного, который снова что-то им прокричал, и направились к мосту... Караульный явно что-то заподозрил, может, у них был какой-то пароль, но уже не до того. Размахивая руками, караульный бежал к орудию, со стороны моста грянули первые выстрелы...

— Сарт, огонь! — сказал Кинт, прицелившись в караульного, выстрелил, следом выстрелил и Сарт.

Расчет орудия уничтожили за несколько секунд, расстояние для карабинов плечевое, да и подсветили северяне себя замечательно...

— Зар, к орудию, разбирайся, что к чему, Сарт, за лошадью! Бегом! Теперь уже не до скрытности! — крикнул Кинт и, вскочив и оступившись, чертыхнулся, оттого что ужасно затекли ноги.

Быстро собрав трофеи и стянув сапоги с убитых северян, Кинт сложил все в кучу и связал найденной при орудии веревкой.

— Ну что там, Зар?

— Орудие заряжено.

— Понятно, ты знаешь, как с ним обращаться?

— Конечно.

— Отлично! Наблюдай за склоном и дорогой, как кто появится — стреляй! И нам сигнал будет, — сказал Кинт и, встав во весь рост, достал подзорную трубу и попытался разглядеть, что творится на мосту.

А на мосту, после нескольких залпов звена Локта и двух звеньев Брэтэ, что подошли по руслу, завязалась рукопашная, слишком опасно стало стрелять в такой близости. Часть пленных, кого еще не успели приковать к фермам моста на ночевку, тоже ввязалась в бой, сцепившись с врагом в рукопашной, а спустя еще десять минут все было кончено. Прискакал Сарт, приведя следом еще одну лошадь...

— Ну что?

— Все! Двое северян захвачены, остальные убиты.

— Пленные?

— Пленные освобождены, собирают трофеи и разрушают временные опоры моста, — ответил Сарт, соскочив с лошади.

— Оружие, боеприпасы и трофеи на лошадей — и к лагерю! — приказал Кинт и побежал вниз, к мосту.

Заскрежетав металлом, громыхая и треща ломающимися деревянными балясинами, пролет моста пополз вниз и завалился, после того как были вырваны лошадьми временные опоры.

— Брэтэ! Потери? — запыхавшись, крикнул Кинт, когда подбежал к повозке северян у моста, на которой был сложен инструмент и прочие материалы, как-то: железные скобы, гвозди, веревка и проволока.

— Один убит, трое ранены, один тяжело, долго не протянет.

— В ту повозку их!

— Сделаем.

— Кто старший? — развернулся Кинт к освобожденным пленникам.

Две дюжины человек — половина, видно, из деревень, что по предгорьям, а половина армейцы — стояли и переглядывались, не зная, что ответить... Средних лет мужчина в бушлате кавалериста, с отеком от синяков лицом, вышел из толпы и показал на труп северянина, с которого уже стянули сапоги:

— Не было старшего у нас, вон тот командовал строительством.

— Локт! Вышли дозор к Рыжему холму, а вы, — Кинт указал рукой на побитого кавалериста, — временно назначаю вас звеньевым. Вот это капитан Брэтэ, во всем подчиняетесь ему, вооружиться, трофеи

на лошадей и повозки, на все десять минут, и побыстрее!

С трудом, но Кинт разглядел, как Сарт и Зар по склону, освещаемому полной луной, буквально тащат за поводья двух лошадей, которые волокут впряженное орудие, еще немного, и они перевалили за холм.

— Простите, господин капитан, — Кинт услышал, как кто-то обратился к Брэтэ, — вы из армейского корпуса регулярной армии терратоса?

— Ржавый шомпол, откуда здесь взяться армии? Кругом северяне! — рявкнул Брэтэ в своей манере. — Все вопросы потом, выполнять приказание! Собрать трофеи и вооружиться!

Глава двенадцатая

Отряд покинул место боя, приняв в свои ряды пополнение — три полноценных звена, то есть тридцать шесть человек. Среди них оказалась половина жителей Тека и окрестных деревень. Северян, что сдались или были ранены, повесили на уцелевшем пролете моста, так что их тела теперь болтаются над быстрыми водами реки в назидание врагу и как послание — «покоя вам не будет».

К Рыжему холму возвращались по старой дороге от какой-то заброшенной шахты, и к утру отряд был уже в лагере. Григо, который сам был на ночном дежурстве, сразу принялся за свои обязанности — разместить, накормить, подобрать снаряжение и оружие новым бойцам. А Брэтэ после завтрака уже занялся формированием звеньев. Среди освобожденных нашлись два артиллериста, и Зар, узнав об этом, стал переживать и уговаривать Сарта отвести его к Кинту, но Кинт пришел сам.

— Ну что, Сарт, разобрались с картечью? — спросил Кинт, осматривая небольшое, но грозное оружие для боя на малых дистанциях.

— Господин Брэтэ обещал прислать двух армейских артиллеристов... что мне делать? — Зар подошел к Кинту и уставился ему в глаза, играя желваками.

— Тихо, тихо... горец, думаешь, отряд в твоих услугах больше не нуждается? Ошибаешься, так что не скрипи так зубами, а то за перевалом слышно. — Кинт достал трубку и присел на лафет. — Армейцы будут при картечнице, а ты и Сарт — при скорострельном орудии. Тебя что-то не устраивает?

— Устраивает, мастер-жандарм Кинт! — Зар по уставу терратоса вытянулся, прижав ладони к бедрам, и кивнул, да так, что его форменная кепи чуть не свалилась на землю.

— Вот и хорошо. — Кинт похлопал по открытому казеннику орудия и поднялся. — Сарт, сходи к Григо, я приказал выделить две пары лошадей на артиллерию, так что к вечеру чтобы орудийные расчеты были собраны, все по вьюкам, и боеприпасы, и ваше снаряжение.

— Так есть! — Сарт сделал пару шагов вперед и поравнялся с Заром.

На переформирование отряда ушло несколько дней. Разведчики Локта тоже зря время не теряли, они вели наблюдение за трактом, примыкающим к нему дорогам, а также конными разъездами патрулировали территорию вокруг Рыжего холма.

— Кинт! — Локт тряс Кинта за плечо ранним утром, лишь над предгорьями забрезжил рассвет.

— Что случилось? — Кинт сел на сколоченном из жердей топчане, разминая затекшее плечо.

Навесы и скромный быт соорудили с помощью добытого с боя у моста инструмента и материалов. Кухня,

звено обозников и штаб теперь существовали при от-носительном бытовом удобстве, а в паре сотен шагов от лагеря, у ручья, соорудили помывочную, сложили глинобитную печь — и вопрос гигиены наконец решился.

— В полудне пути разведка обнаружила домик... то ли лесника, то ли какой каторжанин беглый там об-сновался... Самого его не видели, но жильё «теплое».

— И что? Тот каторжанин уже в одиночку выиграл войну против северного терратоса?

— А то, что вторые сутки пошли, а дозорные, кото-рых я послал следить за тем жильём, еще не вернулись.

— Плохо, Локт. — Кинт поднялся с топчана, от ко-торого еще пахло свежеструганым деревом. — Собирай своих людей, я с вами поеду... полдня пути, говоришь?

— Чуть меньше, к обеду доедем.

В составе неполного звена разведчиков Кинт выехал на запад, к странному домику, обнаруженному на хребте одного из холмов перед северным торговым трактом. Доехали до подножия холма к обеду, действительно относительно недалеко от лагеря.

— Двоих в охранение, один здесь, с лошадьми, — спешившись и надев ранец, приказал Кинт Локту.

Кинт взял командование звеном разведки на себя, очень уж странной показалась ему вся эта история с хи-жиной в лесу. Проверив оружие, Кинт подозвал к себе Локта и еще троих жандармов.

— Я пойду первым, вы следом, отстав друг от друга на десять шагов...

— Мастер-жандарм, давайте я пойду вперед? — предложил один из разведчиков, — я же был уже здесь.

— Вот по этому, — Кинт показал на валяющиеся в траве корки от запеченной тыквы и вытоптанную траву, — я понял, что тут уже кто-то был.

Боец покраснел и отвел глаза.

— Что ты краснеешь, как студентка? — прошипел Кинт, разозлившись на то, как ведет себя на выходах разведка. — Локт, тебе на вид ставлю, вот шли твои бойцы и на ходу решили перекусить... Я не против того, чтобы подкрепиться на выходе, но кругом враг и еще не понятно кто, дьявол его возьми, а твои разведчики так наследили!

— Виноват, мастер-жандарм Кинт! — Локт выпрямился в готовности получить разгон от командира.

— Да не тянись ты! Виноватых, если они еще живы, наказать... потом... Все, выходим. — Кинт дернул скобой карабина, дослав патрон, и пошел вперед, по следу тех, кто прошел здесь двумя днями ранее, оставив такие явные знаки.

Забравшись на хребет спустя полчаса, Кинт уже мог разглядеть меж ровных и высоких стволов сосен то ли землянку, то ли низкую хижину с покрытой слоем мха крышей из жердей и глины. Две стреноженные лошади, явно из отряда Кинта, гуляют неподалеку, а молодой жеребец расседланный стоит у дерева, поводья на сук намотаны. Кинт присел на колено, достал подзорную трубу и осмотрелся — никого. Но было то самое, знакомое и неприятное ощущение, что кто-то ведет наблюдение и за ним. Сложив подзорную трубу и убрав ее в тубус на поясе, Кинт резко рухнул в траву, скинул ранец и пополз, забирая вправо, к кусту рядом с кряжистым старым деревом. Через мгновение грянул выстрел, а тяжелая пуля вспорола толстую кожу ранца.

— Не стрелять! — крикнул Кинт и перекатился за куст, а затем переполз за ствол дерева и втянул ноздрями воздух, потом еще раз...

Вот оно, запахло порохом, Кинт чуть выглянул из-за дерева и посмотрел в направлении противоположном направлению ветра, шагах в тридцати качнулась ветка

куста, а потом кто-то, сильно пригнувшись, перебежал за дерево. «Не дурак, позицию сменил» — подумал Кинт, прицелился и выстрелил в дерево, за которое перебежал неизвестный. Прильнув к земле и продолжая наблюдать за деревом, где укрылся некто, Кинт крикнул:

— Локт! Видел, куда я стрелял?

— Так есть!

— Глаз не сводить с того дерева! — ответил Кинт и быстро пополз к хижине, сбивая колени и локти о коренья да камни, подло скрытые прошлогодней листвой и слоем иголок хвойных деревьев.

Переведя дух и прислонившись спиной к стене хижины, Кинт громко сказал, присев у небольшого окошка сруба, больше похожего на бойницу:

— Это Кинт Акан, есть кто внутри?

— Ммм... Уууу...

— Понятно, — выдернув из-за голенища сапога нож, Кинт закинул его в окошко, — если это поможет, освобождайтесь...

— Эй, стрелок! Ты оставил в живых моих людей, так может, поговорим? Чего патроны переводить! Ты все равно из своего укрытия уже никуда не дернешься, тебя на мушке держат!

— Ты кто? — донесся голос из-за дерева.

— Мастер-жандарм корпуса охраны дорог Кинт Акан!

— Так упразднили дорожных жандармов...

— Война идет, если ты не заметил.

— Ну... давай поговорим, оставь свое оружие и иди сюда.

— Нет! Ты оставь оружие у дерева и выходи к хижине, если ты не враг, чего тебе бояться?

— Хорошо, — отозвался стрелок, — только я не оставляю оружие.

— Ладно, оружие на ремень, в руках ничего не должно быть, и выходи.

Выглядывая из-за угла хижины, Кинт увидел, как крепкий мужчина немалого роста, повесив на плечо винтовку, медленно вышел из-за дерева, прошел вперед и опустился на пенек у хижины, положив руки на колени. Кинт, Локт и остальные бойцы подошли к незнакомцу.

Бушлат военного кроя, но не армейский, все на себе — на поясе подсумки, фляга, короткая сабля в простеньких ножнах, через плечо кожаная торба и странная винтовка, на которой над затвором закреплена... нет, не подозрительная труба, а нечто похожее и меньших размеров. Мужчина в годах, белые от седины виски и затылок, лицо обветренное, глубокие морщины, на вид так еще не пятьдесят, но уже за сорок.

— Локт, проверь своих бойцов в хижине, — сказал Кинт и встал напротив стрелка. — Ну, кто таков, рассказывай.

— Человек, — пожал плечами незнакомец, — водил обозы с востока к Теку, охранял то есть... а тут война, на обоз кавалерия северян налетела, всех побили, я ушел.

— А до того, как стал наемником, служил?

— Давно это было... да, служил, второй пограничный корпус, на западных границах.

— И давно ты здесь?

— Пару недель... хотел к северному тракту выйти, да вот набрел на хижину, решил, что буду тут, пока не прояснится что-то... я знал, что вы придете. Ваши, — стрелок кивнул на хижину, из которой Локт вывел двоих бойцов, — сказали, что у вас отряд и что их будут искать... вот и ждал.

— А стрелял чего?

— Так, важности напустить, ну и вас проверить.

— Проверил?

— Да, — незнакомец пристально посмотрел на Кинта, — молод, но командир хороший... ты же отрядом командуешь?

— Я, — Кинт тоже оценивающе продолжал осматривать стрелка, — и что думаешь, здесь отсиживаться?

— Теперь уже нет... Возьмешь в отряд — буду воевать, нет, буду пробиваться на юг.

— Интересная винтовка у тебя.

— Это мне один хороший мастер сделал, в Майнге... лет пять назад.

— Можно? — Кинт протянул руку к винтовке.

Незнакомец молча подал оружие.

— Хм... однозарядная. — Потянув затвор, Кинт извлек патрон. — Ого! Приличный калибр...

Патрон был действительно интересный, кустарно, но качественно отлитая пуля, стандартным армейским калибром, но длиннее и тяжелее, гильза под перезарядку, как у старого пехотного револьвера. На винтовке Кинт разглядел странное клеймо, вроде знакомое ему, но вспомнить, откуда оно знакомо, Кинт не смог, может, в каком-нибудь оружейном магазине такое видел...

— Да, это оружие для дальнего боя, — кивнул незнакомец и достал из-за пазухи пистолет, точь-в-точь как у Кинта покоятся в кобурах, — а это для ближнего... Только вот растерял все, третьего дня нарвался на кочевников и извел все патроны.

— Как звать меня, ты уже знаешь... может, представишься?

— Зови меня Стрелок, имя свое не скажу, я его уже плохо помню, а вспоминать, если честно, и не хочу.

— В отряд тебя возьму, пока вот под началом звеньевого Локта будешь, собирайся.

— А мне собирать нечего, коня седлать только.

К вечеру вернулись в отряд, как раз к ужину — очень вкусной похлебке с мясом оленя, которого подстрелил Брэтэ, когда решил прогуляться вдоль русла реки у подножья Рыжего холма после посещения помывочной. Вот так, в одном исподнем и с карабином наперевес его застал боец, стоявший в охране и прибежавший на выстрел.

— Молодец! Быстро прибежал, — сказал ему Брэтэ, — теперь так же быстро беги к обозникам, пусть Григо пришлет кого-нибудь тушу забрать.

— Так есть, — ответил боец и побежал в лагерь.

Дисциплину и устав службы Брэтэ заставил блюсти всех. Даже Григо, теперь являясь звеньевым ополчения и командуя дюжиной бойцов, стал подстраиваться под уставы. Иначе нельзя, война диктует свои условия, отряд не на линии фронта, а в глубоком тылу врага... а тут еще кочевники, разведка доложила об их стоянке совсем неподалеку, и Кинт распорядился с утра выехать двум звеньям и уничтожить стоянку кочевников, ни к чему отряду такое соседство.

Еще три недели отряд стоял у Рыжего холма, за это время было совершено два налета на северном тракте, один на армейский обоз северян с провизией, а второй на караван работоторговцев, освободив при этом еще дюжину несостоявшихся рабов, которые сразу же влились в ряды отряда. А затем над трактом повисли дирижабли северян, и Кинт принял решение уйти южнее, чтобы начать рейды по тылам. Лагерь на Рыжем холме был законсервирован. Кое-какие припасы, инструмент, оружие и патроны оставили в тайниках, и рано утром, в последний день летнего месяца, отряд, выслав дозорных, выдвинулся на юг.

Глава тринадцатая

— Хорошо бы узнать, что творится в терратосе. — Григо ехал рядом с Кинтом в колонне по достаточно широкой, старой лесной дороге, ведущей в долину. Как вышли к предгорьям, у них не хватало времени просто поболтать, а не только подсчитывать провиант и боеприпасы.

— Да, — согласился Кинт, — те люди, которых мы освободили, ничего нового не рассказали, разве что про бунты по городам обмолвились.

— Вот же! — Григо поправил пояс с кобурой. — Придумали бунтовать, когда такая беда.

— Что-то похожее уже и до войны начиналось, сам видел... Интересно, как Сэт и Мадэ устроились, — задумался Кинт, вздохнул, отстегнул от пояса флягу, сделал несколько глотков и передал ее Григо.

— Все бы отдал, чтобы это узнать. — Григо помрачнел, а потом как-то оживился и даже остановил лошадь. — А что если... что если лазутчика послать?

— Интересная идея, только кого? Тут человек опытный нужен, и даже если он благополучно пересечет линию фронта и вернется, то как он потом найдет нас? Мы же не будем на одном месте больше трех дней.

— Ну... Эм...

— Я услышал тебя, Григо, обязательно надо подумать над этим и человека надежного подыскать.

— А как, кстати, тебе этот Стрелок?

— Локт хорошо отзывался, говорит, внимателен, осторожен, опытный...

— Ну вот, чем тебе не лазутчик? — оживился Григо.

— Не знаю, не могу я его пока понять этого Стрелка. Понаблюдаю еще... Напомни вечером, я карту северян

посмотрю, поищу место, ближайшее к фронту, где можно незаметно подойти.

Ближе к вечеру отряд остановился на привал на небольшой опушке леса, пересекать долину решили позже, как стемнеет. Хотя и далеко от тракта, рядом нет крупных селений, разве что раскиданные по склонам холмов фермы, но все равно в темноте безопаснее. А пока лишь разведка выехала в долину осмотреться и на ближайшей ферме выяснить обстановку вокруг.

— Ну, вот здесь ближе всего будет, — показал Кинт длинным винтовочным патроном на участок карты, когда после ужина собрались он, Григо и Брэтэ, посвященный в идею с лазутчиком и поддержавший ее.

— Близо, полдня всего верхом, может, меньше, — кивнул Брэтэ, — только тут две реки, что к степям текут, придется искать брод.

— Они неглубокие, главное подойти незаметно, северян много, по тракту, пока Локт за ним наблюдал, не один корпус прошел на юг.

— Да все равно, весь фронт они навряд ли контролируют. — Григо склонился над картой. — Вот тут что, болото?

— Да.

— Ну вот, здесь точно конных разъездов не будет.

— Так и нашим по болоту не пройти.

— А если на лодке? — предложил Брэтэ. — Вот деревня и вот, а река в степи течет, главное за эти холмы уйти, а там уже все, территория не контролируется северянами... ну, если верить карте.

— Ну да, и если северяне не продвинулись южнее.

— Нет, — помотал головой Григо, — это вряд ли, канонады уже неделю точно не слышно, значит...

— Значит, или прекратились бои и северяне перешли к обороне, или у них кончились снаряды, — закон-

чил фразу Кинт. — Ладно, встанем на ночлег, вызову Стрелка, поговорю с ним.

На поляну въехал Локт в сопровождении еще двоих разведчиков, отыскал Кинта среди расположившихся на привал бойцов, спешился и направился к импровизированному штабу.

— Ну что? — Кинт развернулся к вытянувшемуся было для доклада Локту и показал рукой на вьюк, садись, мол.

— До фермы и обратно проехали спокойно, но на дороге конский навоз частенько попадает, значит, дорога проезжая, что и подтвердил хозяин фермы. Старик, живет там с женой, дочкой и внуков пятеро. Неделью назад, говорит, заезжал на ферму отряд, он дочь спрятал, приезжие по-хозяйски облазили всю ферму, забрали кое-какие припасы, угрожая оружием, и уехали, да, еще говорит, двух овец увели из стада.

— Банда мародеров? — уточнил Кинт и закурил трубку.

— Похоже, старик говорит, на всех вроде форма, но на военную не похожа.

— А на рабочую одежду каторжан? — нахмурился Брэтэ.

— Вот и я об этом подумал, спросил старика, но тот не уверен.

— А северяне были на ферме? — спросил Григо, а потом сам же и ответил на свой вопрос: — Хотя чего я, были бы, то ребятишек бы сразу в рабство угнали.

— Да, северян не было, но крупный отряд стоял в деревне, что неподалеку, на выходе из долины.

— Стоял?

— Стоял, пару недель назад, а потом ушел на юг. Ферма к лесу на холме примыкает, я там объехал все кругом, есть пара троп, оставил бойцов на них в охране-

нии. Считаю, место безопасное и можно встать отрядом на сутки, а завтра с утра я займусь поиском более подходящего места под стоянку.

— Хорошо. — Кинт постучал трубкой по подметке сапога, вытряхивая пепел. — Господин Брэтэ, командуйте построение на марш, как прибудем к ферме, пусть артиллеристы сразу же приготовят орудия к бою и замаскируют их.

— Так есть, — крикнул Брэтэ, с трудом поднявшись с вьюка, но потом выпрямился, поправил под поясом бушлат, набрал полные легкие воздуха... — Отряд! Позвеньево строиться на марш!

— Езжай, Локт, вперед, — Кинт вскочил в седло, — предупреди старика с семейством, а то увидят, перепугаются да в лес детей потащат.

— Так есть. — Встав и коротко кивнув, Локт побежал к своей лошади.

Издалека отряд Кинта действительно можно было принять за отряд северян, и из-за красных камзолов, и из-за двух орудий, что замыкают колонну, да и численностью — больше полусотни бойцов. Все верхом, заводные лошади, повозки... два последних налета были весьма удачны, от чего, вероятно, сильно расстроились северяне и стали следить за трактом с воздуха.

Ферма была немаленькая — большой одноэтажный каменный дом, сложенный не менее сотни лет назад, много надводных построек, часть луга на склоне, с начинающей желтеть травой, огорожена столбами и забором из длинных жердей, где застыли, провожая тупым взглядом отряд, около двух десятков овец в загоне.

— Брэтэ! Уводите отряд за ферму, в лес! — скомандовал Кинт и поскакал к дому, где во дворе уже стояло все семейство вместе с Локтом. Рослый седой старик с натруженными руками и обветренным лицом, согбен-

ная старушка с пронизательным и грустным взглядом, женщина лет сорока и прячущиеся за ней ребятишки, один меньше другого. Младшему лет семь, старшему — не более пятнадцати.

— Ты, стало быть, командир? — Старик дождался, когда Кинт спрыгнет с лошади и подойдет.

— Здравствуйте, — Кинт протянул руку старику, — мастер-жандарм корпуса охраны дорог Кинт Акан.

— Да хранят тебя небеса, и воинов твоих, — старик ответил крепким рукопожатием, — ну, прошу в дом.

— Локт, охранение у дороги на выходе из долины выставил?

— Так есть, там Стрелок с двумя бойцами.

— Хорошо, езжай к отряду, проследи, как артиллеристы развернутся, да побудь с ними.

От ужина Кинт вежливо отказался, ограничившись лишь ароматным травяным чаем. Ничего нового от старика он не узнал, эта семья с началом войны никуда не выбиралась, только вот отец ребятишек с еще одним, самым старшим сыном накануне вторжения выехали в Мьент продать шерсть да за покупками...

— Наверное, сгинули детки, — с грустью сказала старуха.

— Вот что ты опять заладила! — оборвал ее старик. — Может, в ополчение они подались. Верно ведь, могли они в ополчение попасть?

— Могли, — не стал разочаровывать старика Кинт.

— Вот и я говорю, что могли.

Женщина и облепившие ее дети не сводили глаз с гостя. Выдержать прямого и честного детского взгляда Кинт не мог и все время отводил глаза. Услышав разговор об отце и о муже, они словно ждали какой-то обнадеживающей фразы, каких-то новостей, из которых станет понятно, что их родные вот-вот вернуться до-

мой... Но Мьент давно пал, с началом войны там шли жестокие бои, а теперь в небольшом шахтерском городе стоит крупный гарнизон северян.

— Вы ведь с дороги, я могу протопить парную, — сказал старик, выведя Кинта из размышлений о несчастных судьбах, — она у нас просторная, на пять-шесть человек, быстро все успеете вымыться, пока остынет.

— Вот это было бы отлично, — избежал Кинт пытливых взглядов наверняка осиротевших ребятишек.

— Я сейчас займусь, только воды надо из колодца наносить.

— Я пришлю людей.

— Тогда через час пусть первые приходят.

Первые звуки выстрелов донеслись с юга, когда над долиной нависли сумерки и пополз туман, а спустя полчаса прискакал Стрелок.

— Кинт! Там бой идет, в самой деревушке, кто-то сунулся в нее с юга, похоже, из ваших...

— В смысле? — удивился Кинт.

— Двоих дорожных жандармов, судя по бушлатам, я через прицел разглядел.

— Уверен? А в деревне тогда кто?

— Точно не северяне, скорее, какая-то банда.

Решение было принято моментально, четыре полных звена уже через несколько минут были в седлах.

— Камзолы северян долой! — скомандовал Кинт, привстав в стременах, и повел отряд за собой, пустив лошадей в галоп, а подъезжая к деревне — в карьер.

Люди в форме дорожной жандармерии никак не могут быть бандитами или мародерами, не хотел Кинт в это верить и даже допускать такое. Пусть война, пусть сломанные судьбы и слабость человеческая, но дорожные жандармы всегда были и будут цепными псами тер-

ратоса, несмотря на то, что терратос, в лице парламента, их предал, избавившись как от пережитка прошлого.

— Брэтэ! Ваш фланг левый! — крикнул Кинт и повел два звена направо.

Из-за топота копыт Брэтэ наверняка не услышал Кинта, но боевой порядок с охватом противника с флангов известен не только кавалерии, загонять в степях кочевников или контрабандистов дорожным жандармам приходилось часто. Поняв маневр Кинта, Брэтэ повел свои два звена с левой стороны деревни, мимо каких-то лагуч и горящих рядом с ними костров. Черные стегаемые бушлаты рабочей одежды каторжан несколько раз мелькнули за заборами... осадив лошадь, Кинт выстрелил из револьвера сначала в одного, а затем в другого мародера, пытавшихся забежать в сарай. Взгляд Кинта заскользил по окружавшим его редким домишкам, заборам, постройкам, цепляясь за силуэты в темноте. Вот тень за забором, выстрел, вскрик... Замелькали вспышки выстрелов интенсивного боя в сотне шагов, ниже по дороге, и в них Кинт снова разглядел бушлаты каторжан. Мародеры зажали кого-то у длинного строения большой конюшни на окраине деревни.

— Спешиться! — скомандовал Кинт, поняв, что верхом на узком пяточке и во дворах делать нечего. — За мной!

Локт пытался догнать Кинта, не дать ему вырваться вперед, но поздно, из проулка выскочили вооруженные люди и замерли, не понимая, кто бежит им навстречу. Тут уже публика была пестрая, и каторжане, и армейцы, и несколько хоть и цивильно одетых, но хорошо вооруженных людей... Сумерки, темно, прицельно выстрелить сложно, и Кинт, дернув из ножен короткий абордажный палаш, скомандовал:

— Врукопашную!

До того, как противники сошлись, грянули выстрелы, с обеих сторон клубы порохового дыма, кто-то, вскрикнув, упал, замелькали клинки, зазвенел металл, снова выстрелы. Удачно парировав удар противника, Кинт сделал выпад и ударил врага в шею... Среди перекошенных злобных гримас Кинт мельком заметил спокойное, если не сказать умиротворенное лицо... очень знакомое лицо, и от него явно повеяло смертью и опасностью.

— Тилет! — вскрикнул Кинт.

— А я тебя тоже узнал, Кинт Акан, — крикнул в ответ наемный убийца и по-кошачьи ловко обогнул нескольких человек, попутно одним ударом заколов насмерть бойца, и уже через мгновение очутился на расстоянии удара от Кинта. В его руках был трехгранный штык и узкий нож, хорошо знакомый Кинту.

Кинт не желал испытывать судьбу, он знал и отлично понимал, кто перед ним, поэтому, как только Тилет начал атаку с обманного выпада и сделал шаг вперед, собираясь нанести коварный и смертельный удар, Кинт ссыпался на землю, упав на спину... выстрел, и Тилет, с лица которого даже не исчезла эта его дьявольская улыбка, пошатнувшись, опустился на колени, а потом завалился набок.

«Я еще в игры с тобой не играл» — подумал Кинт, вскочил на ноги и сделал еще несколько выстрелов по каторжанам, которые побежали прочь от места схватки, как только Тилет ушел из мира живых.

— Тилет мертв... Тилет мертв... — выкрикнули в нескольких местах, и бой как-то сразу начал затихать, а прочь из деревни то там, то тут кто-то побежал навстречу ночи и, скорее всего, смерти. Гиены, они всегда близ места, где недавно кого-то убили, всегда соберется немалая стая на пир, а запах крови в воздухе висит такой, что до ощущения металла на языке.

Кинт оглянулся по сторонам, из бойцов двух его звеньев на земле остались лежать четверо, еще столько же ранены.

— Перезарядиться! — скомандовал Кинт, присев на колено, сменил магазин пистолета и сунул его за пояс, затем вытряхнул на землю гильзы из барабана револьвера, по одному патрону, но ловко и быстро зарядил оружие. — Все за мной, к той конюшне.

И в это же время два звена Брэтэ, что обошли врага по окраине деревушки, внезапно для противника, вклинились ему во фланг стремительной атакой и опрокинули неприятеля в реку.

Глава четырнадцатая

Порядка дюжины бойцов собрались у конюшни, которая чуть не стала их братской могилой. Ракэ Кинт сразу узнал и окрикнул боевого товарища по степному форту, он хоть и сильно осунулся под гнетом лишений и скитаний по предгорьям, но вид имел боевой: лицо злое, сосредоточенное, зрачки в отблесках костра вспыхивают, как у дикого зверя.

— Оружие, боеприпасы и снаряжение собрать! Брэтэ, пошлите людей поймать разбежавшихся лошадей неприятеля, — распорядился Кинт, подъехав к Ракэ и соскочив с лошади.

— Спасибо, Кинт. — Всегда не особо щедрый на эмоции и благодарности молчун и зануда Ракэ обнял боевого товарища. — Я уже думал все, последний мой бой.

— Этот точно не последний. — Кинт похлопал его по плечу.

— Для кого-то последний... Вы людей потеряли, спасая нас.

— Да, — Кинт оглянулся на бойцов, которые складывали в трофейную повозку тела шестерых погибших товарищей, — но двенадцать спасли, это война, Ракэ, а не патрульный разъезд по степи... командуй своим, надо уходить, нашумели мы тут порядком.

Как выяснилось потом, когда отряд за спешный ночной переход далеко ушел от фермы и разбил временный лагерь в лесной чаще, банда была достаточно большой — порядка сорока тел насчитал Брэтэ, да и по реке снесло часть трупов. Так Брэтэ и доложил Кинту. Успехом послужила фланговая атака, в тот момент, когда противник был связан боем с двумя звеньями Кинта и отвлекся от конюшни, стремительная атака двух звеньев Брэтэ решила исход боя. Что в этой банде делал Тилет, оставалось только догадываться. Столкнувшись с ним в открытом бою, Кинт не строил иллюзий, и прими он вызов Тилета, то есть рукопашную, то шансов выжить у Кинта не было. Григо, который не учувствовал в бою, нисколько не удивился, узнав о неожиданной встрече Кинта и Тилета.

— Я знавал его, более того, сам пользовался его услугами несколько лет назад, — сказал Григо, — опасный и коварный человек, а ножом владеет просто виртуозно...

— Владел, — добавил Кинт, — и я об этом знал, поэтому просто застрелил его, хоть и была опасность зацепить кого-то из своих, очень тесно там было, на той улочке. Только вот...

— Что?

— Ладно, ничего... Пойду к Ракэ, они вроде поужинали, пусть расскажет, как он тут оказался.

Направляясь к обозникам, рядом с которыми расположились бойцы Ракэ, Кинт думал о том, что недосказал Григо... Да, Тилет убийца, наемник, он не делал долгов

и всегда платил по счетам, пусть они с Кинтом и были в расчете — жизнь за жизнь, но эта последняя схватка легла тяжелым осадком на душу Кинту, черным, словно угольная взвесь. Каждый из них выбрал свой путь, свою сторону, и даже будь у них время поговорить, ничего бы не изменилось, выбор сделан, каждый на своей стороне.

Бойцы Ракэ уже повалились спать рядом с повозками обозников, а сам Ракэ сидел на кореньях толстого дерева, прислонившись к нему спиной, курил трубку и не моргая смотрел на затухающий костер.

— Ну что, — Кинт присел рядом и тоже принялся набивать трубку, — о чем думаешь?

— О себе, Кинт...

— И?

— Когда мы расстались, там, у моста...

— Ты, кстати, сопровождал строителей?

— Да, вывел их к Мьенту, после того, как увидел руины и пожарища и понял, что Тек потерян. В Мьенте всем звеном вступили в ополчение, по железной дороге прибыло подкрепление, но было поздно, северяне, при поддержке артиллерии, двумя корпусами пехоты охватили город с флангов и взяли в кольцо. Нас там было-то пять сотен, а северян четыре тысячи! А еще с воздуха, как стервятники — скреверы... они у северян с картечницами, пролетит такой невысоко, носом клюнет, выстрелит и все — два звена в мир мертвых, а то и больше. Неделю бились за город, зажали нас к станции, и когда у нашей баррикады собрались все, кто остался, я дрогнул, Кинт... Я решил уводить людей, пробиваться, но выжить.

— И как ушли из осажденного города?

— Там и инженер один с нами был в ополчении, он вывел, старой шахтой, потом болотами двое суток шли. Сунулись к фронту, да куда там! Северян кру-

гом... на всех дорогах, на каждом мосту, разъезды, в небе скреверы снуют... В общем, пошли обратно в леса, на север. Тридцать человек в отряде было, несколько раз удачно нападали на фуражиров да обозников северян. А потом на нас начали охоту, да еще банды эти, будто с северянами заодно! Две недели в боях, две трети отряда погибло, но кое-как оторвались, вышли на деревеньку эту, моя вина... устал, измотался и без разведки сунулись, вроде с холма наблюдали — не видно врага, а нас, оказывается, ждали, вот и влипли в засаду... Ну, а дальше ты знаешь.

— Ладно... отдыхай, — Кинт посмотрел в уставшие глаза товарища, — мне как раз нужен командир для двух звеньев кавалерии, как, согласен?

— Спасибо за доверие, Кинт, согласен.

— Вот и хорошо, видишь вон того капитана, который бранится так, что белки сознание теряют?

— Вижу, — еле заметно улыбнулся Ракэ и кивнул.

— Это капитан Брэтэ, завтра займетесь с ним формированием двух полных звеньев кавалерии. А сейчас отдыхай, завтра много дел.

Засыпая, Кинт с досадой подумал, что не успел побывать в парной на ферме, и наутро запланировал помыться в неглубокой речушке, недалеко от лагеря, которая, сбегая с предгорий в степь, растекается на несколько ручьев и пополняет своими водами многочисленные болота на границе степей и предгорий.

— Сарт... Сарт, подъем! — Кинт присел над парнем.

Только начало светать, и Кинт, проснувшись еще до рассвета, обошел все посты охранения, убедившись, что никто не спит и лагерь под надежной охраной, вернулся, собрал полотенце, мочало, кусок трофейного обмылка и сменное белье, пошел будить Сарта.

— Да... что? — вскочил Сарт.

— Буди северянина, пойдем к реке, помоемся, в парную-то не попали вчера, а мыться, брат, надо, иначе зашвивеем.

Распутав всю живность по берегу своими вскриками, плескаясь в холодной воде, все трое помылись, затем потратили немного времени на стирку и вернулись в лагерь. К этому времени Брэтэ уже устроил всем побудку и занимался утренней сменой караула. Утро, к слову, выдалось прохладным, и уже после завтрака Григо подошел к Кинту, который занимался личными вещами, высыпав содержимое ранца на походное одеяло.

— Холодает, еще немного и зарядят дожди, а потом и зима, — Григо присел рядом, — без зимнего обмундирования долго не протянем.

— Немного потерпим, а потом северяне поделятся.

— Я бы раньше об этом подумал.

— Я бы тоже, но какие у нас есть варианты обеспечить отряд зимней одеждой?

— Ну да, других нет. Надо поручить разведке, чтобы высматривали тыловиков и обозников, северяне будут закрепляться в предгорьях, будут готовиться к зиме, вот пусть Локт и глядит в оба, выискивает для отряда новый гардероб.

— Угу... да, верная мысль, — кивнул Кинт, держа в руке маленькую серебряную брошь с красным и зеленым самоцветными камнями, которую он достал из небольшой деревянной шкатулки, — вечером со штабом обсудим.

Григо обратил внимание на то, как Кинт смотрит на эту брошь, как в задумчивости проводит большим пальцем по самоцветам, уставившись глазами в одну точку.

— Подарок?

— Что?

— Брошь.

— А, да... подарок, — Кинт убрал брошь обратно в шкатулку, — от одного хорошего человека.

— Женщина? Кто она тебе?

— Близкий и в то же время далекий человек... из прошлого...

— Ты это сказал с такой тоской в глазах...

— Нет, Григо, просто вспомнилось кое-что, хорошее, о чем не стоит забывать, что бы ни случилось.

— Ну... если хорошее, то да, забывать не нужно. Штаб после ужина?

— Да.

— Пойду тогда.

— Локт, он там, рядом с тобой разместился?

— Рядом.

— Передай ему, чтобы Стрелка не отправлял никуда.

— Хорошо. — Григо поднялся и пошел в сторону обозников.

А Кинт, перебрав вещи, собрал ранец и принялся чистить оружие.

Штабное собрание, как уже сложилось в отряде, проходило после ужина, когда бойцы отдыхали после дневной службы. Казалось бы, ни муштры, как в армейских корпусах, и прочего, а повседневных забот у бойцов хватало. Кинт выбрал тактику постоянного рейда, и в этих условиях необходимо организовать минимальный быт, поддерживать боеготовность и, самое главное — добиться слаженности от бойцов в звеньях, учитывая, что в отряде появилась определенная часть гражданских. Брэтэ и здесь оказался незаменимым человеком и командиром, с присущей ему сухостью в эмоциях и яркостью в выражениях, он постепенно делал свое дело — формировал самое настоящее боевое соединение. Кинт даже для себя

отметил, что лучше, если человек бранно выражается, но при этом со всей ответственностью делает свое дело, чем, высокопарно распинаясь, не делает ничего. Григо же проявил себя как заботливый и отзывчивый командир, несмотря на все те слухи о нем, которых в свое время наслушался Кинт. Война меняет людей, становится для них своего рода экзаменом, и так сложилось, что в отряде Кинта все этот экзамен сдали успешно. Днем Кинт наблюдал, как Ракэ и Брэтэ занимались формированием двух звеньев кавалерии, они очень быстро нашли общий язык, Брэтэ даже мало бранился и улыбался... но тут все просто — для Брэтэ многолетняя служба под началом капитана Агиса была лучшей рекомендацией, а Ракэ более десяти лет прослужил в степном форту. Здесь, в лесах северных предгорий, в тылу врага, в условиях, которые для всех в отряде... да что там, для всего терратоса Аканов были чем-то новым, постигающимся с потом и кровью, эти два человека, Брэтэ и Ракэ, словно дополняли друг друга. Один — старик, который большую часть жизни отдал службе в дорожной жандармерии, жесткий, щедрый на острое словцо и знающий, как научить бойца службе, второй — молчаливый, порой занудный, но от и до знающий свое дело жандарм. Кинт благодарил небеса за то, что эти люди в этот момент времени и в этих условиях находятся рядом с ним.

— ...хорошо, значит, ждем известий от разведки. — Кинт подвел черту под основной темой штаба. — Локт, а где Стрелок?

— Со звеном, позвать?

— Да, надо обсудить еще один важный вопрос.

— Сейчас приведу.

Кинт проводил взглядом Локта, достал трубку и, набив ее остатками табака из кисета, закурил и развернул карту северян.

— Садись. — Кинт указал Стрелку на место рядом с собой на настиле из жердей вокруг кострища, что успели соорудить обозники Григо. — Вижу, что человек ты опытный, воюешь хорошо, Локт о тебе неплохо отзывается...

— Кажется, сейчас мне будут рассказывать, что мне минимум нужно спасти терратос, — без единой эмоции на лице сказал Стрелок и внимательно уставился на развернутую карту.

— Ты не умничай, — нахмурился Брэтэ, — кажется ему...

— Спасти терратос — это задача не для нашего отряда, — сказал Кинт. — Сразу скажу, задача пройти через линию фронта и вернуться.

— Куда пройти? — не отрывая взгляда от карты, спросил Стрелок.

— В Латинг. Нужно дойти до Латинга, проверить там кое-что, выяснить обстановку в терратосе, поговорить с горожанами, узнать их настроение и прочее. И еще... — Кинт задумался, — еще дать телеграмму, если телеграф работает.

— Кому?

— Я напишу записку, кому, и текст телеграммы.

— Понятно, — наконец оторвался от изучения карты Стрелок, — только мне нужно сопровождение до линии фронта, один могу не дойти, банды...

— Подумаем над этим, — кивнул Кинт, — то есть ты готов выполнить такое задание?

— Готов, раз нужно.

— Хорошо, капитан Брэтэ, Григо, Локт и Стрелок остаются, остальные свободны, — сказал Кинт.

На рассвете следующего дня Стрелок и три бойца из звена Локта отправились на юг. Лазутчика снабдили некоторой суммой денег, провиантом и снаряжением.

Договорились, что по возвращению Стрелок будет ждать на ферме, хозяин которой радушно принимал отряд, а через пару недель разведчики начнут посещать ферму, примерно такой срок определили на переход Стрелка и его возвращение.

Через два дня отряд был готов выйти в запланированный рейд в сторону юго-востока, к небольшой деревушке и проходящей через нее старой торговой дороге, по которой снабжается армия северян, растянувшаяся по границе предгорий. Для бойцов, ушедших в сопровождение Стрелка, в тайнике была оставлена записка с приказом оставаться в лагере, куда отряд вернется после рейда.

Глава пятнадцатая

Рейд начался неплохо, отряд Кинта в ходе успешной засады на дороге разгромил крупный обоз северян в сопровождении отряда пехоты. Пленных не брали и никому не дали уйти, около сотни северян остались лежать на дороге, при этом отряд Кинта не потерял ни одного бойца, только одно легкое ранение, и то не боевое — один из артиллеристов в горячке боя защемил себе руку казенником. У северян, попавших под перекрестный огонь двух орудийных расчетов, не было никаких шансов, первый же выстрел картечницы из замаскированного укрытия на дороге убил и покалечил не менее двух дюжин северян, затем с противоположного склона во фланг ударило скорострельное орудие, выкашивая обоз с хвоста колонны...

Позже, когда отряд Кинта в спешном порядке собрал трофеи и покинул место засады, Григо догнал Кинта в колонне и протянул руку с болтающимися

на ней жетонами гражданина терратоса, не менее двух десятков.

— Выходит, мы разбили наемников, что собирают по деревням и фермам провиант для северян. — Кинт повертел в руке один из жетонов и вернул Григо. — Припречь их у себя, думаю, пригодится.

— Да, обоз с провиантом, — ухмыльнулся Григо, убирая жетоны в седельную сумку, — и кое у кого сегодня будет постный ужин. Не пойму я, Кинт, что побуждает наших людей служить северянам?

— Во-первых, деньги, а во-вторых... — Кинт задумался, поскреб уже изрядно отросшую бороду и добавил: — Во-вторых, терратос в упадке, люди слабы волей, не верят парламенту и решают подчиняться тем, кто сильнее.

— Я тоже не особо верю парламенту... проморгать вторжение! Но мы же для северян не люди, а эти наемники лишь средство! Неужели они не понимают, что как только станут не нужны, северяне их быстро стонят в лагерь рабов?

— Так и будет, только война пока еще идет...

Следующий налет совершили на железную дорогу, недалеко от Мьента. Операция по сути своей была дерзкой и с большой долей авантюры. Под самым носом штаба северян, в двух часах езды от города, отряд Кинта, уничтожив конный разъезд, разобрал участок пути, и когда состав с севера остановился, то был атакован. Большим сюрпризом стало то, что после трех минут боя один из вагонов загорелся, а потом взорвался с такой силой, что бойцы отряда, которые вели огонь с колена, были повалены на землю взрывной волной и легко контужены. Загорелись остальные вагоны, и Кинт, не желая рисковать, приказал отряду отходить, хоть и сильно жалея об этом, так как в составе, за исключением двух пассажирских

вагонов, восемь были товарными и везли боеприпасы, так необходимые северянам на фронте, но еще более необходимые отряду Кинта. От железнодорожного полотна отходили быстро, снова на юго-запад, маршем на всю ночь, с одним коротким привалом. Вечером перемещаться было опасно, над холмами на низкой высоте, буквально задевая крыльями верхушки деревьев, стали кружить скреверы, их гул действовал на нервы, с каждым их приближением по колонне разносилась команда: «С дороги!»... Однако груженные повозки не так просто спихивать с колеи в лес, и отряду все-таки досталось — один из пилотов северян все же рассмотрел движение по лесной дороге, скревер снизился и произвел выстрел. Крупной картечью перебило ноги лошадям и повредило повозки. Несколько человек были смертельно ранены, слишком серьезные, безнадежные ранения наносят картечницы скреверов. Наконец отряд, забившись в чащу, спрятался и, дождавшись темноты, двинулся дальше. За ночной переход удалось уйти достаточно далеко, и ранним утром, не разжигая костров, отряд сделал привал, а через два часа звериными тропами выдвинулся в сторону Рыжего холма. Повозки пришлось оставить, высвободившихся лошадей навьючили, да и отряд, кроме двух звеньев кавалерии Ракэ и разведчиков, спешился, нагрузив своих лошадей. К вечеру и люди и животные вымотались, Рыжий холм был уже виден, но до него оставалось не менее пяти часов пути, и Кинт отдал приказ вставать на ночлег.

Промозглым осенним днем господин Тьетэ принимал на железнодорожной станции уже третий эшелон из столицы. На станцию воздухоплавания также причаливали один за одним транспортные дирижабли, а в

степи близ города приземлились два десятка скреверов... Да, кое-что произошло — группа армейских генералов и некоторые офицеры тайной жандармерии взяли власть в терратосе Аканов в свои руки. Парламент был распущен, гильдии лишены возможности управлять терратосом. К сожалению, произошло это слишком поздно, и группе генералов все же пришлось считаться с представителями гильдий. К осени терратос Аканов фактически распался на пять провинций — Западную, Восточную, Степную, Южную и Северную, которая уже как отрезанный ломоть и под пятой северян. Военному правительству, пришедшему к власти, хватило разума не начинать войну внутри терратоса, со всеми провинциями были заключены соглашения, которые еще аукнутся, а пока — пока армия получила снабжение и была проведена мобилизация. Южные провинции поставляли продовольствие, восточные уголь и руду, а на западе город-завод Майнг, сражающийся при нехватке ресурсов и давно не получавший пополнения для войск, снова заработал на полную мощность, и первая задача армии — отсечь наступающие на Майнг полчища северян, которые вот-вот замкнут кольцо окружения, и тогда исход войны и судьба терратоса Аканов будут предрешены.

— Вы начальник станции? — К Тьетэ, у которого в руках был набор цветных вымпелов, свисток на цепочке, то есть все атрибуты станционного управляющего, подошел высокий мужчина, с осанкой, как у телеграфного столба. Тонкие «тараканьи» усы, форменный котелок, форменное же пальто с синим отворотом, подпоясанное широким ремнем с пистолетной кобурой, и черный кожаный саквояж в руке.

— Начальник станции сбежал из города, когда начались беспорядки и бунты рабочих ячеек.

— А вы тогда, простите, кто? — Офицер тайной жандармерии заложил руки за спину, его пенсне блеснуло, и двое жандармов, сопровождавших его, также пристально посмотрели на Тьетэ.

— Я начальник депо, представитель северо-восточного треста железных дорог.

— Ага, вы-то мне и нужны, господин Тьетэ!

— Он самый, а вы, простите...

— Начальник контрразведки армии терратоса, полковник Морес Таг.

— Контрразведки? Но... но я с самого начала войны делал все, что мог...

— Не волнуйтесь, кто и что делал с начала войны, мы будем выяснять позже. — Морес снял пенсне и убрал его в футляр. — Вам знакомо имя Кинт Акан?

— Конечно! Это начальник службы охраны нашего треста. — Тьетэ с недоверием и возмущением посмотрел на полковника. — Вы что, думаете, Кинт служит северянам?

— Успокойтесь, господин Тьете. — Морес вздохнул и спросил: — Где мы можем с вами побеседовать без лишних ушей?

— У меня в депо...

— Тогда идемте.

— А как же станция?

— Сегодня это последний состав.

— Ну, хорошо, — все еще с недоверием Тьетэ посмотрел на полковника, — пешком недалеко.

Тьетэ привел Мореса в свой кабинет, двое жандармов остались снаружи конторы управления депо с явным намерением никого не впускать, пока полковник не закончит беседу. Пройдя в кабинет, Морес осмотрелся, поставил саквояж на стол, расстегнул пояс с кобурой, снял пальто и котелок и, повесив их на вешалку у две-

ри, присел на стул, напротив стола Тьетэ, за которым хозяин кабинета уже сел в кресло в ожидании разговора.

— Я получил странную телеграмму, — Морес достал из кармана лист бумаги с наклеенной на него телеграфной лентой, — вот, хотите прочитать?

— Это касается Кинта?

— Судя по тому, что телеграмма была послана мне, через моего связного в столице, то отправлена она от его имени, и отправлена из Латинга.

— Когда?

— Три недели назад, — Морес протянул Тьетэ телеграмму над заваленным бумагами и чертежами столом, — и обратите внимание на приписку в конце.

Тьетэ взял телеграмму.

— Читайте вслух...

«Мой отряд действует в тылу северян близ Мьента и вдоль северного торгового тракта, совершаем налеты на обозы, как можем, сражаемся с врагом. Мне неизвестна обстановка в терратосе, как политическая, так и положение на фронте, пробиться на юг не могу, только потеряю людей, но мне и моему отряду придаст сил любая информация от вас об обстановке на фронте. То, что я слышу от пленных офицеров и солдат северян — однобоко. Теперь о том, что может вас заинтересовать, если вы все еще в должности. В Мьенте штаб фронта северян, на холмах вдоль границы предгорий северяне располагают артиллерию, строят укрепления и форты, похоже, северяне настроены заполучить предгорья навсегда. В таких условиях война затянется, мой отряд готов действовать и дальше, но мы воюем трофейным оружием, боеприпасы и снаряжение берем с боя. С провиантом иногда помогают немногочисленные фермеры, что остались в холмах далеко от дорог. Я думаю, вы найдете способ известить меня о получении телеграммы

и о готовности встретиться, и как только я получу это известие от вас, то через неделю буду ждать, на месте, где закончилась моя экспедиция. Надеюсь, что действия моего отряда не были напрасны, и мы будем нужны терратосу.

Кинт Акан

Если встреча состоится, передайте Кинту, что бойцы сопровождения погибли, прикрывая мой проход через болота. Во флигеле ждал три дня, никого не застал, а сам дом частично сгорел.

Стрелок».

— Это что еще за стрелок? — спросил Тьетэ, оторвавшись от листа бумаги, а потом, шевеля губами и нахмутив брови, еще раз перечитал, но уже про себя.

— Предполагаю, что этот Стрелок был послан Кинтом через фронт лазутчиком. А что за флигель?

— Там жила девушка Кинта, считайте, невеста, — грустно ответил Тьетэ, — она из Тека, Кинт смог ее с подругой отправить в Латинг на последнем дирижабле с ранеными. Они жили тут какое-то время, я помогал, как мог... а потом, когда гарнизон ушел к фронту, в город стали проникать банды, начались бунты, и девушки пропали. Ни записки, ничего...

— Да уж, печально.

— Не то слово!

— Вы проводите меня в тот флигель?

— Да, конечно, у меня повозка тут недалеко, но там такой район...

— Жандармы поедут с нами.

— Тогда поехали, — ответил Тьетэ, уже сообразив, что Кинт лично знаком с полковником, и подозрения развеялись.

Району депо действительно досталось во время беспорядков, да и от бомбежек северян в начале вторжения. Некоторые здания повреждены, видны следы пожара, улицы не убираются, люди угрюмо спешат и с опаской оглядываются по сторонам. Повозка Тьетэ въехать в арку не смогла — завал из мусора и сгоревшей мебели.

— Часть дома сгорела, но та его часть, где жил Кинт, уцелела, — Тьетэ соскочил с повозки, — прошу за мной.

— Останьтесь здесь, — сказал Морес одному из жандармов.

— Так есть! — кивнул тот и, сняв карабин с плеча, стал прохаживаться рядом с повозкой.

— Ну вот, это здесь. — Тьетэ толкнул незапертую дверь во флигель.

Внутри царил беспорядок, мебель и немногочисленные вещи и посуда перевернуты.

— Кинт себе скромное жилище обустроил, показарменному, я бы сказал. У него тут даже воришкам нечем поживиться.

— Да уж. — Заложив руки за спину, Морес ходил по комнате и внимательно все изучал, затем поднял с пола перевернутый стул, сел на него посередине комнаты и медленно, словно просвечивая насквозь, стал еще раз все осматривать.

Тьетэ встал у камина и ждал.

— Отойдите-ка...

— Что?

— Чуть в сторону, эта чугунная плита, да, на которой лежат поленья.

— Эта?

— Да, она как-то прибита к полу?

Тьетэ наступил носком сапога на угол плиты, и несколько поленьев с грохотом завалились.

— Поднимите плиту, — приказал Морес жандарму.

Жандарм, смахнув поленья, поднял плиту...

— Тут тайник, господин полковник.

Морес быстро — Тьетэ даже не заметил, как он переместился от стула к камину — подошел к тайнику и, присев на корточки, достал небольшой медный сундучок, поставил его на пол, открыл и начал аккуратно извлекать содержимое и раскладывать веером, при этом проговаривая:

— Записка, написана женским почерком, кошель с монетами, кожаный тубус для бумаг, пояс со старым пехотным револьвером... да, это револьвер Кинта.

Взяв в руки записку, Морис бегло ознакомился с текстом, а затем по порядку уложил все обратно в сундучок, вернул его в нишу в полу, положил на место плиту, сверху несколько поленьев, а потом, зачерпнув совком из камина золы, просыпал ее над тайником.

— Идемте, господа, все ясно.

— Что ясно?

— Сэт и Мадэ уехали на юг в компании некой Шагэ, подальше от войны и беспорядков, и как только они доберутся до места, то на ваше, Тьетэ, имя придет письмо с адресом, где их искать.

— Уф... — облегченно выдохнул Тьетэ, — какая разумная девушка.

— Да, согласен, идемте.

Глава шестнадцатая

За полтора месяца постоянных рейдов вдоль границ предгорий отряд Кинта значительно пополнился. За счет разгромленного лагеря рабов у одного из медных рудников, за счет приходящих в отряд жителей предгорий, а также в отряд влились несколько армейских

групп, которые остались в тылу с началом вторжения, скитались по предгорьям в попытке найти лазейку и прорваться через линию фронта, но безуспешно. Большую часть пополнения составляли ослабленные и измученные люди, проку от них не было, и Брэтэ почти месяц провел с ними в лагере на Рыжем холме, формировал звенья, присматривался к людям. Да и с боеприпасами на такое количество бойцов было туго, а отряд теперь насчитывал более трехсот человек. С оружием проблем не возникало, его за несколько успешных рейдов и засад собрали достаточно. Также прибавилось и два орудия, точнее, мортиры, но снарядов и артиллерийского пороха опять же не хватало.

Постоянно в тылу врага действовала сотня бойцов под командованием Кинта, но с приходом осени начались затяжные дожди, долгие рейды приводили к тому, что люди начинали заболевать. В отряде появился лекарь, освобожденный из лагеря рабов, который, взяв себе в помощники нескольких гражданских, делал все, что было в его силах, а потом настоял на прекращении, хотя бы на период дождей, больших рейдов. Кинт прислушался и рейды прекратил, лишь разведчики Локта рыскали в опасной близости от противника и искали верный вариант отбить боеприпасы, и нашли...

— Ладно, оставайтесь здесь, все записывайте, что привозят, что увозят, что и куда разгружают, — тихо сказал Локт двум своим бойцам и начал отползать назад, стараясь не задевать ветки высокого кустарника, который сбросил почти всю листву.

Разведка обнаружила в узкой долине целый городок из палаток, на окраине которого была огороженная территория склада, выше, на холме был вырублен лес, и северяне заканчивали строительство небольшого форта. В течение дня к складу подъезжали моторные

повозки, где их загружали, а потом грузовые фургоны разъезжались по гарнизонам северян. За все время наблюдений — а разведчики пролежали на холме у дороги уже двое суток — в долину опускались и, разгрузившись, улетели на север два больших транспортных дирижабля. Они причаливали к невысокой швартовочной башне, наскоро сделанной из бревен, рядом пыхтела паровая машина газовой установки, нагнетая газ в причаливший дирижабль...

Оставив бойцов и приказав им продолжать наблюдение, Локт вернулся в лагерь, к Рыжему холму.

— Как далеко этот лагерь-склад? — Кинт снял с очага в капитально построенной землянке чайник, налил в кружку травяного настоя, что собирал лекарь по склонам холмов, и протянул промокшему до нитки и продрогшему Локту.

— Сутки пути... спасибо, — ответил Локт и отпил горячего настоя.

— С орудиями проедем?

— Если только разобрать и навьючить, повозки тоже не пройдут, есть пара мест, где они просто увязнут.

— Сколько всего северян? — спросил Брэтэ, также присутствующий вместе с Григо и Ракэ в штабной землянке.

— Постоянного количества не смог определить, там все время кто-то приезжает, кто-то уезжает... В форте, что достраивают на холме, точно два звена кавалерии, они оттуда в патрули выезжают, в палаточном городке не меньше сотни солдат было, когда я уходил.

— Допил, согрелся?

— Да, хорошо...

— Тогда вот, приступай, — Кинт выставил на стол ящик с трофейной канцелярщиной, — постарайся изобразить все максимально точно и расстояния пометь.

Для Локта это занятие было уже привычным, не первый раз, и он, достав лист бумаги, чернила и перо из ящика, принялся изображать увиденное.

Отпустив Локта отдыхать, командиры склонились над схемой и картой.

— Главное, чтобы не как с тем поездом, дьявол его возьми. — Брэтэ внимательно изучал художества Локта.

— Я бы сам все глянул, конечно, прежде чем планировать, — пробасил Ракэ, — хочу быть уверенным, что там есть где развернуться кавалерии, а то толку от моих бойцов на камнях да в лесу.

— Согласен, — кивнул Кинт, — тогда с Локтом завтра утром я, Ракэ и... эм...

— Пьент, — подсказал Брэтэ имя нового командира пехотной полусотни, сформированной исключительно из армейцев.

Пьент был в том же звании, что и Брэтэ, то есть капитан.

— Да, и Пьент... А где он, кстати? С утра не видел.

— В каменном овраге, занимается с артиллеристами... — Брэтэ нахмурился. — После твоей отповеди в последнем рейде собирают и разбирают орудия на время.

— Правильно, если бы не Зар вместе с сопливым Сартом, то мы бы с вами сейчас не разговаривали...

Это случилось в последнем рейде. Отряд совершил нападение на один из строящихся фортов и сжег его, уничтожив при этом более двух сотен врагов. Применялись мортиры, картечница и скорострельные орудия. С боя взяли много трофеев и, пребывая в своего рода эйфории от первой такой большой победы, отряд возвращался в лагерь. Северяне, весьма серьезно обеспокоенные проблемами в тылу, уже начали охоту за Кинтом и его отрядом. Лазутчики сновали по лесу и холмам,

Локт и его люди делали все возможное и вылавливали шпионов, но в этот раз не удалось... Отряд был на марше, когда впереди началась стрельба — это дозорные ввязались в перестрелку. Затем с нескольких сторон донеслись мерзкие звуки свистков пехоты северян.

— К обороне! — только и успел скомандовать Кинт, как две тяжелые пули угодили в грудь и шею его лошади, которая сразу повалилась на бок, став для Кинта спасительным укрытием.

С левого фланга началась атака, меж деревьев замелькали красные мундиры, один за другим начали падать сраженные пулями бойцы отряда... и тут — та-та-та-та... Это Зар и Сарт, не растерявшись, путем невероятных физических усилий разобрали вьюки, собрали оружие, вступили в бой и фактически спасли отряд, шквальным огнем снеся волну наступающих северян, и атака противника захлебнулась. Затем Ракэ, обойдя с фланга, атаковал отступающего противника. В том бою погибли двадцать бойцов — это были самые большие потери за все время существования отряда. Сарт тогда получил свое первое ранение, уже после того, как сорвал спину, отчаянно тягая тяжелые детали оружия. Он уже две недели отлеживается в землянке лазарета, а Зар присягнул на верность терратосу Аканов, получил из рук Кинта карабин и портупею с револьвером в кобуре — теперь никто не смел назвать его северянином.

Выехали ранним утром. Под проливным дождем Локт повел командиров «знакомиться» с укрытым в предгорьях лагерем-складом северян. На место добрались еще засветло, а потом, после ползания по склонам на брюхе до самой темноты, все вернулись к Рыжему холму и приступили к планированию акции.

Разжиться боеприпасами в лагере-складе не представлялось возможным по двум причинам: первая — это прибывший туда полк пехоты северян, а вторая — это орудия в форту, которые удалось заметить, только подобравшись на револьверный выстрел под прикрытием сумерек. Но акцию отменять Кинт не стал и придумал нечто другое...

Шак, капитан тыловой службы северян, кутаясь в шинель и подняв воротник, с тоской наблюдал за разгрузкой прибывшего с севера транспортного дирижабля и проклинал осень, проклинал терратос Аканов, его никчемных людишек и дождь, который льет уже месяц с разной интенсивностью. Осень в северных предгорьях терратоса не располагает ни к прогулкам, ни к поездкам. Дороги становятся труднопроходимыми, и движение на них затихает. На это и рассчитывали северяне, то есть захватить предгорья до наступления зимы, после чего ослабевшая армия Аканов будет вязнуть в грязи в попытках отбить холмы предгорий, на которых уже основательно закрепилась армия северян.

Разгрузка дирижабля проходит без происшествий, и Шак решил спуститься со стены форта и укрыться в пусть недостроенной казарме, но все же там тепло, ждет горячий завтрак и выпивка. Вдруг с запада — похоже, на дороге, что, петляя меж холмами, ведет к форту — стала доноситься интенсивная стрельба. Шак, опустив воротник и пытаясь сквозь шум дождя отчетливей расслышать происходящее, увидел, как на севере, на склоне холма в полутора тысячах шагов, появился дымок, потом еще один — и через мгновение характерный свист, свист подлетающего мортирного снаряда, тяжелой чугунной чушки, начиненной взрывной смесью. Шак замер от удивления и растерянности,

а через несколько секунд на территории палаточного городка прогремели два взрыва.

— Тревога! — заорал Шак и побежал по стене, посылая проклятия строителям и их помощникам — рабам, которые с вечера оставили материалы и инструмент, загрозив проход к двум северным башням с орудиями. — Гарнизон! Тревога! Нас атакуют!

Боец на вышке рядом с палаточным городком отчаянно бил в тревожный колокол, началась суматоха, снова свист... взрыв, еще один... подбираясь к складам, один за одним ложились снаряды, осыпая все вокруг смертоносными осколками и поджигая. Ворота форта открылись, и несколько звеньев кавалерии понеслись по дороге, на шум боя, и скрылись за поворотом... Та-та-та-та-та... но скорострельное орудие неизвестного врага, замаскированное на склоне, стало непреодолимым препятствием, и кавалерия, потеряв большую часть бойцов, отступила к лагерю, кони топтались на месте... свист... взрыв... свист... последнее, что увидел Шак, это яркая вспышка со стороны склада с боеприпасами...

— Кинт! — осаживая коня, крикнул прискакавший посыльный от Ракэ. — Охрана моста и мост уничтожены, потерь нет!

— Отлично! — Стоя за валуном, Кинт наблюдал, как бойцы, словно муравьи, таскают от разбитой колонны ящики, коробки и тюки, грузят все на лошадей, а обозники уводят их по тропе на холм. — Передай Ракэ, чтобы выдвигался к холму с мортирами и помог артиллеристам отойти.

— Так есть! — Наподдав пятками коню, кавалерист понесся по дороге, где за двумя поворотами был мост через поднявшуюся из-за дождей реку.

Кинт, волнуясь, внимательно посмотрел на небо...

— Давай лей! И тучи плотнее, — злорадно улыбаясь, сказал Кинт, радуясь тому, что скреверы северян вряд ли прилетят на подмогу своим.

И словно в подтверждение, сверкнула молния, а через мгновение пронесся раскат грома, правда, потише того, что некоторое время назад Кинт слышал со стороны форта и лагеря-склада.

— Вот и небеса за нас...

— Что? — спросил прибежавший Локт.

— Небесам, говорю, угодно, чтобы у нас все получилось, — улыбаясь, ответил Кинт.

— Давно тебя таким не видел. — Локт похлопал товарища по плечу.

Промокший насквозь бушлат, обвисшие поля шляпы и стекающие с нее ручьем капли воды на заросшее лицо, но глаза светятся радостью и гордостью.

— Да, Локт... Но удачу выпускать нельзя! Бери своих ребят и пускай дозором перед колонной трофейщиков. Передай Пьенту приказ — его отряд и расчет картечницы остаются прикрывать отход.

— Так есть! — Кивнув, Локт, поскальзываясь на склоне, стал быстро, но осторожно спускаться к дороге, упирая приклад карабина в землю.

А Кинт, с удовлетворением отметив, что трофейщики повели вверх по склону последнюю навьюченную лошадь, тоже пошел наверх, к зарослям кустарника, где в небольшом овражке он оставил лошадь.

— ...а я все же предлагаю затаиться и переждать, — сказал Пьент, — люди устали, хотя бы сутки дать на отдых.

Штаб состоялся уже глубокой ночью, когда отряд вернулся к Рыжему холму. Ни осточертевшие сырость

и дождь, ни холод, ни промокшие ноги не смогли затмить восторг и ликование всего отряда по возвращению в лагерь. Старик Брэтэ, не участвовавший в акции, стоял в проеме землянки и, радуясь, наблюдал, как возвращающиеся бойцы эмоционально рассказывают о бое, о страшном взрыве, который заставил наклониться верхушки деревьев на многие сотни шагов вокруг, а форт северян словно сдуло с вершины холма.

— Надо уходить на север, — резко ответил Кинт, — я понимаю, что люди устали, надо терпеть! Пока льет дождь, но на небе на западе уже видны звезды. А как только прекратится дождь, появятся скреверы...

— А что это? — повернувшись ухом к входу в землянку, спросил Локт.

— Вот и скревер, — поморщился Ракэ.

Григо вскочил с места и со словами «Парная же топится!» побежал в сторону обоза, крича:

— Закрыть! Закрыть трубу парной!

— Вообще странно, какой-то сумасшедший пилот у северян, — сказал Кинт и, накинув бушлат, тоже подошел к дверному проходу и посмотрел в небо, с которого, не переставая, льет дождь.

Гул приближался, стало понятно, что пилот скревера заметил дым печи парной. Не опасаясь наблюдения с воздуха, Кинт разрешил топить парную, греться и мыться бойцам, участвовавшим в акции, он и подумать не мог, что в такую погоду и тем более в грозу враг поднимет в воздух скреверы.

— Как думаешь, Кинт, сколько у нас времени? — спросил Ракэ.

— Ну... пока скревер вернется, если вернется, пока решат, что и как, пока выдвинутся войска... дороги размыты, к Рыжему холму подниматься только

пешком... Думаю, полдня у нас, не больше, чтобы собраться и уйти.

— А если у них где-то рядом есть уже ожидающие отряды наемников? Как тот, что на вас напал? — сказал Брэтэ.

— Плохо, если так. Тогда придется оставлять прикрытие и все равно уходить, оставаться нельзя.

Скревер зловеще гудел еще несколько минут, а потом с неба, кроме дождя, посыпалось что-то еще... Скревер улетел, лагерь проснулся, дежурные криками предупреждали о светомаскировке, а в штабную землянку вернулся Григо с изумленным лицом и сказал Кинту, передав ему несколько испачканных грязью маленьких пластин из тонкой медной фольги:

— Ничего не понимаю... это, похоже, тебе.

Кинт взял «послание с неба», подошел к столу и выкрутил фитиль масляной лампы, прибавив света...

«Готов встретиться. Морес» — маленькими буквами было отчеканено на каждой пластине.

— Да! — зажав пластину в кулак, радостно вскрикнул Кинт.

— Дьявол тебя раздери! Кинт! — вздрогнул от неожиданного вскрика Кинта капитан Брэтэ и рявкнул на всю землянку: — Ржавый шомпол тебе в бок! Потрудись объяснить!

— Стрелок... Он дошел. — Кинт опустился на лавку и начал хлопать по карманам в поисках трубки, которая давно потухла и лежала на камне у очага. — Этот скревер... это был наш.

Григо схватил со стола маленькую медную пластину и, пробежав по ней глазами, грустно положил обратно.

— Не переживай, Григо, думаю, после встречи все прояснится, — сказал Кинт, наконец-то обнаружив

трубку и раскурив ее. — Уходить будем. Но планы немало меняются, а пока всем отдыхать!

— Как долго? — скептически ухмыльнулся Ракэ.

— Пять часов. — Кинт щелкнул крышкой хронометра, убирая его в карман.

Глава семнадцатая

— Кинт, разреши поехать с тобой, — Сарт обиженно сопел и умоляюще смотрел на Кинта.

— Нет, — Кинт был непреклонен, — во-первых, еще свежи твои раны, а во-вторых, кто будет вместо тебя в орудийном расчете? Все, разговор окончен! На время перехода к новому лагерю твой командир Ракэ, понял?

— Так есть, — вздохнул Сарт.

— А он не любит ждать, кавалерия уже приготовилась к маршу. — Кинт подошел к Сарту и похлопал его по плечу: — И береги себя.

Сарт вышел из штабной землянки и побежал к выстроившейся и приготовившейся к маршу кавалерии, перекинулся парой фраз с Ракэ, который кивнул и, махнув на прощание Кинту, повел свой отряд на север.

Выйдя из землянки, Кинт осмотрел опустевший лагерь. Первым, еще утром, ушел отряд пехоты и ополченцев, под командованием Пьента, чуть позже другую сотню бойцов повел Брэтэ, с ним ушел и Григо с обозниками. Кавалерия покинула лагерь последней. Все три отряда ушли по разным маршрутам, так было решено на штабе. После перехода все отряды снова должны объединиться в новом лагере, восточнее Тека.

— Ну что, собрался? — Локт проверил вьюки на лошади.

— Да, — кивнул Кинт, вернулся в землянку, внимательно осмотрел все, забрал с лавки у входа ранец и карабин и направился к лошадям.

На встречу с Моресом Кинт сначала хотел ехать один, но все командиры в один голос осудили эту идею, а Локт вызвался сопровождать и охранять Кинта. Ракэ настаивал еще и на звене кавалерии, но Кинт заявил, что такое количество людей будет слишком заметно. Таким образом Локт оказался в попутчиках и охранниках.

Усевшись в седле, Кинт проверил, как держится притороченный чехол для карабина, привязал длинные поводья выючной лошади к своему седлу, натянул поглубже шляпу с мокрыми и обвисшими полями, поднял ворот бушлата и махнул рукой:

— Поехали...

— На юго-восток? — уточнил Локт и выехал вперед.

— Да.

Первый переход планировался на всю ночь, во-первых, выехали уже под вечер, а во-вторых, так безопаснее, кругом рыщет взбешенный враг, дождь прекратился, и скоро в небе начнут кружить скреверы северян. На седьмой день пути ехать стало спокойнее, чем ближе к диким землям, где трагически закончилась экспедиция профессора Дакта, тем меньше разъездов северян по проселкам, реже стоят гарнизоны врага, да и скреверы не так часто появляются в небе. Хорошо охранялись северянами лишь северо-восточный тракт и железная дорога вдоль него, что ведет в Конинг, маленький городок, населенный мужественными людьми, которые, отчаянно сражаясь, отстояли свой город. Северяне не рассчитывали на серьезное сопротивление и сломали о Конинг зубы, а тут еще и флот терратоса успел подойти и имеет возможность обстреливать из бухты позиции северян. Бухта — единственная артерия, снабжающая

Конинг, осажденный северянами с суши, но скоро зима, флот уйдет, и друзьям Кинта придется несладко. Думая об этом, но не забывая смотреть по сторонам и прислушиваться к лесу, Кинт ехал по следам лошади Локта. Разведчик выехал вперед шагов на сто и едет дозором. Погода баловала путников, дожди прекратились, из-за туч выглянуло солнце и даже стало чуть теплее, но это ненадолго, еще пару недель, и северные ветра принесут с перевалов холодный воздух и снега.

К утру десятого дня лес стал гораздо реже, холмы ниже, солнце спряталось за свинцовые тучи, которые вот-вот начнут засыпать все вокруг снегом.

— Все, край леса через сотню шагов, — вернулся из дозора Локт, — да и, похоже, мы спустились в широкую долину, впереди железная дорога и тракт, за ней небольшая роща, да и пост дорожной жандармерии на тысячу шагов южнее.

— Значит, почти приехали, — Кинт плавно натянул поводья, остановив лошадь, — тогда встаем на привал до вечера. Покорми и напои лошадей, я пойду осмотрюсь.

Соскочив с седла, Кинт уверенным шагом пошел вперед, пройдя чуть меньше сотни шагов, он остановился и присел под раскидистыми ветвями высокого хвойного дерева на краю леса и достал подзорную трубу... Тракт, железная дорога, пост охраны дорог, тот самый, в котором Кинт ночевал, завернувшись в шкуры. Неожиданный гудок паровоза заставил Кинта чуть вздрогнуть...

— Так, товарный, — бубнил Кинт себе под нос, рассматривая состав, — и чего гудеть? Никого же кругом... Ага, понятно...

Из-за стены поста вышел северянин, потом еще один. Они постояли немного на насыпи, провожая состав,

и вернулись на пост. Более внимательно присмотревшись, Кинт разглядел и пару лошадей за постом.

— Там, на посту, северяне, — сказал Кинт, присев на «похудевший» выюк с овсом.

— Я не заметил...

— Я бы тоже не заметил, если бы не машинист паровоза, который им погудел, а они вышли проводить состав.

— Кинт, может, горячего поедем? Живот так подвело уже, сил нет.

— Давай, пока светло. Веток только сухих наломай, вон сухостоя сколько. — Кинт показал на несколько деревьев в стороне, которые несколько лет назад сбросили листву и высохли; причина проста — их корни подмыл узкий ручей, протекающий мимо.

Похлебка, сваренная на копченой оленине, показала просто деликатесом после недели-то сухомятки. Сменив друг друга несколько раз, путники после раннего и сытного обеда смогли наконец выспаться перед решающим переходом и пересечением северо-восточного тракта. Вряд ли стоило опасаться разъездов северян, а вот несколько стоянок кочевников по пути сюда обходить пришлось.

Северяне, разведя костер на посту, хорошо себя обозначили, добавив Кинту и Локту дополнительный ориентир в ночи. Ведя лошадей в поводу, путники пересекли тракт, железную дорогу и, достигнув редкой рощи, сели верхом и поехали на юг. А на рассвете Кинт уже разглядывал остов экспедиционной машины, развороченной взрывом, в подозрную трубу.

— Ну, что там? — с нетерпением спрашивал Локт, стоя рядом с Кинтом в высоком кустарнике.

— Пока ничего, — ответил Кинт, — на, наблюдай, а я пока посплю, через пару часов разбудишь.

— Так есть, — тихо ответил Локт, взял подзорную трубу, нагреб опавшей листвы и улегся на нее.

Не прошло и часа с момента, когда Кинт провалился в сон, завернувшись в два походных одеяла на куче листвы, как в небе сначала загудело, а потом показались и скреверы. Их было пять, они, сделав пару кругов над железным памятником Волье, Крею, профессору и другим участникам экспедиции, опустились на землю. Услышав звук летательных аппаратов, Кинт проснулся, подошел к Локту и присел на корточки.

— Похоже, прибыли, — сказал Локт и, повернувшись, протянул Кинту подзорную трубу.

— Да, это Морес... ты вот что, — Кинт заметно волновался, — на всякий случай... если я сброшу на землю шляпу, то отсекай их от меня огнем.

— Ты им не доверяешь?

— Я просто боюсь.

— Понял, — ответил Локт, подтянув к себе карабин.

А Кинт скинул с лошади седельные сумки, вскочил в седло и поехал к месту приземления скреверов.

Всегда сдержанный в эмоциях, напряженный и вытянутый, как струна, Морес, подбежал к Кинту, как только он соскочил с лошади...

— Как же я рад тебя видеть! — Морес стиснул Кинта в объятиях. — С нашего первого знакомства я понял, что ты еще доставишь мне хлопот!

— Я тоже рад вас видеть, господин кап... ого! Господин полковник!

— Слишком многое произошло, Кинт, с момента нашей последней встречи, вот, — Морес сунул в руку Кинту толстый конверт, — тут письмо от меня и несколько столичных газет, потом считаешь... Времени мало, наверняка при пересечении линии фронта нас заметили, и скоро стоит ждать гостей.

— Да, думаю, они скоро явятся.

— Болье! — Морес подозвал к себе высокого парня в форме пехотинца. — Это мастер-жандарм Болье, он инженер эфирного телеграфа и останется у тебя в отряде.

— Эфирного телеграфа? — удивился Кинт.

— Да, мы его привезли, таких устройств на весь терратос не более десятка. Понимаешь, насколько важен твой отряд? Важен именно здесь, в тылу у северян, только телеграф весьма тяжел и состоит из нескольких узлов. Предлагаю его спрятать где-то неподалеку, а потом ты его забереешь. Нужны хотя бы пара лошадей, чтобы его транспортировать.

— Я знаю, где взять лошадей, и совсем недалеко.

— Даже так... что ж, Болье, тогда разгружайте телеграф.

Болье кивнул и побежал к одному из скреверов.

— Человек, которого я послал через линию фронта, вы встречались с ним?

— Нет, он ограничился телеграммой в мой адрес, через мою сестру Поль.

— Сэт?

— Сэт, эм... а, Мадэ и некая Шагэ выехали на юг, подальше от бунтов и войны, — Морес по памяти дословно пересказал Кинту содержание записки из тайника.

— Очень интересно... а Тьетэ, значит, успел выехать в Латинг до начала вторжения?

— Он в Латинге, хороший и ответственный гражданин терратоса.

— Да, он хороший человек.

— Что ж, Кинт, надеюсь, в будущем у нас будет возможность поболтать за парой бокалов вина, а сейчас мне пора. Береги Болье и телеграф, иначе очень дорог и трудоемок процесс твоего поиска... и вот еще,

просто чтобы ты знал, пилота, который в грозу рисковал жизнью и нашел тебя, зовут Маани...

Лицо Кинта застыло, словно каменное изваяние.

— Она служит у меня в управлении, и как только узнала, кого ей предстоит искать, то, наплевав на погоду, сразу же вылетела... Ты ей дорог, Кинт, хотя я знаю одного доктора, который является ее мужем.

— Она мне тоже дорога, но нас уже ничего не связывает.

— Ну, судя по твоему лицу...

— Бросьте, Морес, не нужно проявлять свои методы для копошения у меня в душе, — грустно улыбнулся Кинт.

— Прости... ну, мне пора. Больше приказано во всем подчиняться тебе... Ты все же капитан корпуса охраны дорог. — Морес хитро улыбнулся своими тараканьими усами и поспешил к скреверу. — Береги себя, Кинт!

— Оставайся здесь и не высовывайся, — приказал Кинт Больше, как только проводил взглядом пятерку скреверов, скрывшихся за облаками. Потом подошел к ржавеющим обломкам экспедиционной машины и, положив руку на холодный металл, молча стоял и смотрел в землю несколько минут, вспоминая бесшабашного Крея, Волье, ставшего настоящим другом за год с небольшим, чудаковатого профессора и увлеченных наукой и друг другом студентов. Их останки давно съедены блуждающими в округе хищниками и стервятниками, а груда искореженного металла стоит в долине жутким надгробием.

— Ну, что там? — взволнованно спросил Локт, когда Кинт прискакал обратно.

— Все потом, скидывай все с лошадей, надо кое-что сюда перевезти, и быстро! — Кинт даже прикрикнул. — Там этот жандарм, как мишень!

Нагрузив трех лошадей вьюками, в которые были упакованы детали телеграфа, Кинт, Локт и Болье побежали к роще, каждый ведя в поводу лошадь с ценным грузом.

— Все, — отдышавшись после пробежки через долину, сказал Кинт, опустившись на землю в роще, — теперь нагружаем все на себя и уходим.

— Сразу на север?

— Нет, Локт, сначала к посту, разживемся парой лошадей.

— Тогда пошли, — ответил Локт, поднял с земли и перекинул через плечо седельные сумки.

На рассвете, орудуя ножами, Кинт и Локт навечно успокоили троих северян, что дежурили на посту дорожной жандармерии, собрали трофеи и увели троих лошадей в рощу, откуда, быстро закрепив и проверив груз, верхом отправились на север, к новому лагерю отряда.

Глава восемнадцатая

— А что, этих телеграфов эфирных правда не более десятка на терратос? — спросил Кинт Болье.

— Тут полковник сказал правду, их ровно десять, — ответил Болье и покосился на несколько тюков у стены старой заброшенной штольни.

На шестой день пути пришлось искать укрытие, с севера пришло известие о скорой зиме в виде первого снега, сильного ветра и пурги. Штольню нашли случайно, по остаткам деревянного настила в лесу, по которому много лет назад каторжане возили тачки с рудой к дороге, теперь заросшей и ставшей еле заметной в лесу. Но есть в этом вынужденном затворничестве

преимущество — горячая еда. Кинт помешал в котелке над маленьким костром похлебку на вяленом мясе и посмотрел на Локта, который закончил с кормежкой лошадей и теперь внимательно осматривает у каждой копыта, подсвечивая маленькой масляной лампой...

— Кинт, подковы совсем на камнях поистесались, а мы еще до настоящих гор не доехали, — покачивая головой, сказал он.

— Немного осталось, надеюсь, к утру пурга успокоится, оставь лошадей, идем ужинать.

— Вот, у меня есть к ужину, — улыбаясь, Болье достал из своего ранца небольшую стеклянную бутылку.

— Убери, придем в отряд, отнесешь в лазарет, понял?

— Так есть!

— Понимаешь, — Кинт снисходительно посмотрел на Болье, — не одобряю я это в отряде... вот представь, мы сейчас поужинаем, напьемся шанта, а в эту штольню под утро нагрянут кочевники или северяне... Мы в тылу врага, понимаешь?

— Понимаю, господин капитан. — Болье убрал бутылку обратно.

— Не понял... — Локт, черпая из котелка в свою походную миску похлебку, застыл и уставился на Кинта.

— Забудь, — отмахнулся Кинт, — и чтобы в отряде не болтал.

— Понял, не болтать.

— ...а генерал что? — спросил Болье Локт.

Они сидели рядом с лошадьми и болтали, а Кинт, завернувшись в два походных одеяла, спал у костра, точнее, пытался уснуть и, вывалившись из очередной дремы, прислушался к разговору.

— Ругался, кричал, зачем, говорит, на отряд оборванцев использовать столько ресурсов, так необходимых регулярной армии.

— А этот твой Морес что?

— Сказал, что если терратос упустит возможность связаться с армией Кинта Акана, то в штабе армии терратоса узнают имя того, кто помешал службе контрразведки.

— Армия... это они, конечно... — хмыкнул Локт.

— А сколько вас всего?

— Приедем в лагерь, увидишь. Наверное, думаешь: «занесло же меня».

— Нет, я сам вызвался, решил, что мне будет полезен такой опыт, а то все в штабе да в столице.

— О да, с Кинтом не заскучаешь, да и опыта, действительно, сможешь набраться. Давно на службе?

— Пятый год, из них четыре года постоянно проживал в Майнге, где при университете есть экспериментальный цех, вот этим, — Боле кивнул на тюки с частями телеграфа, — и занимались.

Ранним утром Кинта разбудил Локт, он копошился у костра — уже успел сходить и осмотреться, спустился к ручью неподалеку и набрал воды.

— Как погода? — Кинт сел и протер глаза.

— Свежо, но не холодно, пурга успокоилась, снег лежит.

— Хорошо, значит, завтракаем и едем дальше.

Пока грелся чайник, Кинт достал конверт, что передал Морес, и решил ознакомиться с его содержимым. Несколько газет, две хорошие карты севера терратоса, пара гербовых бумаг и короткая записка. Первым Кинт прочитал указ штаба армии терратоса. На гербовой бумаге было написано о восстановлении корпусов охраны дорог, а сама дорожная жандармерия переходит в подчинение штаба армии.

— На, ознакомься. — Кинт протянул Локту указ.

Пробежав глазами текст, Локт расплылся в улыбке:

— Ну вот, я все думал, чем же мне заниматься после войны, в городские возвращаться не хочется.

— Война будет долгой, Локт, слишком много северян пришло в наши земли.

— Ничего, я готов подождать и принимать активное участие в сокращении численности северян.

Следующим Кинт прочитал приказ о своем восставлении в корпусе охраны дорог, а также о присвоении звания капитана, что уже было «потолком» карьеры для человека с таким происхождением, как у Кинта, то есть не аристократическим. Несколько столичных газет Кинт отложил — потом, в лагере можно прочесть, а вот личную записку от Мореса самое время почитать, пока закипает вода.

«Был у тебя дома, в тайнике нашел письмо Сэт к тебе. Она, Мадэ и некая Шагэ подались на юг терратоса в желании переждать беспорядки, которые творились во всех крупных городах, и уйти дальше от войны. Как только они устроятся на месте, Сэт обещала прислать на имя господина Тьетэ письмо, в котором укажет, где ее искать.»

Времени мало, и пишу эту записку, пока пилоты готовят скреверы к вылету. Если ты назначал место встречи у взорванной экспедиционной машины, значит, ты где-то недалеко, и давать тебе задание выдвигаться с отрядом к Майнгу, как изначально планировал штаб, будет уже не ко времени, контрнаступление нашей армии на том направлении начнется со дня на день.

Теперь задание штаба — необходимо выйти к Конингу с севера, со стороны рудника, тем самым путем, которым ты когда-то бежал оттуда. Затем рассредоточиться в прилегающем к осажденному городу лесу и дать телеграмму о прибытии. Я буду ждать и сразу

сообщи тебе время начала операции по прорыву блокады Конинга.

Рад, что ты жив и делаешь то, что умеешь, надеюсь на скорую встречу и более основательный разговор.

Твой друг Морес Таг».

— Скажи мне кто раньше, что у меня в друзьях окажется высокий чин из тайной жандармерии — не поверил бы, а то и в морду бы дал, — хмыкнул Кинт, убирая письмо в карман.

— Да, важный это полковник, — кивнул Локт и протянул Кинту кружку и горсть сухарей.

— В первую очередь он умный и по-настоящему переживает за терратос и все, что в нем происходит... Болье! Просыпайся! — Кинт подобрал маленький камешек и метнул в спящего Болье. — Проболтали всю ночь...

— Он первую половину ночи в карауле был, — улыбаясь, Локт заступился за телеграфиста.

Болье быстро проснулся, подогнал снаряжение, глазами пересчитал все тюки и присоединился к завтраку.

Сверившись со штабной картой, Кинт приказал готовить лошадей и собираться. До нового лагеря оставалось еще пять дней пути...

У коновязи небольшой ратуши Мьента остановились три всадника. Соскочив с лошади, самый старший из них, и по возрасту — под пятьдесят, и по положению, обратился к попутчикам:

— Не знаю, насколько долгий предстоит разговор, так что можете перекусить и в отряд припасов купите. — Высокий бросил одному из попутчиков кошель.

— Хорошо, мы тогда будем тебя ждать в кабаке у станции, — ответил здоровяк, поймавший кошель.

— Договорились. — Высокий перекинул поводья через голову лошади и небрежно намотал их на коновязь, после чего направился к входу в ратушу и, поднявшись по ступенькам, сказал двум красномундирникам из охранения:

— Я к генералу Гару.

Охранники его пропустили, видно, что Высокий не первый раз посещает ратушу, которая с приходом северян стала штабом всего фронта.

— Явились! — Не поздоровавшись и пропустив приветствия, генерал северян сразу обратился к посетителю. — Что происходит? Как мы с вами договаривались, а? Успокаивать местных и следить за порядком в нашем тылу, вот ваша задача!

— Мы этим и занимаемся. — Высокий скинул на стул шинель с красным воротом и красными манжетами.

Генерал подошел вплотную к Высокому и, уставившись на него снизу вверх, пару минут молча смотрел в глаза.

— Садитесь! — Генерал кивнул на стул и сам прошел за стол и уселся напротив. — Тогда почему какие-то фанатики никак не могут смириться с нашей победой? Почему все больше обозов не доходит до гарнизонов? И самое главное, как так случилось, что один из самых крупных артиллерийских складов, место для которого, кстати, нашли вы и обещали, что никто не найдет его среди холмов... Почему, дьявол вас возьми, этот склад взлетел на воздух?

— Мои люди мне сообщили об этом, — Высокий уселся поудобнее, закинув ногу на ногу, и достал трубку, — а также сообщили, что это не просто фанатики, это регулярная армия аканцев.

— Откуда здесь армия аканцев? Что вы несете?

— Вероятно, кто-то собрал остатки разбитых частей, а также привлек ополчение и теперь рейдирует по тылам. Мои люди нашли одну их стоянку, отряд не маленький, судя по всему.

— Немаленький... — скривившись, генерал передразнил Высокого. — Как тогда этот немаленький отряд до сих пор еще не обнаружили наши разъезды, пилоты наших скреверов? А?

— Они разделились и ушли.

— Куда?

— На северо-восток, моя разведка попыталась пойти по следам, но попала в засаду, все убиты...

— Да... лучше бы мой безумный братец нашел этого командира аканцев еще до войны и заплатил бы ему, а не вам!

Генерал был в ужасном расположении духа, и будь его воля, то Высокий прямиком из кабинета отправился бы в рабских кандалах на рудник. Но у генерала есть старший брат, Дик Второй — правитель Четырех княжеств, которые занимали большую половину северного терратоса.

— Начнем с того, что если бы не я, то в вашей армии не было бы ни дирижаблей, ни пушек и никакого современного оружия, это во-первых, — Высокий выпустил дым в лицо генералу, — во-вторых, я обещал поддерживать порядок среди местного населения, а не гоняться по холмам за регулярной армией аканцев. И самое главное, за все, что я сделал перед военной компанией вашего брата, и после ее начала я еще не получил обещанного мне...

— Я помню про это, — генерал отмахнулся от дыма рукой, — напомните мне, куда ушел этот отряд аканцев?

— На северо-восток.

Генерал встал и с ехидной улыбкой начал копаться в деревянном ящике с бумагами, достал одну из них и, снова усевшись, развернул ее, пробежал текст глазами и швырнул ее Высокому со словами:

— Восточные холмы давно ваши, я просто решил придержать указ моего брата... а теперь поезжайте и наведите порядок хотя бы на своей земле! И не забывайте о своих обязанностях, война не закончена, обеспечьте безопасность в тылу, иначе я буду вынужден поговорить с братом о ваших «успехах», не думаю, что он останется доволен. И потрудитесь закончить ко времени, когда закроются перевалы. Запомните, с этого момента ни один мой солдат не выедет в патруль по восточным холмам.

Высокий встал, взял бумагу, прочитал ее и, аккуратно свернув, убрал в карман, затем накинул на плечи шинель и, не попрощавшись, вышел из кабинета.

Проехав к станции, где на путях разгружался состав с пополнением и новыми пушками, Высокий соскочил с лошади и зашел в кабачок. Внутри было шумно, накурено, пьяные солдаты северян...

— Мы здесь! — Здоровяк поднял кружку с пивом и крикнул Высокому: — Быстро ты там справился, хозяин.

— Нам уже не о чем разговаривать, и вообще, нам теперь нечего делать и здесь! Хотя... — Высокий сощурил глаза, ему в голову пришла очередная идея. — А где этот звеньевой северянин с вечно красной мордой?

— Отсыпается после вчерашнего, — ухмыльнулся здоровяк.

— Поехали...

— А обед?

— Нет времени, все надо делать быстро.

Вся троица направилась на другой конец Мьента, где в одном из постоянных дворов, занятых кавалерией северян, отсыпался звеньевой Бас — толстый, маленького роста, лысый неудачник, которого за глаза называли «тридцать три несчастья», и в то же время командир двух десятков кавалеристов, приданных на усиление банды Высокого.

— Вставай! — Высокий выплеснул на лицо спящего Баса стакан ледяной воды.

— А! Что... где... — Бас вскочил в кровати.

— Я только что от генерала Гара, — Высокий сделал скорбное лицо. — Не сносить нам с тобой головы, Бас, и если я имею шанс хоть как-то еще пожить, махая киркой на рудниках, то тебя точно повесят, а семью продадут в рабство.

— За что? Почему? — сразу проснулся Бас, похмелье улетучилось.

— Надо закончить дело — выследить горстку аканцев, что не дает покоя нашим тылам.

— Как же их выследить? — Бас готов был заплакать, его пухлые пересохшие губы затряслись и перекосились в гримасе страха.

Генерал Гар имел суровый нрав и был скор на расправу, как с врагом, так и со своими подчиненными. Не верить Высокому Бас не мог, все действительно так и было — предыдущие разезды не принесли результатов, а несколько людей из банды погибли.

— Мои люди напали на след аканцев, — Высокий говорил быстро и убедительно, — я только что от генерала, сроку нам с тобой на выполнение его приказа всего два дня, а мы только добратся до места за это время успеем.

— Что надо делать? — Бас решительно вскочил и начал собираться.

— Бери своих людей, получите двойной, нет, лучше тройной боекомплект, а также провиант и фураж, — Высокий закатил глаза к потолку, — на четыре, нет... пожалуй, на пять дней похода.

— Все сделаю, — закивал Бас.

— Да, поторопись... и никому ни слова, куда ты и с кем, у аканцев наверняка есть шпионы, иного объяснения их успешным вылазкам нет.

— Конечно, конечно.

— Мне еще своих бойцов надо успеть собрать, через два часа буду ждать у моста, за городом.

— Да, да, я скоро буду!

Вечером генералу Гару доложили, что недалеко от моста к северу от Мьента разъезд обнаружил две дюжины мертвых тел в лесу — звеньевского Баса и его бойцов. Куда они направлялись, было неизвестно, лишь со склада доложили, что Бас неплохо вооружил отряд, перед тем как выйти из Мьента.

Глава девятнадцатая

— Локт, — Кинт натянул поводья, остановил лошадь и, немного свесившись налево, кивнул на яичную скорлупу, которая хорошо выделялась на пожелтевшей и увядшей траве с обильно засыпавшей ее опавшей листвой, — и когда это закончится?

— А может... может, это кочевники? — Локт попытался защитить таинственного обжору и неряху из своего звена разведчиков.

— Ну-ну, кочевники... Сам-то веришь?

— Не верю, господин капитан! — Локт привстал в стременах.

— А в морду? Я же просил.

Болье, который ехал позади, внимательно слушал странный диалог. Кинт почувствовал его взгляд на себе, повернулся и сказал:

— Вот этого... эм... держись от него подальше, плохому научит, — Кинт кивнул на Локта, — я тебя охранять поручу капитану Брэтэ, вот там и дисциплина, и службе научишься.

На опушку леса выехали два всадника — разведчики из звена Локта, а один из них что-то жевал и дурацки улыбался, радуясь возвращению командира.

— Ну вот, а я что говорил? Локт, все, шутки кончились, прими меры.

— Так есть, госп... эм... мастер-жандарм Кинт, — ответил Локт и, показав кулак жующему бойцу, сделал страшное лицо, как ему казалось, а потом приказал: — Один дозором, второй замыкающим... ведите к лагерю.

Лагерь был устроен на нескольких полянах в хвойном лесу на пологом склоне холма. Здесь, выражаясь военным языком, был глубокий тыл северян, разъездов противника мало, как, собственно, и самого противника — места дикие. Разве что чуть севернее железная дорога и торговый тракт, ведущие в Конинг, которые охраняются патрулями кавалерии северян. И уже в полудне пути стояли войска противника, взявшие Конинг в осаду.

— Есть что-нибудь про Сэт? — Григо прибежал от обозников, ломая кусты по пути.

— Есть, — сказал Кинт и спрыгнул с лошади, — в Латинге были бунты, и она уехала на юг, с Мадэ и еще одной моей знакомой, обещала, как только устроится, написать Тьетэ.

— Не знаю даже, радоваться этому или нет...

— В любом случае она поступила правильно, осталось дожидаться письма от нее.

— Ну, напишет она письмо, а мы-то как узнаем об этом? — спросил Григо, теребя упряжь лошади Кинта, отчего кобыла сделала попытку его укусить.

— Теперь у нас есть возможность дать телеграмму и получить ответ, — Кинт кивнул на Болье, не без удивления рассматривающего лагерь, — телеграфист из штаба.

— Даже так? — удивился Григо. — Похоже, на наш отряд кое-кто сделал ставку.

— Да, Григо, и более того, для нашего отряда уже есть задание... ну, обо всем по порядку, я попрошу тебя, пройди по командирам и объяви о срочном заседании штаба. И размести пока телеграфиста. Болье! — Кинт поманил рукой жандарма. — Иди с ним, это командир ополчения Григо, он покажет, где тебе разместиться.

Через полчаса суета, связанная с прибытием Кинта, успокоилась, и на одной из полян, где был сооружен большой штабной шалаш, установилась тишина. Двое караульных, по распоряжению Брэтэ, с суровым видом встали у входа в шалаш. Внутри на нескольких шкурах вокруг тлеющего, но дающего тепло кострища расселись командиры. На жердях висели пару масляных светильников, было достаточно света, чтобы разглядеть лица.

— Рад всех вас видеть, — сказал Кинт, внимательно заглядывая всем в глаза, — капитал Брэтэ, хочу сначала услышать от вас, как прошел переход всего отряда?

— Прогулкой точно не назвать, — Брэтэ был серьезен, — потеряли двенадцать бойцов и кое-что из обоза тоже пришлось бросить... Самыми нелегкими были первые двое суток, разведчики, замыкавшие мою колонну, сообщили о преследовании, пришлось оставлять засаду и менять маршрут.

— А что за преследователи, северяне? — нахмурился Кинт.

— Наемники. Никто не ушел. Но потом патрульный скревер, отсырей его капсюль! Картечью по обозу — пришлось коней добить, а бойцов, что сразу погибли, даже проводить к небесам не получилось. — Здесь Брэтэ заскрипел зубами так, что, казалось, на весь лес слышно. — Самое последнее дело для командира — оставить мертвых...

— На вас, Брэтэ, были еще и живые.

— Вот только этим и успокаиваю свои седины, — вздохнул старый вояка, — ну, а потом, когда оторвались и началась чаша, стало легче, шли с привалами и даже удалось совершить налет на какой-то небольшой гарнизон, хоть душу отвели да за ребят отомстили.

— Успешно?

— Еще бы! Отбили два десятка рабов, захватили десяток лошадей, фураж, провиант и немного оружия.

— Люди, которых отбили, есть военные?

— Нет, — ответил за Брэтэ Григо, — все местные, из той деревушки, где гарнизон стоял, всех ко мне, в ополчение.

Затем Пъент доложил о том, как провел свой отряд тихо и без единого выстрела. После него Ракэ, для отряда которого переход в целом был удачным, за исключением двух столкновений уже на подходе к новому лагерю с кочевниками. Их присутствие в этих местах нисколько не удивляло, кочевники тоже уходят подальше от войны. Выслушав всех и немного помолчав, набивая трубку, Кинт рассказал о новых задачах отряда, раздал газеты, а одну из карт отдал Брэтэ.

— Значит, — рассматривая карту в свете масляной лампы, сказал Брэтэ, — скоро опять в путь?

— Да, — кивнул Кинт, — скоро в путь, после которого намечается большая драка.

— Что ж, не знаю, как относиться к произошедшему в терратосе с началом войны, но то, что власть в руках генералов, уже хорошо...

— Может быть, на данный момент, пока идет война, — сказал Григо, — а потом? Управлять терратосом, это не в казармах командовать.

— Война не скоро закончится, — сказал Ракэ и поморщился, будто от кислых квашеных овощей, — а потом нет уже никакого терратоса по сути.

— Сейчас наше дело бить северян, — резюмировал заседание штаба Кинт, — завтра день на сборы и послезавтра, как рассветет, выходим на восток. И вот еще что... Вот-вот ударят морозы, Григо, проследи, чтобы бойцы не мерзли.

— Уже. Все, что было в обозе — раздал.

— Главное, придумали, как ноги в тепле держать, — улыбнулся Ракэ и продемонстрировал натянутые на голенища сапог отрезанные от бушлатов и шинелей северян рукава.

— Умно, — хмыкнул Кинт и посмотрел на свои избитые о камни сапоги.

— Сейчас принесу. — Григо вышел из шалаша, а спустя несколько минут вернулся с пошитыми для утепления сапог шкурами. — Вот, Ракэ у кочевников взял.

— А у них кроме шкур и брать-то нечего, — буркнул Ракэ, — так, пара револьверов, остальное все старье, из которого стрелять опасно — или без глаз, или без рук останешься.

— Спасибо всем... Что ж, тогда расходимся, надо готовить отряд к походу.

Сарт прибежал к штабному шалашу сразу же, как только закончилось совещание командиров, и Ракэ вернулся к своему отряду и отпустил его. Они с Кин-

том пили горячий настой из трав, Сарт то без умолку тараторил и рассказывал о переходе к новому лагерю, как устроили в распадке засаду кочевникам, то слушал рассказ Кинта о том, что Тьетэ смог выбраться из Тека, о том, что случилось с терратосом с началом войны, о Сэт и о Моресе. В один момент Кинт заметил, что Сарт его уже не слушает, а привалившись спиной к вьюку и вытянув ноги к кострищу, разомлел от тепла и уснул. Кинт не стал его будить, прикрыл бушлатом, а сам оделся и вышел из шалаша.

— Не пускать никого, — сказал Кинт одному из караульных и потом добавил, обратившись ко второму: — А ты со мной, пройдем по лагерю.

Позже, убедившись, что Болье со всеми своими тюками охраняется целым звеном жандармов, охранение лагеря исправно несет службу и вокруг все спокойно, Кинт снова вернулся в шалаш, где и сам наконец-то уснул.

С утра все занимались сборами, подготовкой снаряжения и груза. Кинт, Локт и Ракэ, просидев над картой, спланировали маршрут, и ранним утром следующего дня дозорные Локта выехали вперед, а спустя пару часов и весь отряд потянулся лесными тропами на восток. Через четыре дня относительно безопасного перехода отряд пришел в леса за перевалом, что севернее Конинга. За время пути враг ни разу не побеспокоил отряд, а вот погода... на второй день пути снова пошел снег, и он уже точно не растает до весны. Затем поднялся ветер, началась пурга, колющий снег летел в лицо, порывы ветра выбивали из глаз слезы, и уже ощутимо хватал мороз. Но команду остановиться и переждать пургу Кинт не отдал, а наоборот, приказал всем прибавить ходу.

— Умотаются все с началом похода, — подъехал к Кинту Ракэ и сказал, закрывая лицо от ветра: —

Может, остановимся, пока пурга не уляжется, вон под тем холмом?

— Нет, Ракэ! — Кинт наклонился в седле к нему и, обняв за плечо, стал перекрикивать ветер: — Гарнизоны врага, окружившие Конинг, близко, в такую погоду они не отправят разьезды, и самое главное, потом, когда уляжется пурга, будут видны следы. Пурга наш союзник, Раке, поезжай вперед, передай мой приказ — еще прибавить ход!

Ракэ понимающе кивнул, наподдал пятками лошади, и та, неохотно повинувшись, поскакала вперед.

— Вот видишь? — Кинт протянул подзорную трубу Ракэ. — Гарнизон не маленький.

Кинт, Локт и Ракэ, укрывшись в хвойнике на холме, наблюдали за гарнизоном противника, расположившимся севернее Конинга в шахтном поселке. До войны здесь были каторжане и жандармы охранного корпуса, ни тех, ни других теперь не видно, только враг. Пурга успокоилась и появилась возможность разглядеть все подробно.

— Да, ты был прав, проскочили удачно, прямо у них под носом. — Ракэ вернул подзорную трубу Кинту.

— Локт, оставишь здесь пару наблюдателей, пусть следят да по сторонам посматривают, в этих местах черных волков много, — Кинт показал рукой на щеку, — это как раз от них... автограф.

— Так есть.

— Все, отползаем, надо устраиваться и на всякий случай подготовить позиции для обороны лагеря.

После обеда, когда все мероприятия по обустройству лагеря были выполнены, Кинт наблюдал, как Болье с помощью нескольких бойцов соорудил небольшую палатку и внутри собирал из узлов и деталей эфирный телеграф. Спустя час Болье полез на дерево, где почти

на самой верхушке закрепил причудливую конструкцию из медной полосы, а шнур от нее опустил в палатку. Кинт перевел взгляд на Григо, который со знанием дела и с отцовской заботой крутился с обозниками. Он что-то настойчиво и терпеливо объяснял деревенскому мужичку в трофейной шинели, подпоясанной поясом с револьвером. Сарт, Зар и расчет картечницы возились с орудиями, Зар внимательно осматривал собранное на лафете скорострельное орудие, Сарт, добывая из небольшого мешочка патроны, набивал ими магазины, они переговаривались, было заметно, что они неплохо сдружились. В другой стороне лагеря Брэтэ прохаживался перед строем из двух дюжин бойцов, эмоционально размахивал руками — наверняка бранился. Старый вояка вообще, если кого не отругает или не пообещает расстрелять, то считает, что день зря прожил. Наконец Брэтэ закончил, отдал приказ, и бойцы группами по несколько человек разбежались в разные стороны лагеря — усиление охранения... старый жандарм знает свое дело.

— Господин кап... — Болье подошел к Кинту, но осекся и посмотрел по сторонам. — Кхм... Мастер-жандарм Кинт, телеграф готов к работе.

— Ну, пойдем. — Кинт постучал трубкой по стволу дерева, вытряхивая пепел, убрал ее в карман и решительным широким шагом по снегу направился к палатке с телеграфом.

Глава двадцатая

Короткой телеграммой Кинт сообщил о прибытии в леса у осажденного противником Конинга. Ответа ждали почти час, Кинт даже начал нервничать, он

прохаживался у палатки с телеграфом, проминая истерзанными о камни предгорий сапогами снег. У Григо в обозе не нашлось подходящего размера, поэтому пришлось ограничиться услугами сапожника, который с некоторого времени появился у Григо, а заодно и немного утеплить получилось. Но вот, спустя час переживаний и после того, как Кинт вытоптал вокруг палатки снег до пожухшей листвы, послышалось тарахтение телеграфа и стрекотание печатного устройства.

— Мастер-жандарм Кинт! — Болье высунулся из палатки.

— Слышу, — ответил Кинт и поспешил внутрь.

Болье бережно выбрал ленту, ползущую из телеграфа, и передал ее командиру...

— Ничего не понимаю... что за бред? Телеграф исправен? — Кинт смотрел на набор букв и цифр.

— Простите, — замешкался Болье, — обычно старший офицер связи знает ключ шифра... Минуту...

Болье забрал ленту у Кинта и, положив ее перед собой, шевеля губами и периодически закатывая глаза, стал на листе бумаги записывать расшифрованный текст телеграммы.

«Капитану северного корпуса дорожной жандармерии Кинту Акану. В семь утра пятого дня одиннадцатого месяца три пехотных корпуса при поддержке морской артиллерии начнут наступление в сторону железной дороги. Ваша задача заблокировать старый торговый тракт от поселка к Конингу, тем самым не допустить переброски врагом тяжелых орудий из гарнизона в шахтном поселке. Необходимо подготовить оборонительные укрепления близ шахтного поселка, так как в случае успешного развития наступления на удерживаемые вами позиции выступит пехотный корпус.

Морес Таг».

— А если наступление сорвется? — Ракэ сидел на шкуре, в тесном кругу командиров отряда, и нервно мял кочевничью меховую шапку.

— Наш отряд — это часть армии терратоса, мы получили приказ, — с каменным лицом ответил Кинт, понимая, что задача, поставленная перед отрядом, выполняемая, но очень опасная, — насколько успешно мы выполним этот приказ — зависит от нас самих.

— Ну, позиции за два дня мы подготовить успеем, — сказал Григо, — на той, восточной стороне склона, если рубить лес, не будет слышно ни с дороги, ни со стороны поселка.

— Начинайте прямо сейчас, — ответил Кинт. — Пъент, помогите Григо со своим отрядом и обеспечьте охранение.

— Так есть. — Пъент кивнул, и они с Григо вышли из шалаша.

— Локт, в сутках пути на восток будет мост через Белую Ленту, река широкая, к сожалению, льдом еще не скована, — Кинт посмотрел сначала на Локта потом на Ракэ. — От вас обоих зависит возможность нашего отхода к Конингу, а также успешное выполнение приказа штаба армии терратоса...

— Это в случае срыва наступления? — спросил Ракэ и про себя поблагодарил небеса за то, что судьба свела его с умным не по годам и смелым жандармом. А себя Ракэ уже неоднократно упрекал в том, что уже несколько раз его разум сковывал страх и, что самое мерзкое, страх за свою жизнь.

— Да, Ракэ, неизвестно как будут развиваться события, у отряда должна быть возможность отступить, если не подойдет подкрепление, а к северянам оно может подойти очень быстро. А для того, чтобы это не произошло неожиданно...

— Да, от всяких неожиданностей обычно мочевой пузырь да кишки слабнут, а всем отрядом обделаться от неожиданности... это похуже налета скреверов... — вставил молчавший до этого Брэтэ, ему нездоровилось, старик уже который день кашлял, был слаб, а лекарь отряда лишь разводил руками, возраст, мол, и поил его травяными настоями.

Все улыбнулись, а Брэтэ сипло закашлялся.

— Вам хуже?

— Север, дьявол его возьми! Сколько лет служил в этих местах — и вот, дождался...

— С этого момента будете при штабе, и не спорьте! — сказал Кинт желающему возмутиться Брэтэ. — Здесь тоже может быть очень жарко, а мне в тылу нужны порядок и дисциплина. Назначите командовать отрядом своего заместителя.

— Так есть, — вздохнул Брэтэ и насупился.

— Значит, что касается вашей задачи, — Кинт снова обратился к Локту и Ракэ, — в ночь с четвертого на пятый день необходимо совершить вылазку к гарнизону северян, поджечь конюшни, склады и казармы, в бои не ввязываться, поджигаете и уходите к мосту через Белую Ленту. Ракэ, возьмишь с собой только звено, самых проверенных...

— У меня все такие.

— Вот и хорошо, берешь с собой звено. Разведчики Локта занимаются поджогами, твои кавалеристы у них в охране. Остальные твои проверенные, — Кинт чуть улыбнулся, — останутся в отряде, в резерве, стрелками. Вам понятна задача?

— Так есть, — одновременно ответили Ракэ и Локт.

— Вот тут, — Кинт показал на карте место, — займете позицию, все разведаете и вышлете пару вестовых обратно в отряд.

Совещание продлилось еще некоторое время, после чего Кинт отправился к артиллеристам и в компании Сарта и Зара до вечера ползал по склону на брюхе, выискивая позиции для орудий. А затем бойцы отряда, словно муравьи, под прикрытием сумерек начали перетаскивать бревна с восточного склона, укладывая их по три-четыре штуки в брустверы, готовя позиции для стрелков, маскируя лапником и закидывая снегом.

В ночь перед началом наступления звено разведчиков и кавалерия ушли к шахтному поселку, а остальной отряд Кинта стал готовиться к бою: на позиции были установлены орудия и поднесены боеприпасы, артиллеристы заняли свои места в расчетах; все патроны из обоза были розданы бойцам, которые тоже скрытно заняли позиции за брустверами. А перед рассветом наступила такая тишина, что звенело в ушах... похоже, сам дьявол выбрался из преисподней и занял лучшее место, чтобы лицезреть кровавую жатву. Ощущение опасности не покидало Кинта с того самого момента, как он прочел телеграмму от Мореса, и он, командуя без малого четырьмя сотнями бойцов, старался все предусмотреть, и теперь, когда маховик сражения запущен, оставалось выполнять приказ и не дать ситуации и обстоятельствам управлять судьбой. Рейды по тылам, нападения на обозы и немногочисленные отряды на дорогах и гарнизоны в маленьких деревушках, пусть полны авантюры и риска, но не такие опасные, как предстоящее прямое столкновение с превосходящим противником. Да, у отряда Кинта есть небольшое преимущество в скрытности, в спешно сооруженных и замаскированных укреплениях и подготовленной засаде. Но, как только противник поймет и оценит их силы, то постарается смести со склона препятствие, мешающее

провести подкрепления на юг. И вот со стороны гарнизона северян донеслись выстрелы, почти одновременно в нескольких местах начались пожары и по узкой долине меж холмами пронесся звук тревожного колокола, а вслед за ним грохот взрывов — огонь пожирал склады гарнизона северян.

Утро выдалось морозным и безветренным, видимость была отличная, без труда можно было разглядеть суетящихся северян, которые тушат догорающие конюшни и казармы, спасают лошадей и имущество. Еще в предрассветных сумерках на юге стали заметны вспышки зарева — стоящая в бухте Конинга корабельная артиллерия армии терратоса начала артподготовку перед наступлением.

До обеда не происходило ничего, за исключением неумолкающей канонады на юге, где пехотные корпуса пошли в наступление. По дороге в сторону шахтного поселка, загоняя коня, пронесся всадник, наверняка посланный северян, его не тронули — нельзя выдавать позиции раньше времени. Бойцы, уже несколько часов без движения находящиеся на позициях, начали мерзнуть, и Кинт отдал приказ, чтобы в лагере приготовили горячий травяной чай, а бойцам позвенно было разрешено покидать позиции и греться в палатках.

— Северяне спешно формируют колонну. — Григо, прокравшись к брустверу, присел рядом с Кинтом, бросив под ноги холщовую сумку, набитую патронами, а карабин приставил к бревнам.

— Да, вижу. — Кинт оторвался от подзорной трубы, посмотрел на Григо и, чуть улыбнувшись сказал: — Прямо как в том вагоне, по дороге в Тек, только вид у тебя теперь...

— Точно, — хмыкнул Григо, — ну что, похоже, начинается?

— Начинается, — согласно кивнул Кинт и снова припал к подзорной трубе.

Колонна была немалой, десяток моторных повозок, чадя трубами и волоча за собой тяжелые орудия, выдвинулся из поселка, они ехали медленно, за ними тянулись две колонны пехотинцев, каждая по пять сотен штыков.

— А вот это плохо, хоть и было предсказуемо, — сказал Кинт и направил подзорную трубу на северо-запад, где по серому небу ползли три транспортных дирижабля, они уже начали снижение, опускаясь к шахтному поселку.

— Что ж, — Григо уже в который раз достал из кобуры револьвер, переломил его, убеждаясь, что все каморы заполнены патронами, — сколько мы там должны продержаться?

— День, — ответил Кинт и, словно заразившись от Григо, тоже достал револьвер и откинул барабан.

— Главное, чтобы не обошли.

— Брэтэ позаботился, расставил дозорные посты вокруг лагеря.

Тем временем колонна доползла до узкого места между ручьем и скатывающимся к дороге пологим склоном холма. Кинт, привстав на колено, достал свисток городского, которым он уже привык отдавать команды отряду, и протяжно свистнул один раз, тем самым приказав открыть огонь...

Первыми одновременно хлопнули мортиры и картечница, а затем весь отряд вступил в бой. Два взрыва, и оба в начале колонны, опрокинули набок первую моторную повозку, враг на мгновение замешкался, но потом пехотинцы посыпались в придорожную канаву и открыли беспорядочный огонь в сторону склона — первые же выстрелы артиллерии раскрыли их

позиции. Но Кинт предвидел это, и под прикрытием Сарта и Зара и кинжального огня их скорострельного орудия артиллеристы, как и было оговорено, сменили временную позицию для первого выстрела на более укрепленную... Опять два хлопка мортир, характерный треск выстрела картечницы... бой разгорался нешуточный. Противник был закален в боях и хорошо подготовлен, под чьим-то незримым командованием пехотинцы стали искать укрытия, рассредоточиваться, лишая возможности расчеты мортир наносить максимальный урон.

— Бегом к мортирам! — Кинт схватил за плечо одного из бойцов, которых взял себе в вестовые. — Пусть бьют по повозкам!

— Так есть! — ответил совсем молодой парень и, пригнувшись, побежал вдоль линии брустверов.

Сверху на головы начали сыпаться ветки, сбитые пулями северян, от стволов отлетала кора, несколько раз то в одной, то в другой стороне кто-то вскрикнул, получив ранение. Тем временем дирижабли, опустившись в поселке, стали разгружать подкрепление — еще несколько сотен пехотинцев... Всю дорогу заволочло дымом от выстрелов винтовок, револьверов противника и от разбитых несколькими точными попаданиями топок моторных повозок. Умолкая лишь на смену магазина, стрекотало скорострельное орудие, посылая на небеса северян, расчет картечницы старался как можно быстрее производить перезарядку... выстрел — и снап картечи унес еще десяток жизней.

— Мастер-жандарм Кинт! — За бруствер ввалился посыльный от Пьента. — Около трех сотен северян пошли в атаку вверх по склону, как раз на позиции отряда Пьента!

— Григо, я к Пьенту! — ответил Кинт и, забросив за спину карабин, побежал к брустверам, в трех сотнях шагов дальше и ниже по склону, на ходу скомандовав: — Охранное звено, за мной!

Глава двадцать первая

Откалывая немалые куски коры, пули шлепали по стволам деревьев, а попадая в землю, они словно вспарывали снег, оставляя на нем комья вывороченной грязи и листвы. Специально поскользнувшись, Кинт съехал за бруствер, где лекарь отряда перевязывал раненого бойца, а двум другим помощь уже не требовалась, они были мертвы.

— Где Пьент? — перекрикивая звуки боя, Кинт наклонился к раненому.

— Отнесли в лагерь, — ответил за бойца лекарь, проворно мотая перевязочную ленту, — два ранения в грудь... не выживет...

— Дьявол! — Кинт зло сплюнул на снег, быстро высунулся из-за бруствера и снова присел.

Красные мундиры мелькали меж деревьями, северяне настойчиво ползли на холм, один из них, явно командир, размахивал револьвером с длинным стволом и подгонял солдат. Поставив ноги поудобнее, Кинт приложил приклад карабина к плечу, резко разогнулся, повернулся в сторону склона и, быстро прицелившись, выстрелил, потом еще, после чего опять укрылся за бревнами.

— Ну вот, теперь на равных, — сказал Кинт, быстро, по одному, вставляя патроны магазин.

Потеря командира поубавила рвения северянам, и они залегли, став отличными мишенями в своих красных мундирах на снегу.

Спустя полчаса атака была отбита, около двух сотен северян смогли отступить по краю леса к шахтному поселку, остальная колонна была разбита прицельным огнем скорострельного орудия стрелков отряда и бомбами мортир. Со стороны дороги доносились треск горящих повозок, стоны раненых...

— Трофейщики! — громко крикнул Кинт. — За дело! И шустрее! Винтовочные патроны нести расчету скорострельного орудия!

Десяток бойцов, уже привыкших к своему «промыслу», быстро побежали вниз по склону, с большими тряпичными сумками через плечо, с револьверами — чтобы добить раненых — и обнаженными клинками в руках — чтобы быстро срезать патронташи, ремни с подсумками и лямки походных ранцев.

— Ну, а здесь как? — Кинт вернулся к Григо, назначив вместо Пьента бывшего жандарма из охранного звена.

— Хорошо постреляли, только вот, — Григо приподнял с земли за ремень карабин с раздробленным пулей ложем и, показав на распухшую от удара прикладом щеку, сказал: — Чуть повыше бы и все...

— Значит, не в этот раз, — Кинт похлопал Григо по плечу, — не твоя то пуля была.

— Моя пуля еще не отлита, — ухмыльнулся Григо, а потом обратился к одному из жандармов охранного звена: — Ну-ка, сынок, сбегай в лагерь, к обозу, и принеси мне такой же.

Жандарм посмотрел на Кинта.

— Беги, — кивнул тот.

— Так есть!

— Ладно, я по позициям пройду, посмотрю, чего нам стоил этот бой.

Григо в ответ лишь кивнул, сел прямо в перемешанный с грязью снег и начал разряжать изуродованный карабин.

Самыми большими оказались потери в отряде скончавшегося от тяжелого ранения Пъента — одиннадцать человек. Всего отряд потерял полторы дюжины бойцов, семеро были ранены, два из них тяжело, и сегодняшний закат для них будет последним в жизни. Вернувшись к своему командирскому брустверу, Кинт застал там подпрыгивающего от нетерпения Зара. Он, увидев Кинта, подбежал и вытянулся.

— Мастер-жандарм Кинт! Трофейщики сказали, что одно тяжелое орудие уцелело, его можно развернуть и стрелять прямо с дороги по шахтному поселку.

— Хм... Молодец! А сможешь?

— Конечно! Только еще минимум пятерых в расчет... Снаряды тяжелые, орудие развернуть, а если сделать хотя бы три-четыре удачных выстрела, то севекхм... противнику не поздоровится!

Кинт, прикусив губу, помолчал несколько секунд, глядя на разбитую колонну на дороге, потом достал подзорную трубу и посмотрел в сторону гарнизона северян. Три пузырями застыли в стороне от поселка транспортные дирижабли, из их пузатых гондол что-то активно разгружали, меж домов бегали и суетились солдаты в красных мундирах, словно клопы под потревоженным трухлявым пнем. Северян было много, достаточно, чтобы следующей организованной атакой смести с холма отряд Кинта.

— Действуй! — приказал Кинт Зару, а потом обратился к Григо: — Выдели пятерых.

— Хорошо, я тоже пойду, — кивнул Григо и позвал своего звеньевоего.

— Осторожно там, — крикнул Кинт вдогонку уже спускающимся вниз бойцам.

Кинт еще раз осмотрел суесящегося противника в подзорную трубу и увидел, как на краю поселка спешно разворачиваются расчеты полевой артиллерии северян с двумя орудиями немалого калибра.

— Вестовой! Быстро к расчетам мортир! Пусть не жалея бомб бьют по правой окраине поселка!

— Так есть! — сорвался с места вестовой.

Кинт потрусил к укрытию, за которым было установлено скорострельное орудие, и звено охранения потрусило следом... Это Брэтэ, он своим решением представил к Кинту семерых армейцев, а Кинт и не возражал, всегда удобно кого-то из них отправить с нужным и срочным приказом.

Сарт проворно набивал принесенными трофейщиками патронами жестянки магазинов...

— Как настроение? — Кинт присел рядом на колени и стал помогать ему, набирая в ладонь из сумки трофейщиков патроны и разворачивая их тупыми, длинными пулями в одну сторону.

Сарт, распаленный боем, сосредоточенно что-то бубнил себе под нос, оказалось — считает патроны... с расстегнутым воротом бушлата и со сбитой набок меховой шапкой кочевника, неравномерно отросшие жидкая борода и усики... он был больше похож на степного налетчика.

— А? Настроение? Отличное! Сейчас еще Зар даст им трепки!

— Давай-ка перекатим орудие, бойцы вот из охранения помогут.

— Зачем? — отвлекся от своего занятия Сарт.

— С каких это пор в ответ на приказы ты стал задавать вопросы?

— Виноват, мастер-жандарм Кинт! — Сарт бросил свое занятие и вскочил на ноги.

— То-то, — Кинт похлопал его по плечу, — вон тот валун у кривого дерева, что грозой побило, видишь?

— Так есть!

— Вот туда и катите, с юга на дороге могут показаться северяне, подгоняемые нашей армией, этот момент я упустил, — ответил Кинт, намеренно соврав, так как на час езды по этой дороге на юг еще с утра выдвинулись двое всадников по приказу Кинта дозорными. На самом деле Кинт решил обезопасить Сарта от набегающей артиллерийской дуэли. — И вот еще что... Если северяне начнут артиллерийский обстрел холма, помнишь, что делать?

— Так есть, — Сарт закидывал в деревянный ящик магазины, а четверо бойцов уже покатали орудие, — перебежать за противоположный от огня вражеской артиллерии склон.

— Молоде... — слова Кинта перебили два почти одновременных хлопка выстрелов мортир.

Прибежав к своему укрытию, Кинт сразу же посмотрел на гарнизон северян в подзорную трубу, при этом довольно улыбнувшись, а затем на дорогу, где уже развернули орудие, а Зар возился с замком казенника. Четверо бойцов сновали от одного перевернутого орудия к другому, выискивая снаряды в ящиках на лафетах. Однако то ли боеприпасы для тяжелых орудий должны были ехать следующей колонной, то ли там, куда везли орудия, боеприпасы уже были, но кроме нескольких снарядов в ящике первого в колонне орудия, которому досталось в самом начале боя, больше ничего. Трое бойцов загнали первый снаряд и по команде Зара отбежали, сам Зар еще немного повозился с наводкой, затем, тоже спрыгнув с лафета, отскочил на несколько

шагов и дернул за шнур... Ухнуло громко, сноп огня и дыма вырвался из толстого ствола, а орудие прилично откатилось назад, чуть не придавив большим и тяжелым железным колесом одного из оглушенных грохотом выстрела бойцов. Снаряд разорвался где-то в середине поселка, и в этот же момент северяне тоже открыли артиллерийский огонь. Подгоняемые опасностью, зачастили выстрелами расчеты мортир, в лесу в нескольких десятках шагов раздался взрыв, чуть ниже по склону второй, скрежет ломающихся деревьев, свист разлетающихся осколков, посеченные ветки сыпались на землю, вскрики раненых, снова выстрел орудия на дороге... Зар успел выстрелить еще два раза, прежде чем Кинт отправил к ним вестового с приказом отходить, так как со стороны гарнизона враг начал новую атаку. Из трех выстрелов трофейной пушки самым удачным оказался последний — снаряд угодил в один из дирижаблей, Кинт увидел вспышку, затем долетели звуки взрыва и хлопка воспламенившегося газа, тут же вспыхнули оба «пузыря» дирижаблей рядом, оголив каркас, напоминающий скелет огромной рыбы. Начался пожар, занялись огнем какие-то постройки в поселке, но несколько сотен солдат северян на это уже не отвлекались, они, под прикрытием своей артиллерии, несколькими отрядами бежали к холму. Расчеты мортир, наконец-то поймав «в вилку» артиллерию северян, смогли уничтожить одно из орудий, но перед этим, буквально за несколько секунд, это орудие успело выпустить свой последний снаряд, который разворотил взрывом один из брустверов, погребя в большой воронке не менее звена бойцов. Мортирщики не стали медлить с ответом, и через минуту второе орудие было уничтожено вместе с расчетом. Выпустив по наступающим солдатам еще по паре чу-

гунных чушек, мортиры замолчали, стрелять больше было нечем, о чем и доложил один из артиллеристов, прибежавший к Кинту.

— Всем расчетам за брустверы, на северный склон! — отдал Кинт приказ, а потом привстал, осмотрел позиции и, неприятно поморщившись, сказал бойцу из охранного звена: — Займитесь ранеными, унесите всех в лагерь!

— Так есть!

— И сообщите кавалеристам, пусть тоже выдвигаются из резерва к укреплениям на северном склоне... Картечицу и скорострельное орудие туда же, к северному склону!

Вторая атака северян на холм была более удачной. Они подошли на револьверный выстрел, шел тяжелый бой, хоть у отряда Кинта и было гораздо лучшее положение — подготовленные укрепления, плотный и точный огонь, поддержка двух оставшихся орудий, но северян было больше, несмотря на то, что они потеряли почти половину солдат, пока поднимались по склону холма, а их красные мундиры сливались с пятнами крови на снегу под телами убитых. Все труднее и труднее было отбивать атаки врага, Кинт потерял счет времени, казалось, бой длится уже вечность. Из лагеря, пригибаясь и крадучись меж деревьями, пробрался Брэтэ, посылая проклятия северянам в привычной для него манере. Брэтэ привел с собой всех, кто оставался в лагере, и даже раненых, которых успели перевязать, а также вестового от Локта.

— Что с мостом? — сразу же спросил вестового Кинт, внешне спокойно и невозмутимо, но внутри клокоча от ненависти и злости к врагу, а также с запредельной скорбью о потере уже более сотни товарищей.

— Звено караульных, чуть в стороне поселок, в нем пехотная сотня и полусотня кавалерии, но есть возмож-

ность подойти лесом к мосту почти вплотную, и если ударить внезапно...

— Я понял тебя, — не отвлекаясь от боя и следя за происходящим на склоне, ответил Кинт, — иди в лагерь, собирай Болье со всем его телеграфом и охраной и веди к Локту.

— Так есть!

Чем больше темнело, тем меньше звучало выстрелов, кроваво-красный диск солнца давно закатился за холм на западе. Желание продолжать атаку на холм у противника хоть и осталось, но пыла и смелости побавилось. Северяне под прикрытием сумерек отошли к поселку, решив отдохнуть в тепле и сытости, оставив лишь в удобной ложбинке, поросшей кустарником, звено стрелков и расчет затащенной вручную на холм картечницы вместе с оружием.

Высыпав себе под ноги из сумки трофейщиков остатки — несколько десятков патронов, Кинт зарядил опустевший магазин карабина, а остальные патроны сложил в подсумок на поясе и приготовился удерживать холм дальше...

— Мастер-жандарм Кинт, — прибежал вестовой от Брэтэ, — господин капитан вас к себе зовет... он ранен.

Кинт тут же сорвался с места, рискуя в опустившихся сумерках выколоть себе глаза о поломанные и посеченные осколками и пулями ветки деревьев. Брэтэ полусидел за бруствером на волчьей шкуре, обе его перебинтованные ноги были согнуты как-то неестественно... Рядом находились и другие раненые бойцы в окровавленных повязках.

— Уже вечер, Кинт, — начал Брэтэ, увидев узнаваемый в темноте силуэт Кинта, — отряд, как и требовал штаб армии терратоса, выполнил задачу и даже более... А обещанной твоим полковником пехоты все

нет и уже не будет... поверь старику, я чувствую, что это так. Уводи отряд, сохрани жизни! Мы тут с бойцами поговорили... мы останемся, прикроем ваш отход, у меня ноги перебиты осколками, на правой ноге раздроблена кость, тут вот рядом тоже нет желающих прогуляться по ночному лесу... нам всем недолго осталось, многие не доживут до утра, так что уходи, Кинт, и уводи отряд...

Кинт молча сел на шкуру рядом с Брэтэ и уставился в одну точку перед собой, над бруствером просвистела пуля, выбила из дерева напротив щепу, но Кинт даже не моргнул... каждым своим словом, дающимся старику с большим трудом, Брэтэ словно вытягивал из Кинта прошлое, настоящее и будущее, вытягивал жизнь.

— Большая честь для меня, сынок, — Брэтэ закашлялся, — воевать с тобой рядом за терратос, и я благодарен небесам за то, что заканчиваю свой путь именно так, а не рабом или в какой-то харчевне, лишенным разума от пьянки и в обмоченных штанах. Ступай, сынок, уводи людей...

Кинт молча обнял старика, похлопал по спине и почувствовал, как ладонь коснулась чего-то теплого и липкого...

— Да, — зашипел от нечаянно причиненной Кинтом боли Брэтэ, — еще вот и в спине, похоже, шрапнель. Все! Уводи отряд, и пусть небеса хранят тебя...

— Прощайте, Брэтэ... — только и смог сказать Кинт, горло сдавила горечь, засвербело в переносице.

При свете полной луны, кошачьим желтым глазом присматривающей за предгорьями, отряд, состоящий теперь из неполной сотни бойцов, уходил на восток. На холме остались полторы сотни самых храбрых и отчаянных, но уже мертвых воинов терратоса Аканов и дюжина самых преданных, но смертельно раненных и доживающих последние часы... С севера стали долетать звуки

гула скреверов и начавшейся перестрелки, Кинт командовал прибавить ходу, его приказ пошел по цепочке, а он сам остановил лошадь, оглянулся и посмотрел на холм, щемило сердце, хотелось взвыть и зарыдать, как раненый зверь... отряд ушел немного вперед, и никто не увидит слез Кинта Акана, но он не мог, не было сил ни взвыть, ни зарыдать, душу заполняла пустота, лютей северный холод сковал сердце, а еще, еще, как болотный гад, выползая из затхлой жижи, оставляет след на сочной зеленой траве, так же и черная, безудержная злоба проникала в разум Кинта.

Глава двадцать вторая

Северо-восточные холмы терратоса Аканов всегда были отличным местом для тех, кто не любит лишнего внимания к себе, кто пожелал отдалиться от смога и угольной взвеси городов или просто для любителей пощекотать нервы и себе, и другим. Власти терратоса не особо следили здесь за порядком до войны, лишь дорожные жандармы до упразднения были единственными представителями закона, правда, только вдоль торгового тракта, который оседлали редкие деревушки и шахтные поселки. Единственный гарнизон охранного корпуса, стоявший близ медного рудника и охранявший каторжан, был разбит северянами в первые дни вторжения. Пока еще не было единого фронта по предгорьям, успевшие разбежаться каторжане от души повеселились на немногочисленных фермах и в маленьких поселках рыбаков. Быстро организовавшиеся банды с переменным успехом конкурировали с кочевниками, делая вид, что прислуживают северянам, и приняли новых хозяев. С начала войны в Северо-восточных холмах были рас-

положены несколько маленьких гарнизонов северян, их солдаты занимались сбором провианта и фуража, но когда указом Дика Второго у этой местности появился новый хозяин, то генерал Гар распорядился оставить только один гарнизон, и то лишь для того, чтобы наблюдать за зарвавшимся союзником и новым владельцем земель.

— Хорошо, господин Толэ... ваша повозка, господин Толэ... наш бордель всегда открыт для вас, господин Толэ. — Едущий верхом красномордый здоровяк с пышными бакенбардами и усищами одной рукой придерживал поводья, а другой делал идиотские жесты в воздухе...

— Тебе не надоело? — Толэ покосился на попутчика и придержал лошадь.

— Надоело, господин Толэ, но мне надо соответствовать! Я же управляющий землями господина Толэ! А вдруг переговоры с представителями гильдий?

— Заткнись уже, Микт! С мордой налетчика из портового района Актура только переговоры и вести, — уже раздраженно сказал Толэ, привстал в стремях и повернулся назад.

По торговому тракту, запорошенному снегом, сотня всадников и несколько повозок медленно плелись позади. Толэ поднял руку, все остановились.

— Микт, возьми несколько человек, езжайте вперед, за поворотом должен быть старый пост дорожных жандармов, проверьте там все.

— Угу, сделаем. — Здоровяк выкрикнул несколько имен, и пятеро всадников ускакали дозором.

Спустя полчаса дозор вернулся...

— На посту никого, выше, на склоне, видна ферма, большая, печь топится... — доложил Микт, — отдохнуть бы всем, обогреться, горячего поесть. А?

— Да, — кивнул Толэ, почувствовав, как заурчало в животе, — едем на ферму, если понравится, то она станет на время моей резиденцией.

— Слушаюсь, хозяин! — радостно ответил Микт и хотел было стегнуть лошадь, но Толэ придержал ее за поводья...

— И не громить там ничего, людей не трогать, женщин тем более! Понял меня? Головой отвечаешь!

— Понял, — Микт явно расстроился.

— Запомни, теперь это люди моей земли, они будут нас кормить, платить подати.

— А-а-а-а, — протянул и дурацки улыбнулся Микт, — теперь понятно, чего ж непонятного.

Толэ отпустил поводья его лошади, и они поехали дальше.

Начавшаяся к вечеру метель загнала почти всех караульных у моста через Белую Ленту в кое-как сколоченную и обтянутую шкурами будку, заменявшую им караульное помещение. Лишь один северянин, ежась от холода и втягивая голову в поднятый воротник шинели, то и дело подпрыгивая в попытках согреться, нес службу.

— Ничего, — бубнил он себе под нос в такт прыжкам, — постоять до темноты — и смена, а в поселке — ужин, выпивка...

Внимание караульного привлекли появившиеся из белой мглы пурги несколько всадников, и он застыл, прекратив подпрыгивать и открыв рот. Разгоряченный галопом конь, выдыхая пар через раздутые ноздри, несяся прямо на него. Караульный не успел отскочить, конь сшиб его грудью, и северянин полетел с моста в быстрые ледяные воды Белой Ленты. Следующие два всадника плеснули ламповым маслом на караулку и понеслись че-

рез мост, догоняя первого. Последнее, что увидел северянин, высунувшийся из караулки с недовольным видом, это перекошенное злобой лицо со старыми глубокими шрамами на щеке и от этого еще более жуткое. Сверкнул клинок, северянина впихнули внутрь караулки и следом в нее влетели трое, они, умело орудуя короткими палашами и штыками от винтовок, кололи, резали, били наотмашь, и все это молча, с каким-то звериным рыком.

— Трофейщики! — крикнул Кинт, выйдя из караулки и вытерев палаш о свисающий над входом кусок шкуры. — Быстро! Собрать все!

От колонны, что проезжала через мост, отделились несколько человек, соскочили с лошадей и вбежали в караулку. Подъехал Ракэ и подал Кинту поводья лошади, которую он вел за собой, Кинт вскочил в седло и, достав подзорную трубу, попытался разглядеть недалеко стоящий поселок...

— Хорошо пуржит, не видно толком ничего, кроме пары огней.

— Погода за нас, — пробасил Ракэ.

— Только она и за нас... Ну что, все проехали?

— Все, — подтвердил Ракэ.

— Тогда можно подсветить нам дорогу.

— Понял. — Ракэ кивнул, достал из седельной сумки пузатую масляную лампу с полной колбой из зеленого стекла, несколько раз пощелкал подпружиненным огнивом лампы, и когда фитиль разгорелся, он подъехал к караулке и поджег ее.

Тем временем Кинт въехал на мост и, чуть наклонившись, полил одну из опор моста из бурдюка, потом перила... Караулка уже пылала, когда Ракэ подъехал к Кинту и шумно втянул воздух ноздрями.

— Столько отличного шанта извели, — с искренним сожалением покачал он головой.

— Не жалею, доберемся до Конинга, обещаю, лично тебе — бочонок шанта. А теперь бей лампу и поехали.

Ракэ размахнулся и разбил о доски моста лампу, занялось масло, с хлопком вспыхнул и загорелся синим пламенем шант.

— А что мне с той бочкой делать? У нас ведь в отряде не пьют.

— Примочки, — ответил Кинт, отшвырнул пустой бурдюк и поскакал вперед.

В поселке, где стоял гарнизон северян, огонь в стороне моста заметили не сразу, и когда зазвенел тревожный колокол, а к мосту прискакали три звена кавалеристов, то было уже поздно. Ветер хорошо раздувал пламя, трещало в огне дерево, а через некоторое время в воду рухнул и один из пролетов моста.

Отряд Кинта остановился на стоянку в глубокой расщелине недалеко от перевала, за которым, петляя через густой хвойный лес, старая дорога начинала спуск к морю, к небольшой бухте, где на берегу расположился непокорный северянам Конинг. Кинт сидел у костра в компании трех командиров: Локта, Ракэ и Григо. Ужин у отряда, относительно предыдущих двух дней, был просто сказочный — кипяток, немного закрашенный травяным настоем, сухари и по паре ложек каши из овса на трофейном вяленом мясе. Оставался еще один переход, и Кинт распорядился накормить лошадей остатками фуража, и для отряда на ужин немного зерна досталось.

— Локт, — обратился Кинт к командиру разведчиков, двумя руками держа помятую медную кружку с очередной порцией кипятка и, не моргая, глядел на языки пламени, — охранение проверил?

— Так есть.

— Что по тем следам?

— Кочевники, свежие следы собачьих упряжек занести пургой не успело, я послал двоих по следу, недавно вернулись, доложили, что на два часа пути — никого. Следы на запад ведут, в холмы.

— Хорошо, — зажмурившись, Кинт осторожно отпил из кружки. — Болье сказал, что отсюда, из низины, телеграф не сможет работать.

— Нужно выше?

— Верно, бери звено, помогите Болье собраться и на холм.

— Сейчас?

— Да, — Кинт повернулся к Локту и посмотрел на него каким-то новым, незнакомым и пугающим взглядом, — нам с рассветом выходить, не хватало еще, чтобы дозоры Конинга нас приняли за врага, а корабельная артиллерия дала пару залпов... На вот, я написал, что передавать.

Локт встал, забрал у Кинта клочок бумаги, надвинул поглубже шапку и направился к костру неподалеку, на ходу застегивая бушлат и поднимая ворот.

Вечером следующего дня отряд Кинта был встречен на дороге звеном кавалерии, возглавляемым полковником Моресом. Не скрывая эмоций, полковник стеганул лошадь, как только из-за поворота лесной дороги показались первые всадники отряда Кинта. Не доехав до них полсотни шагов, Морес осадил коня... Ему навстречу ехали люди, больше похожие на беглых каторжан или разбойников, лошади устало ступали по неглубокому снегу, того гляди падут. Седоки в старых форменных бушлатах, трофейных красных мундирах, накидках из шкур, как у кочевников... все вооружены, заросшие, с каменным выражением лица... Первые двое всадников поравнялись с Моресом и, не останавли-

ваясь, поехали дальше, так и остальные — колонна с двух сторон объехала полковника и продолжила путь. Морес всматривался каждому в лицо, пытаясь найти Кинта...

— Приветствую, господин полковник.

Морес посмотрел на остановившегося седока, Болье было совершенно не узнать, от холеного штабного жандарма не осталось ничего. Осунувшийся, с черными кругами под ввалившимися глазами, рваная, не по размеру шинель, из-под меховой шапки выглядывает грязная перевязочная лента с давно запекшейся кровью — Болье досталось при артобстреле на холме, но, к счастью, осколок задел по касательной.

— Небеса... Болье! А Кинт? Где Кинт Акан?

Болье молча повернулся и кивнул назад.

Кинт и Локт замыкали колонну, в хвосте которой ехали также Сарт, Зар и пара лошадей, навьюченных разобранным скорострельным оружием.

— Кинт... — открыл было рот Морес.

— Потом, полковник, — Кинт остановил лошадь, — где я могу разместить и накормить людей?

— На станции, едем...

— Вы их сможете сопроводить?

— Конечно... Нам надо поговорить, я хочу...

— Еще как надо, — Кинт наклонился и сплюнул на землю, — но потом... простите, полковник, но я очень сильно сдерживаю себя, чтобы не вцепиться вам в горло...

— Кинт, я...

— Потом, полковник, — Кинт поднял руку и отвернулся, — разместите людей, пожалуйста, а завтра вы найдете меня у Дукэ... Его заведение цело?

— Да.

— До завтра...

Обгоняя свой отряд, Кинт поскакал вперед, лошадь, словно почуяв состояние седока, понесла его галопом вниз, к бухте.

Конинг изменился очень сильно, он действительно превратился в город-форт, город-крепость. На станции раскинулся большой палаточный городок, также строились щитовые казармы, конюшни и склады, в которые принимались грузы, прибывающие морем в последние дни навигации. На улицах оказалось неестественно многолюдно для осеннего Конинга, но это были в основном солдаты, а если и попадался кто из местных, то он тоже был вооружен до зубов и имел тряпичную повязку на рукаве с номером отряда ополчения. Бухта была забита баржами и военными кораблями, недалеко от пирсов, у причальных башен застыли два транспортных дирижабля, а чуть в стороне на расчищенной от леса площадке тесно, почти прижавшись крыльями друг к другу, разместился десяток скреверов, еще несколько скреверов разгружали баржи новым портовым краном, чадящим на всю бухту силовой установкой.

У «Пятого колеса», как всегда по вечерам, не толкнуться. У коновязи полно лошадей и повозок, чуть в стороне даже пара моторных повозок, их механики — явно армейцы, деловито рассказывают одному из возниц, что остановил повозку рядом, о преимуществах нового транспорта. Возница, крепкий парень высокого роста, внимательно слушая, обошел одну из машин, хотел что-то сказать собеседникам, но его взгляд уткнулся в знакомый силуэт человека, который пытался пристроить лошадь у коновязи, но в конце концов плюнул на это бесполезное дело и, просто перекинув поводья через голову лошади, бросил их, снял с седла ранец, карабин и направился к входу в ресторанчик при гостинице.

— Кинт! — крикнул Маар на всю улицу и побежал к нему.

Кинт остановился, уже поднявшись на открытую веранду, и повернулся.

— Кинт? — Маар, с трудом узнавая друга, замедлил шаг. — Ты откуда?

— И я рад тебя видеть, Маар... давай потом.

— Давай, — кивнул Маар, настороженно посмотрел на Кинта и, оглядываясь, пошел обратно, к своей повозке.

А в ресторанчике было весело, армейцы праздновали победу в прорыве осады, судя по громким тостам. В нос Кинту ударил устойчивый запах пива вперемешку с запахом табака и еды. Никто не обратил внимания на вошедшего посетителя, не на что смотреть — неоднократно штопанный бушлат дорожного жандарма с рукавами, на которых запеклись какие-то пятна, обшитые мехом расплзающиеся сапоги, засаленная меховая шапка, лицо, заросшее почти до глаз. Никто не обратил внимания, только Дукэ, наливая очередную порцию пива, бросил короткий взгляд на гостя, но потом замер и медленно поднял голову... пиво потекло через верх кружки...

Глава двадцать третья

— Дьявол! — опомнился Дукэ, повернул кран и быстро подал кружку на стойку.

— Ты мне льстишь, Дукэ, — пытаюсь улыбнуться, что плохо получалось, Кинт подошел к стойке и опустил ранец на пол, — но я с ним встречался недавно, мерзкий тип, уж поверь.

— Кинт! — Дукэ выскочил из-за стойки и сгрел Кинта в охапку. — Ты откуда?

— Я тебе обязательно расскажу, но позже, а сейчас дай мне бутыль шанта и хороший кусок мяса, — попротосил Кинт и оглянулся в зал, где увидел за столиком в углу зала инспектора Талда, того самого, от которого он улизнул, еще будучи в розыске, — составлю компанию инспектору.

Кинт подхватил ранец за лямку и направился в дальний угол зала.

— Гани! — услышал Кинт позади крик Дукэ. — Две порции оленины с овощами! И спустись в подвал, достань бутыль... нет, три бутылки прошлогоднего шанта! И поживей, все за столик инспектора Талда подашь!

— Хорошо, — отозвался с кухни племянник.

— Не возражаете, инспектор? — Кинт пихнул ногой под стол ранец, снял карабин и приставил его к стене.

— Я всегда ужинаю оди... ого! Вот это сюрприз, — хмыкнул инспектор, — конечно, присаживайся.

— Спасибо... просто все столики заняты. — Кинт повесил на крюк на стене бушлат, сунув в его рукав шапку.

— Даже не знаю, — инспектор внимательно, но быстро осмотрел Кинта, — в прошлый раз твое появление здесь закончилось большим переполохом.

— В этот раз наоборот, сначала был переполох, и то не здесь, недель пути, севернее, — ответил Кинт, тяжело опустился на стул, отодвинул клетчатую занавеску, пропитанную табачным дымом и от того желтого оттенка, и посмотрел в окно, — темновато на улице...

— Светомаскировка, — работая ножом и вилкой, ответил Талд, — сейчас уже редко суются, а пару месяцев назад покоя не было от налетов северян.

— Вроде не заметил я сильных разрушений.

— Это из-за кораблей в бухте, благодаря флоту и город уцелел и скреверам северян не давали спокойно летать.

— Привет, Кинт. — Гани, еще сильнее растолстевший, подошел к столу и стал выставлять с подноса миски, кружки, бутылки.

— Ого, ты что, своего брата съел? — попытался пошутить Кинт.

Поднос в руках Гани дрогнул, улыбка с его лица сошла, глаза потускнели и, выставив все на стол, он удалился.

— Мок погиб, — закончив с ужином, приложился к пиву инспектор, — на второй день осады. Сбежал от Дукэ в ополчение, шальной осколок в затылок, даже не в бою, помогал укрепления у Кривой речки строить.

— Да уж, погано пошутил, — нахмурился Кинт, хапнул со стола бутылку шанта, раздавил сургучную пробку, налил себе полную кружку, залпом выпил и накинулся на еду.

Инспектор с интересом и профессиональным любопытством смотрел на Кинта, а тот с удивительной скоростью разобрался уже с одной тарелкой, опрокинул еще кружку шанта и приступил ко второй порции. Измученный сухомяткой желудок Кинта напомнил о себе отрыжкой, которую Кинт успел прикрыть рукой...

— Извините, — уже захмелев, сказал он, откинулся на спинку стула и начал охлопывать карманы в поисках трубки, умудряясь уже который год не найти для нее постоянного места.

Инспектор достал медную плоскую коробочку и положил на стол.

— Угощайся, недавно из Актура, родственники передали.

— Не откажусь. — Кинт достал из коробочки небольшую, размером с винтовочный патрон сигару и с наслаждением закурил. — И как теперь в Актуре?

— Хуже, чем раньше, но порядок есть, заводы, станция, порт — работают.

— Ну вот... Гани меня подменит. — Дукэ присел за стол третьим и поставил глубокую миску с нарезанной на кусочки копченой вырезкой, политой острым соусом.

— Я узнал про Мока, сочувствую...

— Да, — Дукэ вздохнул, — лентяй же был такой и бестолочь, что небеса от стыда краснели, ну ты помнишь... и поди ж ты, сбежал в ополчение. Жаль парня.

Кинт молча открыл вторую бутылку и встал, но его пошатнуло, он с трудом удержался на ногах, успев схватиться за спинку стула и громыхнув им. Все в зале повернулись на неожиданный шум. Кинт, шатаясь, прошагал к камину у стены, отпил глоток, немного постоял, безмолвно шевеля губами, и плеснул шанта на огонь. Синие языки пламени облизнули сапоги Кинта, он поставил бутылку на камин и вернулся на место. В зале загромычала мебель, разговоры и смех затихли, все стали подходить, делать глоток и, вспоминая погибших товарищей, плескать шант на огонь. Кто-то еще ставил бутылки на камин, Дукэ и инспектор тоже исполнили поминальный ритуал. На некоторое время в ресторанчике установилась тишина, кто-то молча закурил, играя на скулах желваками, у кого-то заблестели глаза... но постепенно снова начались разговоры, кто-то прокричал очередной тост за победу и стало как всегда, то есть шумно и весело.

— А что ты сказал про неделю пути севернее? — переспросил Талд, без стеснения плеснув в свою кружку из бутылки Кинта.

— Я это сказал? — Кинт притушил сигару в каменной пепельнице.

— Ну... может, мне слышалось

— Может, — кивнул Кинт и, повернувшись к Дукэ, спросил: — А что с комнатой, где я жил, она свободна?

— Нет, Кинт, к сожалению, занято все.

— А где Ллодэ, он же всегда был не прочь сдать комнату в цоколе, под своим магазинчиком.

— Многое изменилось со времени твоего отсутствия, Кинт, — Дукэ разлил всем по кружкам, — он оставил письмо...

— А где он сам?

— Старик Ллодэ после того, как ты улетел с тем инспектором, прожил два месяца, а потом как-то не пришел на традиционный ужин по выходным, и я решил его навестить... он умер во сне, всем бы так. На тумбочке он оставил письмо, старик верил, что ты вернешься.

— Какое письмо?

— Оно в канцелярии ратуши, — вступил в разговор инспектор, — сам его туда отвез. Это, по сути, завещание, в котором он упомянул только одного человека — тебя.

— Меня? — Кинт приподнял бровь в удивлении, его взгляд уже был затуманен крепким алкоголем.

— Да, — кивнул Дукэ, — старик ведь проникся к тебе, все время вспоминал.

— И что там написано?

— Сам сходишь в ратушу и узнаешь. Его дом и лавка опечатаны... Предъявишь жетон гражданина и вступишь в права наследства... Единственное, отряды ополчения очень сильно проредили ассортимент, я и сам для карабина патроны брал. Очень помогла городу оружейная лавка старика Ллодэ, но все бралось под расписки, в моем присутствии, так что городской совет по предъявленным распискам все оплатит. Кинт, Кинт...

— Не буди, — Дукэ остановил Талда, — помоги, положу его до утра в кладовой.

Инспектор и Дукэ подхватили Кинта и оттащили в кладовую, где уложили его на длинную лавку у стены, подставив пару бочонков, чтобы тот не свалился.

— Что скажешь? — инспектор кивнул в сторону кладовой, когда они с Дукэ вернулись за столик. Посетители уже расходились, Гани наводил порядок, а в ресторанчик вошел Маар.

— Скажу одно, — вздохнул Дукэ, — он опять, похоже, выбрался из какой-то серьезной передраги.

— А видели, как он смотрит? — Маар подсел за столик, бухнув по столешнице протезом.

— У многих теперь такой взгляд, — снова вздохнул Дукэ, — я, если честно, когда на станции пару недель назад увидел того инспектора тайной жандармерии, сразу почему-то про Кинта подумал.

— Господин Морес теперь полковник. — Талд разлил по кружкам остатки шанта. — Станный он, хочется держаться от него подальше... по три раза на дню в ратушу заявляется, все телеграммы в Латинг шлет.

— Похоже, этот город торгашей станет новой столицей. — Дукэ проводил взглядом последнего посетителя, покинувшего зал, и кивнул Гани на дверь, мол, закрывай.

— Помяните мое слово, — Маар сделал важный вид, — столиц будет несколько... ну, это смотря чем закончится эта война.

— Хоть терратос и распадается на провинции, но временное правительство в лице генералов и таких, как этот Морес, все же нашли способ поддержать армию и провести мобилизацию, так что немного потерпеть, и вышвырнем северян с предгорий. — Дукэ опрокинул стакан, как бы ставя точку в разговоре, и встал из-за стола: — Ладно, у меня дела еще.

Кинт проснулся от того, что явно почувствовал на себе чужой взгляд, открыл глаза, не поверил тому, что увидел, и, зажмурившись, повернулся на бок, желая продолжить сон. Но потом резко вскочил, выкрутил фитиль масляной лампы под низким потолком, уселся на лавке и снизу вверх осмотрел пилота скревера... Высокие, до колен сапоги, комбинезон с меховым подкладом, подпоясанный закрытой кобурой с пистолетом, шлем пилота с поднятыми очками, из-под которого выбиваются светлые волосы...

— Ты? — с трудом произнес Кинт, почувствовав, как пересохло в горле.

— Я, — Маани грустно улыбнулась, села рядом, сняла перчатки и прикоснулась к щеке Кинта, — какой ты стал...

— Да уж. А ты все такая же. — Кинт прижал ее руку к своей щеке.

Они сидели так неподвижно несколько минут, пока на кухне кто-то не громыхнул посудой.

— Мне надо улетать, полковник Морес заходил, сказал, что могу тебя здесь найти... сначала не хотела идти, но все решила посмотреть на тебя.

— Не на что смотреть, расскажи лучше, как ты сама?

— Летаю с первого дня вторжения, — Маани продолжала рассматривать лицо Кинта, словно искала что-то, попутно надевая перчатки, — отец исчез несколько лет назад. До войны с мужем и... и сыном жили в доме отца. Потом, во время беспорядков в столице, дом сожгли, и пришлось уехать на юг, в поместье родителей мужа.

— Он хороший человек, этот твой муж?

— Хороший, добрый... он врач, сейчас в госпитале, снова в Актуре. — Маани встала, достала хронометр из маленького кармашка комбинезона на груди. — Мне надо идти, Кинт, время лететь.

— Спасибо тебе за тот полет в грозу, ты помогла не только мне. — Кинт поднялся, их глаза снова встретились.

— Ты же мне очень дорог, Кинт, я не могла по-другому, когда узнала о тебе. — Глаза Маани заблестели, и она ткнулась лицом в грудь Кинта.

— От тебя пахнет углем и маслом. — Кинт нерешительно обнял ее за плечи.

— А от тебя костром и диким зверем. — Маани резко отвернулась, шмыгнула носом и, выйдя в зал, добавила: — Прощай, береги себя.

— И ты себя береги! — громко вслед ответил Кинт, стоя посреди кладовой; он все еще ощущал на щеке тепло руки Маани и где-то далеко в сознании эхо ее голоса.

Через несколько минут еще в предрассветных сумерках над Конингом загудели скреверы и с воем улетели на юг. Кинт прибавил света в кладовой и рассеянно снова начал охлопывать карманы в поисках трубки. Трубка и остатки трофейного горького табака нашлись в бушлате, что висел на крюке у двери. Закурив, Кинт опустился на лавку и уставился в одну точку, прижавшись спиной к стене, его мысли неслись далеко от Конинга, на годы назад, галопом по восточным лугам за прекрасной всадницей, изящно держащейся в седле, она громко смеялась... затем по широким коридорам художественного университета, вслед за светловолосой девушкой в роскошном платье, и тут, словно черная тень, меж ними встала фигура Арка... Кинта словно ледяной водой окатило и выкинуло из дремы, в которую он провалился, предавшись воспоминаниям.

— Вот дьявол, — вслух выругался Кинт.

— Что, ты меня звал? — в кладовую заглянул Гани.

— Точно не тебя... Гани, ты прости меня за вчерашнюю шутку.

— Ладно, ты же не знал. Дукэ котел натопил, сам к перевалу, на дежурство с ополчением уехал, сказал, что ты можешь в его комнате ванну принять, и вообще пока там расположиться...

— То, что нужно! — Кинт встал и нагнулся за ранцем, но остановился: — Вот же... Мне и переодеться-то не во что.

— Так все, что ты тут оставил, когда торговца из себя изображал, улетая с тем инспектором, все Дукэ сохранил, ты поднимайся к нему в комнату, котел остывает, а я сейчас принесу...

Глава двадцать четвертая

Спустя час Кинт привел себя в порядок, впервые за месяцы скитания по предгорьям он ощущал себя чистым, даже настроение немного приподнялось. Обнаружив в большой холщовой сумке, что принес Гани, кое-какое нательное белье и одежду, Кинт, покопавшись в ранце, извлек оттуда тощий кошель, накинул бушлат, шапку и вышел в ресторанчик.

Сурового вида жандарм сидел у стойки и беседовал с Гани, который, как только Кинт вышел, кивнул на него.

— Господин капитан, — жандарм встал с высокого стула, вытянулся и кивнул, отдав честь, — мне приказано сопровождать вас в ратушу, к полковнику Моресу.

Кинт коротко кивнул, согласно уставу и присел на стул рядом:

— Долго ждал?

— Нет, господин полковник приказал вас не будить, а дожидаться и сопровождать.

— Понятно...

Гани подал на стойку широкую глиняную чашку с горячим бульоном со словами:

— После вчерашнего, думаю, самое лучшее будет.

— Верно. — Кинт отпил бульон, довольно крякнув, и спросил: — А что, салон парикмахера, что был через дорогу, работает?

— Работает, — улыбаясь, ответил добродушный толстяк, — с появлением солдат и жандармов в городке у хозяина парикмахерской посетителей хватает.

— Я лошадь вчера...

— В конюшне, — Гани не дал договорить Кинту, — распорядиться седлать?

— Спасибо, нет, не надо, пройдусь пешком. Пусть отдохнет, а то натерпелась за последние дни.

Жандарм терпеливо дожидался Кинта у входа в парикмахерскую, прохаживаясь по тротуару вдоль дома, утапывая наметенный за ночь тонкий слой снега. А спустя полчаса, рассчитавшись с цирюльником, Кинт встал с кресла и посмотрел на себя в старое большое зеркало у входа, покрытое амальгамой, оно давало бледное отражение.

— Да уж, — Кинт скептически посмотрел на совершенно незнакомого человека в отражении, — может, не стоило бороду совсем сбривать?

— Что вы, вам так гораздо лучше! Вы же так молоды, а с бородой... престарелый возница с пристани, уж извините. — Пожилой, низкого роста цирюльник чуть поклонился, демонстрируя свою блестящую лысину.

Рассчитавшись парой монет, Кинт вышел на улицу и сразу ощутил разницу — холодный ветер моментально обжег нижнюю часть лица. Подняв ворот бушлата, Кинт кивнул жандарму:

— Теперь пошли.

У ратуши, несмотря на раннее утро, было многолюдно. Сновали верхом вестовые, подъезжая, они лихо соскакивали с лошадей и так же лихо, с разбега, выбежав из дверей ратуши, запрыгивали в седло. Рядом с ратушей стояла большая палатка, из гнутой трубы печки вырывались редкие искры и, погаснув, уносились по ветру. Прямо по ткани толстой, многослойной парусины, краской было написано: «Штаб ополчения». Кинт также заметил у ратуши пару странных орудий, их длинные стволы смотрели в небо, расчетов рядом не было, но меж орудиями прохаживался караульный.

— Доброе утро. — Из дверей ратуши вышел инспектор Талд в сопровождении городского.

— Здравствуйте, инспектор. — Кинт посторонился от двери, пропуская его.

— Вы в канцелярию?

— Нет, у меня встреча с полковником Моресом. Эм... а зачем мне в канцелярию?

— Как зачем? А письмо Ллодэ...

— Какое письмо?

— Понятно. Вы разговор вчерашний помните? О том, что старик Ллодэ умер и оставил вам в наследство свой дом и лавку.

— Теперь припоминаю...

— Закончите с делами, зайдите в канцелярию. Жетон гражданина с собой?

— Да.

— Вот и хорошо, я вечером буду в «Пятом колесе», присоединитесь к ужину.

— Договорились.

Инспектор, придерживая перевязь палаша, проворно сбежал по ступенькам и забрался в ожидающую у входа закрытую одноосную повозку, следом

за ним поспешил и городской. Проводив инспектора взглядом, Кинт с досадой подумал, что вчера, изрядно выпив, он даже толком и не осознал сути разговора о покойном Ллодэ. Нет, то, что старик умер, он понял, но только сейчас до него докатилась волна скорби. Не так много в этом мире людей, перед кем Кинт мог открыть сердце, быть самим собой, кого Кинт считал близким человеком, другом, пусть этот друг был старше на полвека.

— Жаль старика...

— Что?

— Ничего, — мотнул головой Кинт, — ну, ве́ди.

Проследовав за жандармом по длинному, слабо освещенному коридору с выщербленным набойками сапогов паркетом, вышли на широкую лестницу, поднялись на верхний, третий этаж.

— Вам туда, господин капитан. — Жандарм рукой указал на дверь.

Привычным движением с юности, проведенной в школе сирот, разогнав складки бушлата под поясом, Кинт хотел застегнуть все верхние пуговицы бушлата, но нащупав лишь нитки на их месте, толкнул дверь и строевым шагом вошел в кабинет.

— Капитан северного корпуса охраны дорог Кинт Акан! — Вытянувшись и глядя поверх человека за большим столом, Кинт замер посреди кабинета.

— Выспался? — Морес встал, обошел стол и, подойдя к Кинту, протянул ему руку.

— Выспался, господин полковник. — Не подав руки, Кинт продолжал смотреть туда же, на замысловатый рисунок на шторах за высоким креслом.

— Присаживайся. — Показав на стул и заложив руки за спину, Морес внимательно смотрел на Кинта, пытаясь поймать его взгляд.

— Благодарю, но не располагаю временем, разрешите получить распоряжения, господин полковник, и вернуться к отряду.

— Сядь! — повысив голос, приказал Морес и положил руку на плечо Кинта.

— Уберите руку, господин полковник, или я вас ударю... очень больно, и боюсь, что не смогу остановиться.

— Да что с тобой?

— Со мной? — Кинт побелел от злости и, наконец, уставился на Мореса остекленевшими глазами. — Это не со мной, это с тобой, мой бывший друг, что-то произошло! Там, на холме остались лучшие! Понимаешь? Лучшие! Ради чего? Не ты меня обманул, а я! Я их всех обманул! Доверившись тебе! Выполняя твой приказ! Они ждали помощи, они выполнили приказ и остались там, прикрывая остатки отряда, тех, кого еще можно было спасти. Как ты думаешь, Морес Таг, этого я ожидал, получив приказ штаба армии терратоса?

Сняв пенсне на цепочке и убрав их в кармашек синего форменного кителя с воротником стойкой, Морес прошел к двери кабинета, закрыл ее на задвижку, вернулся, встал напротив Кинта и сказал:

— Если тебе станет легче... — Морес не успел договорить, ему пришлось резко уклониться, так как кулак Кинта прошел в опасной близости от носа.

В мгновение Морес оказался за спиной у Кинта, успев захватить его руку, удар под колено, толчок — и Кинт распластался на полу.

— Если хочешь продолжить, то не советую. — Морес возвышался над Кинтом. — Лучше успокойся и выслушай наконец!

— ...господин полковник, — забарабанил кто-то в дверь, — у вас все в порядке?

— Стул упал! — крикнул в сторону двери Морес. — У меня важный разговор, не беспокоить!

— Слушаюсь! — слышались удаляющиеся шаги от двери.

Борясь с желанием начать грызть зубами полковника, Кинт, не вставая с пола, попятился к стене, где сел, обхватив голову руками и зажмурившись.

— Не води себя как мальчишка! Идет война! И она управляет обстоятельствами и корректирует все планы, как бы мы все ни продумали. — Морес снова надел на нос пенсне, он говорил немного повысив тон, жестко и не сводя взгляда с Кинта. — Встань, подойди сюда, посмотри...

Кинт встал и подошел к окну, куда позвал его Морес, отодвинув штору.

— Видишь дымы?

За холмом на западе поднимались несколько столбов дыма, из окна третьего этажа их было хорошо видно.

— Что это?

— Это похоронные команды, все еще предают огню тела погибших солдат, почти десять тысяч, Кинт! А могло быть больше, могло все вообще очень плохо закончиться, и для Конинга в отдельности и для терратоса в целом. Знаешь, кто спас ситуацию?

— Кто?

— Твой отряд, Кинт... Единственное, в чем ты меня можешь упрекнуть, это то, что я не посвятил тебя в детали всей операции по прорыву осады, а лишь обозначил конкретную задачу. Так того требовали и будут требовать обстоятельства, пока идет война. Теперь я могу рассказать... Может, все же присядешь?

Повиновавшись, Кинт опустился на стул, расстегнул бушлат и откинулся на спинку, скрестив руки на груди. Морес удовлетворенно кивнул, прошел за стол и сел в свое кресло.

— О том, что готовится прорыв, противник знал, и мое ведомство еще занимается выяснением всех обстоятельств этого прискорбного факта. Как только в штабе стало известно об осведомленности противника, пришлось спешно менять планы, и действия твоего отряда были отличным отвлекающим маневром. Противник готовился, но не успевал перебросить резервы тяжелой артиллерии с севера ближе к Конингу. После начала атаки гарнизона Конинга, одновременно с ударом армии терратоса с юга, начался тяжелый позиционный бой, противник не дождался подкрепления, мало того, несколько пехотных полков северян от Конинга выдвинулись к удерживаемому твоим отрядом холму близ гарнизона у шахтного поселка. Это несколько ослабило один из участков в их обороне, где потом и удалось прорвать осаду. А те скреверы, которые северяне выслали в поддержку осаждающим Конинг войскам, они изменили курс и до утра обстреливали оставленный тобой холм, в то время как наши пилоты, не встретив значительного сопротивления в воздухе, поддержали атаку гарнизона Конинга, а затем атаковали пехотные полки, что выдвинулись в твоём направлении.

— На том холме остались две трети моего отряда.

— А сколько там осталось солдат противника?

— Не знаю, не считал.

— Я посчитал, точнее, мне доложили, так вот... Две! Две тысячи штыков! Неплохой размен?

— Неплохой, только это жизни, Морес, а не монеты.

— Это война, Кинт! Костлявая старуха питается жизнями... а ты неплохо скормил ей северян.

— Так каков результат прорыва?

— Терратосу теперь доступен достаточно протяженный участок торгового тракта и железной дороги, с юга уже выдвигаются подкрепления для вырав-

нивания линии фронта и подготовки к следующему удару, наступают морозы, нужно подготовить армию к зимней кампании, заменить ополчение на регулярные части.

— А мой отряд?

— Об этом будет отдельный разговор, после того как ты... — Морес достал из папки на столе гербовую бумагу, пробежался по тексту глазами и убрал обратно, — после того как ты пообещаешь взять себя в руки и станешь прежним отчаянным жандармом, которого я знал.

— Прежним я не стану точно, а продолжать служить терратосу я готов.

— Что ж... — Морес встал, снова достал бумагу из папки, посмотрел на Кинта, блеснув стеклами пенсне, и начал читать: — Указом временного правительства терратоса Аканов капитан северного корпуса охраны дорог Кинт Акан назначается командующим северного корпуса дорожной жандармерии. После формирования корпус поступает в распоряжение северо-восточного фронта. До особого распоряжения штаба армии терратоса Аканов северный корпус охраны дорог переходит в подчинение контрразведки армии, ответственный за исполнение указа начальник контрразведки армии полковник Морес Таг.

— Корпусом? — Кинт встал. — Мор... эм... господин полковник, я согласен служить терратосу, но я не готов командовать корпусом, я же... звеньевой!

— Хорош звеньевой, — Морес чуть опустил голову и посмотрел на Кинта поверх линз пенсне, — месяцы водить отряд, успешно громя тылы, уничтожить значительные силы противника... звеньевой, значит?

— Корпус — это очень неповоротливое и громоздкое соединение, здесь, в предгорьях и тем более севернее, в горах.

— Мне нравится ход твоих мыслей, и он именно в ту сторону, в которую нужно, — в первый раз чуть улыбнулся Морес, — твоему корпусу предстоит действовать в горах и предгорьях, снова в тылу северян.

— Еще лучше...

— Так ты согласен или нет? Штаб армии твою отставку, конечно, примет и направит, согласно званию, командовать сотней кавалерии на фронт, но только у твоего отряда из всей армии терратоса есть такой важный опыт.

— В лучшее время мой отряд насчитывал не более четырех сотен бойцов вместе с обозниками и фуражирами. И мы редко действовали таким количеством, только при налетах на гарнизоны, а в основном разбивались на небольшие отряды для засад, так легче рейдировать и следов меньше оставляем.

— Вот, о чем я и говорю! Твой опыт очень нужен армии.

— Мне нужно подумать.

— Подумай, до следующего утра.

— А что мой отряд, разместился?

— Половина отряда в лазарете... кто-то сильно простужен, кто-то ранен, а некоторых пришлось чуть ли не силой укладывать в лазарет.

— В смысле?

— Секунду... — Морес открыл свою толстую тетрадь в переплете из черной тесненной кожи и прочитал: — Некий Ян Григо...

— А с ним-то что? Вроде держался в седле...

— Именно что держался в седле. По моему приказу вчера, из лазарета гарнизона, прибыли санитары для осмотра бойцов отряда, так командир звена ополченцев, этот Ян Григо, он не мог стоять на ногах, у него два ранения в бедро. Но он отказывался лечь в лазарет,

требовал командира, то есть тебя, и, лежа на кровати, вцепился в патронный ящик, размахивая револьвером. Да и другие бойцы уже тянулись за оружием. Скажу честно, я даже испугался твоих бородатых головорезов, да, вид у них...

— Какой ящик?

— Обычный патронный ящик, только вот его со-
держимое...

— Да что там?

— Начальник лазарета вызвал меня на станцию, где разместили отряд, пришлось писать расписку и доставить это сюда. — Морес встал, прошел в угол кабинета, открыл дверцу шкафа и, указав на обшарпанный и грязный патронный ящик, сказал: — Вот он.

Кинт прошел к шкафу, присел и открыл крышку ящика...

— Вот же старый контрабандист! — Кинт бросил обратно в ящик один из туго набитых монетами кошельков, в основном это были монеты северного терратоса. — Григо как-то говорил про казну отряда, но мне было не до того, и я приказал, чтобы он сам этим занимался, он командовал трофейщиками. Но я не думал, что казна так распухла. Так, а что с Григо?

— В лазарете, осколки достали, но поправится не скоро. Отряд поставлен на довольствие, сегодня для него топится парная. Обмундирование, оружие и снаряжение, согласно уставу дорожной жандармерии, скоро прибудет с транспортным дирижаблем из Актура. Так что утром жду и надеюсь на верно принятое решение.

— Я согласен. — Захлопнув крышку патронного ящика, Кинт встал и протянул руку Моресу. — С условием, что кое-что в уставе придется менять, исходя из действий отряда в горах, и в условиях войны... нам ведь не кочевников от торгового тракта отгонять придется.

— Хорошо, — Морес улыбнулся в свои тараканьи усы и ответил на рукопожатие, — тогда завтра утром жду с рапортом по поводу, как ты говоришь, изменений в уставе.

Глава двадцать пятая

Больше часа Кинт провел в канцелярии ратуши, заполняя всевозможные формуляры, на обороте каждого из которых седой сутулый старичок за старой деревянной конторкой наложил свою резолюцию и оставил оттиски печати городского совета Конинга. Затем все эти формуляры были аккуратно уложены в папку и скрыты от глаз и солнечного света в канцелярском архиве, Кинту на руки был выдан небольшой лист с гербом терратоса, подтверждающий его права владения наследством.

— А по поводу возмещения по распискам... сами понимаете, — старик пожал плечами и развел руками, — только после снятия военного положения.

— Ясно. — Кинт убрал бумагу в карман.

— Но вы не волнуйтесь, все расписки у нас в архиве, приняты по описи от инспектора Талда.

— Я и не волнуюсь, и даже сомневаюсь, что в ближайшее время мне будут нужны средства.

Старик, привстав из-за конторки, смерил взглядом Кинта, задержавшись на выдавших виды сапогах...

— Я бы так не сказал.

— Это временно, — ответил Кинт и, попрощавшись, вышел, держа в руке связанные шнурком два больших ключа от лавки Ллодэ.

Кинт ненадолго задумался, остановившись посреди широкой улицы, идущей от пристани вверх городка, а потом, обогнув торговые ряды, разворачивающейся

назад, в сторону станции. Сначала он хотел дойти до недавно построенных казарм гарнизона, но передумал: «Пусть отдыхают, парная, еда и сон — то, что им нужно. Судя по намекам Мореса, впереди у нас еще много времени». Круто повернувшись, Кинт зашагал вверх, в сторону лавки Ллодэ. В нескольких местах дорога была разворочена взрывами, но воронки уже были засыпаны, в домах видны заколоченные окна, стены вокруг закопченные, все же досталось Конингу. Прежде чем перейти на другую сторону, Кинт пропустил колонну моторных повозок, тянущих за собой орудия, следом прошел строй пехотинцев, за ними, размахивая деревянными палками, бежали несколько мальчишек. Один из пехотинцев, обратив внимание на детей, на ходу достал из-за пазухи какой-то сверток, выскочил из строя и сунул сверток в руки чумазому мальчишке. Детвора сразу окружила счастливчика, а содержимое свертка, судя по всему, кусочки сахара, быстро разошлось по рукам. Кинт еще с утра обратил внимание на появившихся в Конинге бездомных и беженцев. Да и городских прибавилось, они не трогали устало бредущих по улице или ютящихся в переулках людей в рваных и грязных одеждах, но за порядком следили внимательно.

— Приятель, ты бы отошел с дороги, — один из двух городских, что шли по тротуару, сделал замечание Кинту, засмотревшемуся на детей, — не то зашибет повозкой.

Кинт кивнул и пошел дальше, внимательно рассматривая сильно изменившийся, некогда спокойный и тихий городок.

Прежде чем сорвать сургучные печати, фиксирующие шнурок на дверях оружейной лавки, Кинт немало постоял, словно ждал, что дернется штора и за

пыльным стеклом появится Ллодэ, улыбнется и махнет рукой, заходи, мол... Не решаясь зайти, Кинт смахнул снег с низкой скамейки на маленькой открытой веранде, сел и достал трубку.

Через некоторое время рядом остановилась повозка:

— В гости пригласишь?

— А, Маар, хорошо, что ты... а то я как-то...

— Да, — Маар соскочил с повозки и поднялся на веранду, — старик тебя все время вспоминал, надеялся еще увидеть. Ты в канцелярии-то был?

— Вот, — Кинт протянул ключи, — открывай.

Лавка была практически пуста, только пару старых однозарядных винтовок висели на стене, кое-какое снаряжение, на полу куски оберточной бумаги, какие-то тряпки.

— Дукэ хотел послать племянников, порядок навести здесь, — осматривая разгром, сказал Маар, — но потом с Моком несчастье... слышал?

— Угу...

— Вот, а потом, сам понимаешь, город как на пороховой бочке, жил одним днем. Все ждали, что будет штурм, жили на баррикадах, а штурма все не было, в осаду нас взяли. Северянам нужен был выход к морю, а тут мы, да еще, хвала небесам, флот подойти успел. Так вот и развлекались.

— Пойдем, я знаю, где старик Ллодэ держал выпивку, — сказал Кинт и направился к проходу в кладовую, откуда лестница спускалась в высокий цоколь.

Небольшая гостиная с очагом-камином, под потолком старые, толстые, но крепкие балки, пара масляных светильников, пахнет сыростью и старостью. Три зарешеченных окошка почти под потолком, запертая на замок толстая дверь в маленький дворик и еще две двери попроще — в две комнатухи, в одной Ллодэ лишь спал,

а вторая была завалена всяким хламом, точнее, хлам был аккуратно разложен по котомкам, старым ранцам и ящикам. За шторкой ниша с туалетной комнатой. Немного дешевой, но крепкой мебели, кое-какая посуда и домашняя утварь, все по-военному просто и по-стариковски скромно. Много ли надо было старому ветерану дорожной жандармерии? В косых лучах света от окошек кружили частицы пыли, потревоженные Кинтом и Мааром. Новый хозяин дома снял с крюка на стене полотенце, протер им покрытую лаком запыленную столешницу. Затем, минуту подумав, из одного из ящиков у камина достал маленький кожаный кофр, открыл его и извлек наружу медный сосуд и составленные друг в друга медные же стаканчики.

— Вспомним Ллодэ, — сказал Кинт, — я пока огонь разведу, а ты налей...

У очага, в деревянном коробе, обитом жестью, нашлись остатки колотых щепок и угля, и Кинт развел огонь...

Маар не стал надолго задерживаться, видя, что Кинт не особо расположен к разговорам, и, сославшись на важные дела, покинул дом Ллодэ. А новый хозяин дома остался наедине с собой и своими мыслями... Подумав о том, что надо навестить Григо и ребят в лазарете, Кинт сразу же подумал и о Сэт...

— Надо дать телеграмму в Латинг, Тьетэ, — тихо сказал Кинт и поразился тому, как странно прозвучал его голос, вспугнув в углу за камином мышь; испугавшись, та метнулась в маленькую щель.

Закурив трубку, он по маленькому глотку допивал прямо из горлышка немного помятой медной бутылки крепкий, многолетний шант. Снова всплыл образ Маани, и он был уже просто образом, приятным образом из прошлого, прошлого, в котором не было войны, были

приключения и мечты... Теперь же мечты непозволительная роскошь, теперь есть только цель — освободить терратос и заботиться о людях. Людях, которые готовы выполнить любой приказ и умереть за победу. Кинту вдруг стало стыдно за свое поведение в кабинете Мореса, за этот всплеск эгоистичной обиды, за то, что посмел усомниться, за то, что тысячи павших сынов терратоса не имели возможности скрываться в лесах, а штурмовали укрепления северян в предгорьях, покрывая своими телами дорогу к победе...

С улицы донесся шум проезжающей моторной повозки, и уснувший за столом Кинт резко вскочил со стула, соображая, где он и что происходит. На город давно опустились сумерки, и в комнате было темно. Закрыв на ключ лавку, Кинт бодро зашагал в сторону пристани, где в одном из пакгаузов разместился лазарет. На улице заметно похолодало и поднялся ветер, желание медленно прогуливаться и рассматривать вечерний Конинг уже не было. А на пристани кипела работа, сразу две баржи стояли под разгрузкой, работали краны, сновали грузовые фургоны и было много солдат, которые, выстраиваясь в звенья, шагали вверх, к станции. Кинт разглядел большой пассажирский пароход, на котором, судя по всему, и прибыло большое подкрепление.

— Здесь нельзя стоять! — К Кинту подошли двое городских, они обратили внимание на странного человека, который больше похож на беглого каторжанина в обносках, но с поясом, на котором висела кобура револьвера и ножны с коротким абордажным палахом. — Вы из ополчения? Новенький?

— Нет, не из ополчения, — повернулся к ним Кинт, — я ищу лазарет.

Один из городских выкрутил фитиль фонаря, что был у него в руке, и осветил лицо Кинта.

— Да, повязки нет, а оружие есть... кто таков? Жетон гражданина?

— Вот, — Кинт потянул шнурок на шее и достал медный кругляш жетона.

— Кинт Акан, — медленно разбирая отчеканенные, мелкие буквы в свете фонаря, прочитал городской, — ты же не из этих мест, Кинт Акан, раньше не видел тебя здесь.

— Это, должно быть, из тех, что с севера, из-за Белой Ленты пришли вчера, — сказал второй городской.

— Из тех, — ответил Кинт, убирая жетон.

— Все равно нельзя тут стоять, а лазарет вон в том пакгаузе, вдоль забора обходи.

По Конингу уже успели расползтись слухи о некоем отряде, пришедшем с севера, который с начала вторжения воевал в тылу северян. По этим же слухам, в отряде были сплошь кровожадные наемники, которые не прочь отведать мяса врага, долго ли протянешь в диких местах без мяса.

— Поди ж ты... а вы что, правда северян ели?

— Чего?

— Ну... говорят, вы там, — городской махнул фонарем куда-то себе за спину, — мясом северян питались.

— Кто говорит?

— Люди говорят.

В ответ Кинт только хмыкнул, развернулся и пошел к лазарету.

— А чего... ты сам же мне рассказывал, — услышал Кинт голос одного из городских.

— Что слышал, то и рассказывал, — отозвался второй.

Пройдя на большой склад, переделанный под лазарет, Кинт остановился у тряпичной ширмы на деревянном каркасе.

— Двери закрывайте! Чего выстуживать-то! — донеслось из-за ширмы, а потом из-за нее показался армейский санитар в белом фартуке.

Кинт торопливо закрыл дверь в больших воротах и сказал:

— Добрый вечер, я пришел провести...

— Уже поздно, — санитар вытер мокрые руки о фартук, — поужинали да спят все уже.

— ...Яна Григо, ну и других бойцов. — Кинт пропустил мимо ушей фразу санитара.

— А... этих, — санитар с недоверием посмотрел на Кинта, — надо было догадаться... вы их командир?

— Верно.

— Вот это и это тогда снимайте. — Санитар, поморщившись, показал рукой на сапоги и бушлат Кинта.

— Спасибо.

— Идемте.

Помещение склада было разделено тонкими перегородками из досок и парусины на коридор и несколько больших комнат. Под потолком тускло горели светильники, из-за перегородок доносилось то тихий шепот, то слабый стон, а то и громкий храп. Было очень чисто, тепло и пахло лекарствами.

— Вон там все ваши, — санитар показал на последнюю комнату в конце коридора и, не желая провожать Кинта, а может, опасаясь лишний раз появляться в компании бородатых головорезов, повернулся и пошел обратно.

Отодвинув занавеску, Кинт вошел в комнату. Действительно, все спали, кроме Григо, в свете толстой парафиновой свечи на тумбочке рядом он что-то писал в своей толстой тетради, полусидя в кровати. Обернувшись на шаги, Григо улыбнулся и хотел было открыть рот, но Кинт приставил указательный палец

к губам, кивнув на спящих бойцов, на что Григо весьма эмоционально показал рукой на деревянные костыли у кровати.

— И чего ты молчал? — прошептал Кинт, присев рядом и кивнув на ногу Григо.

— Да думал, легко зацепило, а оно вот как вышло, — прошептал Григо в ответ, — сегодня Локт заходил, говорит, весь отряд в парной был, теперь отсыпаются и отъедаются.

— Да, — кивнул Кинт, — скоро переформирование и снова на север.

— Доктор сказал, что поправлюсь не скоро... стало быть, без меня уйдете, — грустно сказал Григо.

— Да.

— А я тут что же? Я как?

— Ну, в отряде от тебя с таким ранением точно много пользы не будет, так что для тебя война закончилась. Что ешь?

— Письмо дочери, думаю вот передать в Латинг как-то, этому твоему... как его...

— Тьетэ.

— Точно.

— Поправишься, сам съездишь в Латинг, слышал, что дирижабли теперь часто туда летать будут.

— Хм... может быть.

— Ты мне лучше скажи, откуда столько монет в казне?

— Да как-то накопилось, — пожал плечами Григо, — хорошо, что напомнил, раздать бы ребятам поровну всем. Да и мне монеты не помешают, я теперь без дома, без денег... а так хоть угол какой сниму.

— Брось, — хмыкнул Кинт, — угол он снимет... В Латинге у меня можешь жить, не особняк, но крыша над головой есть, а лучше тут оставайся, в Конинге...

Кинт рассказал о неожиданном наследстве, о доме и оружейной лавке и сразу предложил Григо продолжить дело Ллодэ, а удастся отыскать Сэт, и ее в Конинг привезти.

— Ей тут понравится, — чуть улыбнулся Кинт.

— Думаешь? Эх, найти бы ее, — грустно вздохнул Григо.

— Да, найти бы... Может, она уже и сама нашлась, я все же дам телеграмму в Латинг.

— Да, обязательно, мне все спокойней будет.

Поговорив еще немного с Григо, Кинт покинул лазарет и отправился в «Пятое колесо», где планировал поужинать, а потом забрать свои вещи и следующую ночь провести в доме Ллодэ.

Глава двадцать шестая

— Господин капитан, корпус к маршу готов! — Услышав это, Кинт в очередной раз чуть поморщился.

Уже месяц прошел, а Кинт никак не мог привыкнуть слышать это обращение, тем более из уст Ракэ или Локта. Привстав в стременах, Кинт осмотрел колонну, которая не умещалась на перроне станции, ее хвост с навьюченными лошадьми уходил ниже, на улицу, примыкающую к станции. Отряд уходил ночью, чтобы не привлекать лишнего внимания, на станции кое-где тускло горели масляные фонари, их света хватало, чтобы рассмотреть силуэты.

— Командуй. — Кинт кивнул Ракэ и отъехал в сторону, к стоявшему у здания депо полковнику Моресу и фонарем в руке.

Колонна зашевелилась, зафыркали лошади, загомонили бойцы. Первыми на север одним звеном поскакали

разведчики из отряда Локта, за ними через несколько минут тронулась и вся колонна. На всех бойцах было зимнее обмундирование и теплая обувь, каждый был вооружен коротким восьмизарядным карабином, револьвером и абордажным палашиком.

— Через неделю жду телеграмму, — подняв воротник и отвернувшись от ветра, сказал Морес.

— Так есть, господин полковник, думаю, дней за пять выйдем к перевалу, — поправив кожаный шлем, забранный мехом и подняв ворот нового зимнего бушлата, ответил Кинт.

— Береги себя.

— И вы, полковник, тоже, берегите себя и секреты армии терратоса.

Многое произошло за прошедшие полтора месяца, с момента, когда отряд Кинта въехал в Конинг. Григо, отошедший от дел контрабандист и отец любимой женщины Кинта, остался в Конинге, в доме Ллодэ. Он охотно принял предложение Кинта продолжить дело старика Ллодэ, то есть снова заняться оружейной лавкой. Да и, собственно, родственные отношения теперь уже другого и не предполагали. Хромота до конца дней, сожженный в Теке дом... А тут — лучшего и не придумать. Есть где жить, есть чем заниматься и есть куда привезти Сэт, в случае если она отыщется... Телеграмма, что Кинт получил от Тьетэ, расстроила их обоих, то есть от Сэт не было никаких известий. Но они не теряли надежды, а также надеялись на помощь Мореса в ее поисках. Казна отряда была разделена меж бойцами, и вышла неплохая сумма на каждого. Также Кинт был приятно удивлен крупной суммой денег, которые ему передал Дукэ, это было компенсацией за две самоходные баржи, которые командование армии выкупило у Дукэ, а дело, связанное с перевозками морем,

пришлось забросить. Почти все деньги Кинт оставил Григо, в тылу северян они ему ни к чему, а оружейную лавку надо приводить в порядок. Что касается отряда, точнее, корпуса, командование которым принял Кинт... В полную численность корпус, конечно, не укладывался, на чем настоял сам Кинт, и составлял лишь две сотни кавалерии под командованием Ракэ, отряда разведчиков во главе с Локтом — шесть звеньев, то есть неполная сотня бойцов. Два охранных звена кавалеристов, которых отбирал лично Морес, были теперь при Кинте. Еще восемь артиллерийских расчетов, командовать которыми Кинт доверил Зару. В составе батареи были три картечницы, три мортиры, скорострельное орудие и новое орудие, которое могло стрелять по воздушным целям. Все лафеты были переделаны — максимально сужена колесная колея, и изготовлена специальная упряжь, также Зар за две недели вымуштровал бомбардиров разбирать и собирать орудия, укладывать въюки и быстро из походного положения снова изготавливаться к стрельбе. Общая численность отряда теперь составляла шесть сотен бойцов. За сутки перед выходом горного корпуса, как его стали называть в штабе армии, к нему приказом штаба присоединилась еще полусотня гренадеров — крепкие, рослые жандармы, способные забросить чугунную чушку гранаты на полусотню шагов. В составе армии эти подразделения только стали появляться, как и сами гранаты с пружинным запалом, которые начали изготавливать в Актуре, в одной из оружейных мастерских. Белая Лента была давно скована льдом, и отряд без труда прошел лесами на территорию северян, а затем горными тропами направился на запад.

К середине зимы положение в терратосе Аканов пошло на поправку, разделившись на провинции, как

ни странно, удалось быстро справиться с бунтарями. Южная и Степная провинции поставляли в армию продовольствие, Восточная помогала рудой и углем, а Западная оружием, патронами, паровыми агрегатами и прочими машинами. Однако кровавая жатва войны вносила свои коррективы — в городах появилось много беженцев, сирот и стала расти преступность, с которой тщетно боролась городская жандармерия, сильно поредевшая из-за мобилизации. На дорогах, где начали нести службу вновь созданные, но еще малочисленные отряды дорожной жандармерии, путников часто беспокоили банды и все чаще появляющиеся кочевники, которые осмелели и из диких мест стали продвигаться южнее. Была еще одна сторона этой войны — прогресс. Наука, заводы и оружейные цеха работали с большей силой и рвением, с одной стороны, все трудились для победы, а с другой — все, что было связано с вооружением и техникой, приносило баснословные прибыли. В штабе объединенной армии не глядя подписывали долговые векселя, которые подсовывали промышленники, владельцы продуктовых бирж и руководители железнодорожных трестов. В штабе не задумывались о том, чем это все в конце концов обернется, ведь сейчас была нужна победа и освобождение предгорий, богатых рудами, углем и золотыми месторождениями. И армия, хоть и при корыстной поддержке, добивалась побед. Северяне же терпели неудачу за неудачей, несмотря на многочисленность их армии. После разгрома осаждающих Конинг войск второй крупной неудачей северян стал провал зимнего наступления на Майнг, в направлении которого армия терратоса Аканов выдвинула крупные пехотные соединения при поддержке стянутого к Майнгу почти всего воздушного флота. Из цехов сразу выдвигались к линии фронта новые машины — обшитые

броневыми листами фургоны с установленными картечницами и скорострельными орудиями, которые были гораздо совершеннее тех, что стояли на вооружении у северян. Чего стоил только узел ленточной подачи! Двести тяжелых пуль от винтовочных патронов вылетали из ствола менее чем за минуту, нагоняя на неприятеля страх и панику. Но пока еще таких орудий было мало, не хватало подготовленных расчетов, вследствие чего часто происходили поломки. Но слава об оружии и бронированных машинах из цехов господина Ренэ уже гремела по всему фронту. Из Латинга, из мастерских северо-восточного треста железных дорог вышла первая «скорлупа». Да, господин Тьетэ не стал упускать возможность заработать для треста и, взяв на вооружение идею Кинта, спроектировал бронированный вагон, закупил вооружение и укрепил броней паровоз. Первый бой «скорлупа» приняла, участвуя в наступлении на Мьент, после чего в мастерские поступил заказ из штаба армии на изготовление нескольких десятков таких вагонов...

На Северо-восточные холмы опускались сумерки. Пурга успокоилась, за день она намела приличные сугробы вдоль каменного забора фермы.

— Что будем делать, Толэ? — Микт с прищуром посмотрел на хозяина. — Ты же не собираешься оставаться и вступать в бой с армией аканцев?

— Микт, я еще не выжил из ума. — Толэ стоял на открытой веранде добротного каменного дома, некогда принадлежавшего хозяину фермы, и смотрел на закатное зарево. С юга ветер приносил звуки артиллерийской канонады и запах гари.

— Тогда надо быстрее что-то предпринимать... из отряда Рыжего Рея вчера снова сбежали пятеро бойцов, в моем отряде ребята ропщут...

— А ты на что?

— Расстрелы их не пугают, Толэ, их уже не пугает попасться разездам северян и оказаться в рабстве. Думаешь, до аканцев не дошли слухи о новом хозяине Северо-восточных холмов? Нам ведь не поздоровится...

— Хватит ныть! — крикнул Толэ. — Лучше пошли проверить дозоры! И до утра чтобы тихо было, мне надо подумать.

— Подумай, Толэ, подумай, — Микт сошел с веранды, отвязал коня и, вскочив в седло, уехал вниз по дороге.

Толэ проводил здоровяка взглядом, зло сплюнул ему вслед и вошел в дом, где закрылся в комнате, прихватил со стола начатую бутылъ шанта, уселся в глубокое плетеное кресло и погрузился в тяжелые раздумья. Судьба сыграла злую шутку — северяне отступают, на днях генерал Гар приказал единственному гарнизону, располагавшемуся в холмах, сниматься и отступить к Мьенту, где идут тяжелые бои, и, похоже, Мьент скоро падет под натиском аканцев. У Толэ были связи в бандах, действующих в предгорьях, от них тоже приходили нерадостные новости, например о том, что снова объявился отряд аканцев, рейдирующий по предгорьям и в горах севернее.

— Вот же дьявол! — вслух сказал Толэ и отпил из бутылки. — Более месяца не было слышно про них, вроде говорили, что этот отряд уничтожили на холме близ старого тракта... и поди ж ты, снова объявились, да еще и с артиллерией, как они по горам-то ее таскают за собой? Вот же дьявольское отродье!

Да, в последнее время утешительных новостей не поступало, мечта Толэ о маленькой, но собственной провинции таяла на глазах.

— Думай... думай... бывали ведь передряги и по... о небеса! — Толэ вскочил с кресла, осененный идеей, и, повернувшись к двери, крикнул: — Найдите Микта! Срочно ко мне его!

За дверью слышались удаляющиеся шаги. А Толэ, чему-то улыбаясь, стал прохаживаться от стены к стене, заложив руки за спину, а затем подошел к столу, выкрутил фитиль светильника и развернул карту предгорий, сметя со столешницы на пол посуду и прочую мелочь.

— Что-то подходящее у нас тут севернее было...

В дверь постучали спустя полчаса.

— Чего так долго?

— Так сам же приказал дозоры проверить, — удивился Микт, — что случилось-то?

— Хочешь стать героем войны за освобождение терратоса Аканов?

— Ты чего, хозяин? — Микт с недоверием посмотрел на Толэ. — Шанта перебрал?

— Ну, не хочешь героем... — Толэ подошел к столу и ткнул пальцем в карту: — Иди сюда, знаешь, что здесь?

— Эм... — высунув язык из уголка рта и чуть наклонив голову, Микт силился понять топографическую загадку, карт он читать не умел, — горы какие-то.

— Тут кругом горы, идиот! Это медный рудник, а рядом лагерь каторжан.

— И?

— Возьми людей, немного, звено, мундиры не забудьте напялить, взять выпел северян и прихватите по дороге из деревни пару девок...

— Зачем?

— Продадите их в рабство...

— Толэ, — Микт уже ничего не понимал, — ты же запретил трогать людей... ну, там, подати и прочее.

— Забудь про подати, у нас не более двух дней, как сюда придут аканцы, а эта деревенщина сразу укажет на тебя пальцем.

— Это понятно, — почесал затылок Микт, — так, а что толку-то с пары девок? Давай я с ребятами всю деревню к руднику и сгоню.

— Мне это не нужно, мне нужно, чтобы ты покрутился у рудника, выяснил количество северян, подходы к лагерю с рабами...

— Толэ! — наконец дошло до Микта. — Ты снова всех перехитришь! Мы разгромим охрану рудника и освободим рабов? И вроде как герои?

— Ты почти угадал, а с героями погорячился. Рабов мы освобождать не будем, среди них наверняка найдется тот, кто знает про наши дела и нашу службу северянам... Ты мне, главное, все разузнай подробно про лагерь, про рудник и возвращайся.

— Сейчас?

— Да, дьявол тебя возьми! Сейчас! У нас не так много времени, и сообщи всем нашим, чтобы собирались к походу и готовились к бою.

— Понял, господин Толэ, — улыбнулся Микт и переиграл с поклоном.

— Хватит уже! И вот еще, где эти двое, что были ранены в стычке с кочевниками?

— Отсыпаются, раны пустяковые, больше выли, как девки сопливые.

— Они мне тоже будут нужны, отправишь их ко мне.

— Сейчас?

— Да! Мне нужно их подготовить, разъяснить все, ума у них... сам знаешь.

Микт удалился, а Толэ уселся на стол, снова приложился к бутылки, закрыл глаза и погрузился в обдумывание созревшего плана. Он улыбался, это состояние

ему знакомо, он в очередной раз готовился поспорить с судьбой и снова оказаться в выигрыше.

Вечером следующего дня банда Толэ, состоявшая из двухсот бойцов, остановилась на привал в чаще леса, на склоне холма у дороги, а за поворотом, через полчаса езды находился рудник, за которым, притаившись в хвойнике, наблюдали двое...

— Эх, — с досадой тихо произнес один, — жаль, сами девок не попробовали, теперь вон, слышишь, как красномундирники веселятся?

— Все бы тебе про девок... — Микт покосился на бывшего каторжанина с редкими желтыми зубами. — О, караул сменился. Все, отползаем, и тихо...

Караульный в будке, у забора, затянутого проволокой, скинул с плеча винтовку и присмотрелся к силуэтам на дороге.

— Опять вы? — крикнул он.

— Да, — соскочив с коня, ответил Микт и отвязал от седла веревку, которой были связаны двое плетущихся оборванцев, к тому же раненых, — это дезертиры, из наших...

— Да мне все равно, кто это... рабы и все, сейчас позову капитана. — Караульный повернулся к Микту спиной, чтобы дернуть за шнур и вызвать кого-нибудь из караулки, в которой в самом разгаре шло веселье, и тут же получил удар трехгранным штыком в спину.

Из-за деревьев со склона к руднику побежали люди Толэ, окружили караулку и еще два ветхихдомишки рядом с рудником, в котором, собственно, и содержались рабы. Вскинув оружие, люди Толэ ворвались в караулку и дома, одновременно началась частая стрельба, а через пару минут все было кончено. На территорию рудника въехал Толэ.

— Вытаскиваете всех наружу, и оружие прихватите, — скомандовал он.

— С рабами что?

— Пока ничего, вытаскивайте.

Полтора десятка трупов северян были уложены у караулки, а еще пять у рудника.

— У тех, что у рудника, не должно быть оружия, — не спешиваясь, продолжал командовать Толэ, — тому у вагонетки голову проломите киркой, и тому у стены...

Когда трупы северян были уложены так, как требовал план Толэ, из рудника вывели пятерых рабов, застрелили их, вложили в руки револьверы и винтовки и тоже растащили по территории, остальных рабов загнали в караулку и дома, которые потом подожгли.

— Все помните? — Толэ наклонился и спросил у двоих, которых привел с собой Микт.

— Да, господин Толэ.

— Микт, скажи ребятам, пусть отделают их немного и в руднике закроют, еды, воды им оставьте да одежды теплой...

На следующее утро, еще на рассвете, нападению подвергся небольшой гарнизон северян, где были в основном фуражиры и раненные в боях под Мьентом пехотинцы, ожидавшие обоза в тыл. Банда Толэ въехала в гарнизон под вымпелом северян, а потом, тихо убив ничего не подозревающих бойцов из охранения гарнизона, стали убивать спящих северян. К концу этой кровавой бойни Толэ приказал театрально пострелять, выкрикивая лозунги во славу терратоса Аканов, зная привычку красномундирников на ночь закрывать местных из прислуги в подвалах домов. Собрав трофеи, бандиты ушли на север, освободив немногочисленных жителей деревушки из подвалов.

Глава двадцать седьмая

Этим весенним утром Кинт проснулся сам, не дождавшись Сарта, которого снова взял себе в адъютанты. Сделал он это по двум причинам: во-первых, расчет скорострельного орудия за первый месяц северного похода несколько раз побывал в серьезных переделках, и Кинт, хоть и не показывал вида, но очень переживал за жизнь юноши, которого сам вывел на этот путь в жизни и к которому привязался. Во-вторых, Сарт был очень шустрый и сообразительный парень, иногда и приказ озвучивать не приходилось, Сарт все понимал, именно такой помощник в управлении отрядом и нужен был Кинту.

А командиру горной армии нездоровилось последние две недели. Во время перехода к новой стоянке лошадь провалилась под лед реки в ущелье, Кинт промок и буквально на следующий день о себе напомнили ранения в грудь. Донимали жар и кашель, Кинт с трудом перенес этот переход, и как только на берегу Черной речки разбили лагерь, хворь свалила его окончательно. Лекарь отряда сделал все, чтобы поднять командира на ноги, и двухнедельный прием горьких настоев и порошков наконец-то подействовал.

Кинт проснулся еще до рассвета, уже привычными движениями проверил сначала один пистолет под мышкой, потом другой и уселся в некое подобии кровати из жердей, заброшенных парусиной, опустив босые ноги на волчью шкуру. На пне рядом еле горел фитиль лампы, Кинт выкрутил его, осветив просторную палатку, которая служила ему и Сарту домом, а также здесь проходили штабные совещания. Кинт обулся и зазвенел поясом с ножнами палаша и револьверной кобурой, на что одновременно с подскочившим Сартom в палатку

заглянул караульный снаружи. Отодвинув полог, он зыркнул глазами по углам палатки, на Кинта и, убедившись что все в порядке, снова исчез.

— Легче? — шустро наматывая портянки, спросил Сарт.

— Гораздо, — ответил Кинт, обулся и, выходя из палатки, добавил: — Подбрось хвороста, воды согреть...

— Хорошо, Кинт, — обувшись, ответил Сарт.

Когда нет посторонних, Кинт вроде как не замечал нарушения устава Сартom и позволял так обращаться к командиру, которого парень давно считал старшим братом, наставником, учителем. Отойдя в кусты, рядом с которыми стали проявляться проталины, Кинт осмотрел лагерь... Прошлой осенью именно в это ущелье Григо привел дюжину бойцов во главе с Кинтом, и вот они снова здесь, только дюжин уже пятьдесят, а отряд Кинта уже три месяца наводит страх на отступающие войска северян, которые все сильнее жмутся к перевалам и спешно укрепляют подступы к Теку, надеясь остановить продвижение аканцев и закрепиться на северном тракте. Северяне, собрав значительные силы в Теке, теперь спешно превращали некогда разрушенный ими же город в неприступную крепость. Несколько групп кавалерии горной армии, при поддержке пехотинцев, grenадеров и артиллеристов, еще месяц назад заняли высоты над тропами на перевалах и стали большой проблемой для северян. Но самой большой проблемой стало зенитное орудие, которое жандармы Кинта маскировали в горах, и, сбив очередной дирижабль или скревер, растворялись в лесах на склонах. А потом снова несколько выстрелов — и тяжелый транспортник терпит крушение. Отряд Кинта хорошо снабжался, регулярно, предварительно обменявшись телеграммами со штабом, группа трофейщиков с кавалеристами Ракэ уходила встречать

«посылки» — большие тюки, которые сбрасывали по ночам с транспортного дирижабля. Не всегда это проходило гладко, бывало, что и скреверы северян сбивали долгожданный дирижабль, доставлявший груз с провизией для горной армии, а потом скреверы северян принимались обстреливать жандармов Кинта... всякое было, большие и малые потери, тяжелые, но удачные рейды... и горы. Холодные, суровые горы севера терратоса, гиблое место, как говорил капитан Брэтз, хотя все так говорили, что отчасти было правдой. Север терратоса могли понять и приспособиться к жизни здесь исключительно сильные духом люди, ну, или те, кому просто больше некуда податься, но последние здесь долго не жили. Заснеженные горные тропы, на которых и люди, и кони ломали ноги, срывались в пропасть. Но чем дольше горная армия пребывала здесь, тем больше находилось сил драться, приспособливаться и вести свою, горную войну. В местах, где невозможно действовать крупными соединениями, куда невозможно затащить тяжелые орудия, где не пустить в карьер коней для кавалерийской атаки, а лишь пролежав сутки на склоне, в снегах, на ветру, дожидаться противника и застать его врасплох, только так здесь можно добиться успеха в бою...

— Локт приехал? — вернувшись в палатку, спросил Кинт и, ломая хворост, стал помогать Сарту разводить огонь.

— Да, за полночь вернулись, ты спал уже.

— Я же просил...

— Виноват.

— Беги, разбуди его, я сам кипятком займусь.

— Ну вот, совсем другое дело, господин капитан, — спустя несколько минут Локт вошел в палатку и за руку поздоровался с Кинтом, — когда уезжал, вид у тебя был еще тот.

— С моими дырками простывать нельзя... ну, докладывай.

— Все перевалы на два дня пути под наблюдением, за фортом присматривать тоже оставил бойцов... стену там так и не восстановили толком, внутри в основном торгаши, обозники, красномундирников мало.

— Людей хватает?

— Не хватает, к Теку сам ходил, один.

— Я распоряжусь, отберешь себе из гренадеров самых сообразительных, все равно гранат осталось немного, а ребята смелые, отчаянные.

— Кинт, я лучше из фуражиров кого возьму, есть пара человек на примете, а гренадеров... они же неповоротливы и огромны, как памятник Таргалу-объединителю на столичной площади... а мне надо, чтобы тихо и незаметно.

— Ты же не был в столице.

— Так ты же рассказывал.

— Хорошо, отберешь сам, кого считаешь нужными, что дальше?

— В низинах реки вскрылись, пробираться трудно, еще немного — и по северному тракту можно будет проехать большой колонной, весна заканчивается.

— Ну, а что делать, из штаба пока никаких дополнительных распоряжений не было, поэтому будем продолжать рейды малыми отрядами, но, чувствую, скоро будут.

— Я тут с фермером одним поговорил, к западу отсюда, говорит, что есть еще какой-то отряд, пара сотен штыков наберется, северян громят, на гарнизоны нападают.

— Хм... кто же это?

— Люди говорят, какие-то рабы бежавшие, но воюют хорошо, смело, много кого освободили по предгоям.

— Интересно, — задумался Кинт, — надо в штаб телеграфировать... А вообще, хорошо бы найти их.

— Да, я тоже так подумал.

— Ладно, давай завтракать, а ты соображай, как этого неожиданно объявившегося союзника отыскать.

— Отыщется, — Локт отломил предложенную Кинтом лепешку и кивком поблагодарил Сарта за кружку горячего травяного чая, — мои ребята увидят — общат.

— Хорошо бы, двести штыков не лишние, так можно попробовать и форт штурмом взять, тогда северяне в Теке и останутся в ловушке... посчитал?

— Много их, Кинт, похоже, со всего северо-восточного фронта туда стянулись, круглые сутки пилы да топоры слышно... готовятся. Есть артиллерия, пехоты много, не менее пяти тысяч штыков, да и кавалерия меньше чем полусотней теперь в разъезды не выезжают, в основном вдоль хребта, на перевал не лезут, — хмыкнул Локт, — напугали мы их хорошенько в прошлый раз, еще и дирижабль сбили.

— Много это хорошо, большой армии нужно много еды... Позиции с юга удалось рассмотреть?

— Нет, там место открытое, никак не подобраться, так, издали в трубу изучал — зарылись они там прилично.

— Позавтракаешь, напишешь все, будем телеграфировать.

Весенняя распутица не давала армии терратоса быстро продвигаться на север. Мощенный булыжником северный торговый тракт не мог значительно ускорить передвижение — отступая, северяне уничтожали мосты через многочисленные реки предгорий, армия шла проселками, повозки, садясь на ось, застревали на полколеса, лошади и солдаты быстро уставали, передвигаясь

по глиняной каше. Но, несмотря на трудности, армия шла вперед. В Латинге получили телеграмму от Кинта, в которой он сообщал об обстановке близ Тека, а также подробно изложил результаты разведки. Командование обнадеежил тот факт, что северный форт почти не охраняется северянами, а на его территории устроен рынок рабов. Захлопнуть северян в ловушке, захватив форт, и тем самым перерезать любое перемещение по тракту — очень заманчивый вариант. Главное, своевременный, так как скоро очистится от снегов перевал, и северяне смогут получать пополнение, провиант и боеприпасы в гораздо большем количестве, чем они это делают дирижаблями, да и воздушный флот терратоса Аканов, давно господствующий в воздухе, уже неоднократно сбивал тяжелые транспортники.

— Ну, и что же было дальше? — Полковник Морес внимательно изучал доставленного на допрос беглого каторжанина, найденного солдатами в одном из рудников, где им предстала картина жестокого боя.

— Толэ всегда подбадривал нас, не давал впасть в отчаяние, — мямлил освобожденный из рудника, — а потом он собрал тех, у кого еще были силы, и они напали на охрану, был бой, но куда там... силы неравны. Северяне сыты, вооружены, а мы...

— И многим удалось спастись?

— Толэ и еще человек пятьдесят смогли прорваться, я был ранен, лежал под вагонеткой, все видел. Потом северяне отправились в погоню, а я и приятель мой, тоже раненный в этом бою, смогли заползти в рудник и спрятаться.

— А кто в сожженных домах?

— Я не видел, только слышал, как прибыл отряд северян и всех рабов согнали в дома, а дома подожгли...

— Значит, вы думаете, что Толэ смог оторваться от преследователей?

— Наверняка!

— Что-то еще знаете про него?

— Про Толэ-то?

— Да.

— Ну... умный, видно, что из аристократов, как он попал в плен, неизвестно.

— Из аристократов?

— Да, даже полное имя у него, эм... Артолэк... эм... нет, дальше не помню.

— Понятно, — ответил Морес, сделав запись в своей тетради.

— Господин полковник, а меня что, опять на ка-
торгу?

— Нет, что вы. Сначала в лазарет, а потом переправят вас в Латинг. Указом временного правительства все преступники, которые не бросились мародерствовать, а воюют за терратос, заслуживают прощения... Так было всегда.

— Спасибо, господин полковник.

— Мастер-жандарм! — громко позвал Морес жандарма из-за двери, и когда тот вошел и вытянулся, ожидая приказа, распорядился: — Возьмешь второго и отвезешь их в лазарет, эту бумагу отдашь капитану Нотту в канцелярию.

— Так есть!

Оставшись в кабинете один, Морес еще раз внимательно перечитал записи допроса двух бывших каторжан, все было вроде гладко и не вызывало подозрений, но вот это имя — Артолэк, не давало покоя. Морес закурил свою трубку с длинным мундштуком и, пыхтя в потолок в такт шагам, стал прохаживаться из угла в угол.

Адъютант постучал, а потом просунул в проем двери голову:

— Господин полковник, вам телеграмма из Актура, от вашей сестры.

— Давай, — ответил Морес и взял бумагу, протянутую адъютантом, низкого роста, но широкоплечим и проворным парнем.

Полковник хотел начать читать телеграмму, но, замерев, произнес:

— Актур... Парламент... Артолэк... Точно! — Морес бросился к своему старому кожаному саквоюжу и достал из него связку из нескольких тетрадей, перетянутых бечевкой, перебрал их, взял в руки одну и, листая страницы, начал что-то искать. — А ведь верно, так и есть... Дьявол! И что теперь с этим делать?

Забыв про телеграмму от сестры, Морес опустил на стул, некоторое время подумал, макнул перо в чернильницу и начал быстро писать.

Глава двадцать восьмая

Кинт закинул и закрепил на лошади седельные сумки, поправил лямки ранца и чехол карабина за спиной.

— Вроде все, — сказал он вслух и осмотрел лагерь.

Со стороны реки, где вдоль берега выстроилась колонна кавалерии, подъехал Ракэ.

— Все готовы, — доложил Ракэ.

— С Заром сколько отправил?

— Полусотню.

— Хорошо, тогда поехали, дотемна надо быть на старом посту и помочь мортирщикам закрепиться на скалах, — сказал Кинт и вскочил на лошадь.

Его примеру последовал Сарт, который закончил возиться с выюками. Выехав к берегу, Кинт увидел, как далеко впереди по горной тропе поднимается отряд артиллеристов и сопровождающие его всадники Ракэ. Кинт жестом приказал начать движение колонне, а сам мысленно еще раз вспомнил текст телеграммы, которую накануне расшифровал и принес Болье: «...занять перевал и пресекать любое передвижение противника по северному тракту, отбить северный форт и сразу телеграфировать, в этом случае вам сразу будет отправлено подкрепление и боеприпасы. Найти отряд, о котором вы докладывали, принять в состав корпуса и сопроводить форт на усиление обороны. Остаться в северном форте до особого распоряжения и пресекать любые попытки противника продвигаться как на север, из Тека, так и на юг...»

— Похоже, опять затевается что-то крупное, — подумал вслух Кинт.

— Давно пора, — оглянулся и пробасил Ракэ впереди.

— Будет штурм Тека, наша армия уже близко, Локт говорил, что на вершине южного хребта хорошо слышна непрекращающаяся канонада, а в небе, чуть рассветает — идут бои механических птиц.

Подниматься по тропам, на которых еще лежит снег, было тяжело, половину пути лошадей вели в поводу, помогая им взбираться вверх. Артиллеристам пришлось тяжелее всего — чтобы сберечь лошадей, им пришлось самим нести лафеты, выюки со стволами и боеприпасами. Переход был недолгий, но тяжелый, и когда над перевалом уже начали опускаться сумерки, передовой отряд разведки поднялся на торговый тракт и вышел к старому посту в скальной нише. Но это было еще не все, теперь предстояло затащить на скалы, выше тракта,

орудия. В тусклом свете фонарей бойцы, обливаясь потом, тянули веревки с привязанными вьюками, затем собирали орудия и выкладывали каменные брустверы. Только под утро, путем невероятных усилий, на перевале размесились две сотни бойцов и четыре орудия — две мортиры и две картечницы.

— Ну все, Ракэ, ты остаешься здесь за командира, — сказал Кинт и, проломив кулаком наст, зачерпнул со склона чистый снег и утолил жажду, — хоть еще лежит снег, но на санях и верхом, думаю, уже можно передвигаться по перевалу, да и разведчики доложили о следах на дороге.

— Перевал мы надежно заперли. — Ракэ был без бушлата и от его спины вверх поднимался пар.

— Охранение обязательно на соседних высотах оставь, мало ли, может, и кочевники объявятся.

— Так есть, — кивнул Ракэ, взял со старого потрескавшегося бревна коновязи у поста бушлат и накинул на плечи, — тебе тоже удачи там, в форту... и вот еще что... держи. — Ракэ протянул Кинту длинные и узкие ножны с клинком. — Это мне капитан Агис на десятилетие службы в Степном форте подарил, а ему предыдущий капитан форта, этому клинку более трехсот лет.

— Ты чего, — Кинт поднял с земли фонарь и посмотрел на лицо Ракэ, — это что еще за настроение?

— Бери, — Ракэ вложил в руку Кинту ножны, а глаза, которыми он смотрел на Кинта, были полны тоски, — не возьмешь — обидишь.

— Спасибо... — Засунув ножны за голенище сапога, Кинт похлопал по плечу Ракэ, пристально глядя в глаза. — До встречи, займем форт, я пришлю вестового.

Кинт повел две трети отряда вниз, на север, а Ракэ, провожая друга взглядом, подумал: «Пусть хранят тебя

небеса», затем повернулся бойцам у поста и громко скомандовал:

— Отвести лошадей вниз по склону! Караульное звено, ко мне!

Стоило отряду спуститься по серпантину с перевала в небольшую узкую долину, в середине которой возвышались древние каменные стены северного форта, как сразу заметно потеплело. Снега на тракте почти не было, только в канавах по обе стороны дороги да в лесу, где его не так застает тепло весеннего солнца. Перед поворотом, за которым отряд смогут увидеть караульные форта, если таковые имеются, отряд свернул вправо, к старой ферме за небольшим холмом.

— Днем не подберемся, — веткой помешивая чай в медной кружке, сказал Кинт.

Отряд остановился на стоянку в редком подлеске на противоположном от форта склоне холма, и Кинт сразу же собрал командиров.

— Да, днем бесполезно, — согласно кивнул Локт, — со стен форта все отлично просматривается на сотни шагов... сам сколько раз в карауле стоял.

— Тогда ждем сумерек, всем готовиться, громко не разговаривать, обозникам больше костры не жечь, не курить. Никто не должен знать, что мы здесь. И вот еще что, Зар...

— Да, господин капитан.

— К вечеру, все орудия собрать, лошадей запрячь в лафеты. Артиллерия на штурм не идет, ждете здесь, если все пройдет удачно, пришлю вестового. Если нет — уходите на перевал к Ракэ, понятно?

— Так есть.

— А если кто на перевал поедет? — спросил командир сотни пехотинцев, капитан Фьен, умелый и отчаянный вояка.

— Значит, судьба. — Кинт достал из кисета щепотку табака и, разминая его пальцами, понюхал, сделав глубокий вдох. — Ракэ не сойдет с того места, пока не будет приказа, а нам бесполезно днем пытаться штурмовать форт... Я здесь вокруг все объехал с патрулями за два года, в открытую к форту не подобраться.

— Верно, — подтвердил Локт.

— Так солдат северян немного, — не унимался капитан Фьен.

— Находясь на стенах, много и не надо, два десятка умелых стрелков проредят наш отряд так, что до стен доберется от силы половина, в северной башне картечица, перекатить ее на южную стену — дело пяти минут... Глупые потери. Все, ждем темноты... Локт, подбери десять человек, на закате с ними ко мне.

— Так есть.

После молниеносного вторжения и последовавшего за ним успешного захвата предгорий Северный форт стал своего рода большим постоянным двором. Кого тут только не было: и работоторговцы, и колонисты, обнадеженные наделами земли на южных территориях. Солдаты и офицеры, следовавшие к фронту и обратно. Гарнизон в форте, конечно, стоял, но это было одно название — полсотни солдат и звено кавалерии, периодически покидающие форт на разъезды, не в счет...

— Забраться будет тяжело, — сказал Локт, глядя на пролом в стене форта, который остался после того, как были взорваны казематы арсенала.

Пролом частично заложили камнем и соорудили деревянную башенку для караульного. Десяток бойцов во главе с Кинтом затаился в голом, но плотном кустарнике, который не вырезают со времен упразднения дорожной жандармерии, и он пышно разросся на валу. Луна, периодически выплывая из-за облаков, тускло

освещает долину, бойцы распластались в мерзлой грязи и ждут команды.

— Ну что, помнишь, как в окна забираться к толстосумам? — Кинт пихнул в плечо Сарта.

— Кинт... — с ноткой обиды прошептал Сарт.

— Забыл?

— Нет!

— Тогда лезь! Смотровое окно видишь?

— Да.

— Попроберешься вовнутрь,крепишь веревку, — строго приказал Кинт.

— Так есть, — подчинился Сарт, скинул с себя ранец и карабин, взял протянутый Кинтом моток веревки с завязанными через два локтя узлами и перебежал под стену.

Ловко цепляясь руками за выступы каменной кладки, Сарт взобрался по стене у пролома, двое караульных северян, некоторое время постояв на деревянной башенке, пошли по стене. Едва не сорвавшись вниз — подвела мокрая глина на сапогах, Сарт успел зацепиться за каменный выступ, подтянулся, некоторое время повисел, осматриваясь, а затем юркнул в смотровое окно. Через минуту вниз полетела веревка. Первым за ее конец ухватился Кинт, перебирая руками и упираясь ногами в стену, он полез вверх. Через некоторое время весь отряд собрался в небольшой комнатушке, заваленной мешками с углем и вязанками дров и хвороста.

— Локт, на тебе караульные и чтобы тихо! — шепотом приказал Кинт, достав из-за голенища нож, что подарил Ракэ. — Остальные за мной, встречаемся у башни ворот.

— Так есть, — прошептал в ответ Локт и, вооружившись штыком, начал красться по стене, за ним так же тихо пошли еще трое бойцов.

Спустя некоторое время лазутчики собрались в башне у ворот.

— Сколько у тебя? — спросил Кинт, вытерев о штанину убитого караульного клинок.

— Четверо, — ответил Локт, — остальные в старой казарме.

— Хорошо, бери всех и в казарму, постарайся без шума, потом рассредоточиться по форту и наблюдать за выходами из казематов... Сарт, за мной.

Сначала тяжелая чугунная решетка поползла вверх, приводимая в движение системой лебедок и блоков, а потом были открыты толстые ворота форта. Встав под аркой ворот, Локт несколько раз чиркнул масляным огнивом и поджег два факела, закрепленных на стене, после чего сотня кавалерии и сотня пехоты ворвались в форт. Захват всего форта длился меньше часа, все северяне, что не имели отношения к армии, были согнаны в подвалы и заперты там. С солдатами же не церемонились, оставив в живых лишь двух офицеров, которых рабскими кандалами приковали к большой каменной поилке у коновязи рядом с казармой. В подвалах обнаружили и рабы, которые сразу же были освобождены.

Дождавшись рассвета, Кинт собрал командиров в небольшом зале, где когда-то был кабинет капитана Брэтэ.

— Капитан Фьен, оставайтесь командовать фортом, — говорил Кинт, проверяя содержимое своего ранца, — и пошлите пару вестовых к посту, сообщить Ракэ о захвате форта.

— Так есть, — кивнул Фьен.

— Болье, собирайте телеграф, сообщите в штаб о выполнении приказа и пусть высылают обещанное подкрепление. Локт, останься, остальные свободны,

готовьте форт к бою, а мне надо выехать из отряда на пару дней, вместо меня остается капитан Фьен.

Разведчики Локта вернулись с поискового задания накануне захвата форта, доложив, что удалось встретиться с дозорными из отряда союзников. Некий Толэ был готов встретиться и пригласил командование горной армии в свой лагерь.

— Ехать-то далеко? — обернулся Кинт и спросил у едущего позади разведчика.

— За перевалом, — кивнул разведчик на еще покрытый снегом хребет, — там гряда низких гор и...

— ...и пещеры, — продолжил за него Кинт, — помню, помню... а ты, Локт?

— Да уж, тот поход к пещерам полностью изменил мое отношение к мастеру-жандарму Кинту Акану...

— Это как? — Кинт даже коня придержал.

— Ну... — заулыбался Локт, — поговаривали, что звеньевой наш немного не в себе, а после того похода я в этом убедился и понял, что второй сумасшедший в северном форте после капитана Брэтэ это наш звеньевой.

Кинт скупно улыбнулся, а Локт тихо засмеялся.

— Наш капитан умер достойно, — вздохнул Кинт, — нам нужно будет обязательно вернуться на тот холм.

— Вернемся, Кинт, обязательно вернемся...

Кинт, Локт, Сарт и еще трое разведчиков, когда уже стемнело, поднялись на хребет.

— Привал. — Кинт соскочил с коня. — Уже ощутимо холодно, те ручьи, что текут через тропу, вот-вот замерзнут, спускаться будет опасно. Остановимся в тех камнях. Сарт, занимайся ужином.

— Так есть!

К вечеру служба в форту уже была налажена, на стенах установлены орудия, удвоенные посты несли

караул, а обозники приготовили роскошный горячий ужин для всего отряда...

— Господин капитан! — Без стука Болье влетел в кабинет к Фьенту. — Телеграмма от полковника Мореса... Капитан Кинт... он...

— Чего ты заикаешься? Что там? — Фьент сам моментально почувствовал тревогу, переданную эмоциями телеграфиста, подошел и прочитал расшифрованный текст...

— Догнать не успеем, — опустил голову Болье, — неизвестно же, какими тропами они поехали.

— К дьяволу! Остались же следы! — Фьент смял в руке бумагу, до хруста в костях. — Бегом! Гренадеров и парней Локта из разведки ко мне!

— Так есть! — Болье, едва ли не растянувшись через порог, побежал по коридору.

Глава двадцать девятая

В Пещерной пади, как ее называют местные, в двух днях пути на запад от форта около столетия назад были соляные копи. Но из-за частых набегов кочевников плохо контролируемая терратосом местность была забыта даже самыми жадными копателями, только гораздо южнее сохранилась старая дорога, по которой на свой страх и риск местные наведываются за солью. По той же старой дороге часто водят караваны контрабандисты, а после упразднения дорожной жандармерии немногочисленные жители этих мест стали сами себе законом. Не все пещеры были богаты солью, в некоторых, совсем маленьких и выше в горах, хищные звери часто устраивали свои логова, в других, что побольше, находили пристанище и укрытие кочевники, оставляя множество

коварных ловушек для особо пытливых и любопытных. Опасное, одним словом, место и почти нетронутое войной.

— Хорошее место выбрал для отряда этот Толэ, — сказал Локт, когда уже закончили ужинать и, выставив охранение, приготовились спать.

— Да, только далековато до позиций северян, — лежа на подстилке из тонких реек, перетянутых шнуром из шкур, сказал Кинт. — Странно, что раньше мы ничего об этом отряде не слышали...

— Не до того нам было, Кинт, вообще следов по предгорьям было достаточно, мало ли, мы-то все на банды списывали да на разъезды северян.

— А что за история с этими пещерами? — дождавшись паузы в диалоге, спросил Сарт Локта.

— Ты не рассказывал?

— Нет, Локт, — глядя в звездное небо, ответил Кинт, — не рассказывал.

— Ну, слушай, — Локт присел на подстилку, — я прослужил чуть больше года, то в одном звене в патрулирование ходил, то в другом... нигде не прижился, старые жандармы не особо жаловали, да делишки свои у них были, в общем, причины, из-за которых я начал сожалеть о том, что поступил на службу в дорожную жандармерию. А родом-то я из небольшой деревушки к востоку от Тэка, выбора особо не было, или в дорожную жандармерию, или в городовые, или как наш друг, Ян Григо — в контрабандисты.

— Ты же не старей, — сказал Сарт и спрятал глаза от Кинта, потому как тот отреагировал и поднял голову с подстилки, — ну... то есть немного моложе Кинта... ну, то есть...

— Понял, Локт? Вот так, я уже и старей, — хмыкнул Кинт и снова улегся.

— Я не это хотел сказать...

— Ладно, — Локт мягко ткнул Сарта кулаком в плечо, — я понял, что ты хотел сказать. Просто к семнадцати я был призван, на западе терратоса армия заканчивала с непокорными племенами. Пока полгода в кавалерийском корпусе, на курсантских курсах, пока переброска полка на запад, в общем, отгремели последние выстрелы той войны. Монарху уже не нужна была такая большая армия, и мне предложили службу в корпусе охраны дорог, ну я и согласился, а что, приличное жалованье, по завершению службы так вообще, в наших-то краях, я был бы просто богачом... А тут вдруг переводом из степного форта к нам прибывает мастер-жандарм Твиз, грустный парень, ищущий смерти.

— Твиз? А кто это?

Локт кивнул на уже спящего Кинта и, понизив голос, сказал:

— Там какая-то темная история... Кинт прибыл служить в форт под чужим именем, очень быстро заслужил право командовать звеном, да и вообще, он был единственным, кого капитан Брэтэ не обещал пристрелить за все время службы. Вот к нему в звено я и попросился, о чем не жалею, все, что умею — это его наука, за два года Кинт сделал из меня настоящего дорожного жандарма... А потом раз — и кончилась монархия, я в городские, а Кинт... это уже другая история, которую, если позволят небеса, тебе расскажет кто-нибудь другой. Давай спать, Сарт, завтра трудный спуск.

Спуск был действительно трудным, лед на тропе сильно замедлял путь, лошадей приходилось придерживать, но все обошлось, и к полудню все благополучно спустились в Пещерную падь. На каменистом берегу быстрой горной речки стоял дозорный пост отряда Толэ. Заметив вымпел армии терратоса, который держал

в руке на невысоком древке едущий впереди разведчик, один из дозорных приветственно поднял руку.

— Наконец-то, — сказал боевого вида парень с двумя револьверами на поясе, — вестовой от господина Толэ уже с вечера тут с нами, вас ждет.

«Господина? Уже интересно», — подумал Кинт и сказал:

— Тогда пусть показывает дорогу.

— Эй, Садье! — крикнул дозорный. — Вылезай и проводи гостей к командиру.

Вдоль русла проехали еще примерно час, потом свернули в хвойный лес на склоне и оказались в лагере немалого отряда. Бегло окинув взглядом лагерь, Кинт оценил, что отряд насчитывает порядка двухсот человек, но поведение, разговоры, лица и взгляды сразу дали понять, что это обыкновенная банда, в основном из беглых каторжан, решивших, воюя с северянами, искупить вину перед терратосом. «Что ж, это давняя традиция терратоса, беда объединяет людей, даже таких, и им все прощают», — снова подумал Кинт и отчего-то, сначала расстегнув пуговицы бушлата до пояса, просунул одну руку под бушлат, потом вторую, проверив пистолеты в кобурах.

— Да, в этих местах с погодой не договоришься... ночью мороз, днем жарко становится в зимнем-то обмундировании, — заметил движения Кинта вестовой.

— Точно, — кивнул Кинт, — а вы, я смотрю, неплохо одеты, да и вооружение...

— В основном трофейное, все с боя взято.

— Похвально, далеко еще?

— Нет, вон шалаш у оврага... Кто главный-то, ты?

— Угу...

Подъехав к приличного размера шалашу, все спешили. Кинт заметил, что бойцы отряда Толэ не очень-то

опасаются — громко разговаривают, жгут костры, что-то пьют, и явно не травяной чай.

— Ну, вы пока тут побудьте, — обратился вестовой к бойцам Кинта, — а я провожу вашего командира к нашему.

Кинт похлопал по притороченному к седлу чехлу с карабином, отходя от лошади, тем самым подав сигнал Локту — не расслабляться.

— Как представить-то? — спросил вестовой Кинта.

— Командующий горной армией терратоса, капитан Кинт Акан.

— Ну, пойдем. — Вестовой откинул шкуру входного проема и нырнул в шалаш, Кинт медленно вошел, пока его громко представлял провожатый.

Оказавшись внутри и встретившись взглядом с человеком, сидящим за большим сундуком, выполняющим роль стола у кострища в середине палатки, Кинт замер, от пят до макушки его пробрала дрожь, кровь в жилах закипела, и, казалось, он вот-вот сломает себе зубы — так сильно он сжал челюсть.

— Хорошо, — не выразив ни одной эмоции, Толэ встал, и сказал вестовому: — Иди, позови Микта.

— Слушаюсь, господин Толэ, — несколько театрально ответил вестовой, развернулся и шмыгнул наружу.

— Очень, очень забавны игры небес, правда? — сказал Толэ и улыбнулся. — Я ведь знаю тебя...

— О да. — Кинт был готов броситься вперед и голыми руками рвать человека напротив.

— Только... — Толэ потер виски. — Ммм... Вакт! Точно, тогда тебя звали Вакт.

— А вы Артолэк, или для друзей вы просто Арк, верно?

— Забавно. — Арк шагнул к жерди, на суке которой висел пояс с кобурой. — А вот Кинт Акан мне помнится совсем по другим событиям.

— Еще шаг — и я выстрелю, — сказал Кинт и, положив руку на рукоять, взвел курок револьвера.

— Что же нам делать? — Толэ остановился.

— Я пока еще не решил, господин... Арк.

— Это было давно. — Толэ ухмылялся, но стало заметно, что он нервничает.

— Настолько давно, что я почти забыл о том зле, что вы причинили близким мне людям... Я мог вас убить еще тогда, в Теке, но благодарите свою дочь... — Кинт сплюнул на землю.

— Что ты знаешь о ней? — переменился в лице Арк.

— Кое-что... и уверен, она будет не в восторге от правды про своего отца.

— Хозяин, звал? — вошел Микт и остановился у входа, вероятно, почувствовав, какое напряжение было внутри. — Ого, а что это тут?

— Иди к нему. — Кинт достал револьвер и указал стволом в сторону Арка.

— Ты сдурел, парень? Подожди, подожди... да я же тебя знаю!

— Я тебя тоже узнал, ты все время ошивался около Жорэ.

— Кинт, — снова сел у сундука Арк, — у меня здесь двести тридцать бойцов.

— С этим их шестеро, — хмуро глядя на Кинта, сказал Микт.

— Идет война, — Арк изобразил скорбное лицо, — терратосу нужны воины!

— Верно, воины, а не бандиты.

— Это в прошлом! Мы бежали из рабства, воевали с северянами...

— Замолчи! Я не верю ни единому твоему слову! — Кинт говорил тихо, почти шипел. — Ты даже не представляешь, чего мне стоит не выстрелить прямо сейчас. Ты, как тебя, Микт, сними кобуру, брось сюда, так, теперь ремень из штанов и вяжи им своего хозяина.

— Это глупо, Кинт! Ты же знаешь традиции терратоса — «прощение в битве и за пролитую кровь».

— Терратос вас, может, и простит, но не я... а крови — да, вы пролили много, но не своей.

— Трево... — Микт, придерживая штаны, бросился напролом в стену шалаша, но грохнул выстрел, и он упал замертво, оставив немалую дыру в стене из веток и сухой травы.

Арк тут же подскочил, и Кинт следующим выстрелом, почти в упор, разнес ему голову.

— За мной! — крикнул Кинт, выбежав через дыру и вскочив в седло.

Начался переполох, раздались выстрелы, один, другой, третий... один из разведчиков, сраженный наповал, вывалился из седла.

— Что слу...

— За мной! — прокричал Кинт и стеганул лошадь.

Казалось, погоня длится вечность, но прошла лишь дюжина минут. Почти весь отряд Толэ гнался за пятерыми всадниками вдоль русла реки. Заржав, лошадь Кинта подвернула ногу на каменистом берегу, кувыркнулась и выкинула седока из седла. Звуки выстрелов приближающейся погони, вот замертво свалился еще один парень из разведчиков, а его лошадь поскакала дальше.

— Забирайся! — подъехал Локт.

— Нет! — крикнул Кинт, хромая, бросился к своей лошади, выдернул карабин из чехла и перекинул через

плечо пояс с подсумками. — Локт, уведи Сарта, уходите! Быстрее!

— Кинт...

— Я прошу... ну же! Я приказываю! Уезжайте! Не смей перечить!

Играя желваками на скулах, Локт посмотрел на Кинта, отстегнул от седла свой патронташ с патронами к карабину и бросил ему.

— Так есть! Я скоро вернусь! — крикнул Локт, а потом приказал последнему из разведчиков: — Останешься с командиром!

— Спешиться! — приказал Кинт оставшемуся бойцу, — прикроем их отход!

Не задумываясь ни на секунду, боец соскочил с коня, схватив седельную сумку и карабин, но... он не успел добежать до большого камня на берегу, за которым уже присел Кинт и изготовился к стрельбе. Первые трое преследователей уже выскочили из-за поворота и открыли огонь.

— Да чтоб вас! Ржавый шомпол вам в бок! — После каждого выстрела, с бешеной скоростью откидывая затворную скобу, Кинт громко и бранно ругался, а бандиты, каждый, получив пулю, падали на камни. Показались еще преследователи, Кинт сделал два выстрела и бросился в лес, радуясь тому, что Локт и Сарт успели скрыться в чаще на противоположном берегу мелкой речки.

Вероятно, самые преданные Арку люди въехали в лес, желая догнать беглеца, остальные же, видя, как после каждого выстрела Кинта кто-то из них вываливается из седла, поумерили пыл и отстали. Во рту у Кинта пересохло, он на бегу сбросил с себя тяжелый бушлат, несколько раз падал, поскальзываясь на оттаивающей земле, меж деревьями мелькали всадники... Остановка,

выстрел и снова бежать, вот под ногами уже не земля а каменная осыпь — значит, близко скала... Заметив небольшую пещеру, Кинт выстрелил еще пару раз и, собрав все силы, бросился к спасительной темноте, а неглубоко забежав в пещеру, присел на колено и стал загонять патроны в трубчатый магазин карабина...

— Ну... давай... — Тяжело дыша, Кинт целился в силуэт.

Не доехав до входа в пещеру, преследователи открыли огонь в темноту, заставив Кинта рухнуть на камни...

— Гранаты! Были же две гранаты у кого-то! — донесся сквозь звук стрельбы чей-то мерзкий, пищущий голос. — Глуши его!

Чуть приподнявшись на локте, Кинт увидел, как, разбежавшись, один из бандитов метнул чугунную чушку в пещеру.

— Дьявол! Аааа...

Словно таракан, бросив карабин, Кинт стал перебирать руками и ногами, пятясь назад, в глубь пещеры, пули шлепались о стены, высекали каменную крошку, которая летела в лицо, что-то обожгло плечо... Но твердь оборвалась, и Кинт соскользнул вниз, в ледяную воду пещерного озера, вода над головой сомкнулась, обжигая холодом, Кинт не закрыл глаза, сначала он увидел вспышку, а потом глухой звук взрыва... Вот так, просто утонуть? Нет, его это не устраивало, и он уже хотел выплыть к месту, откуда свалился в воду, но вдруг увидел свет. Снизу, из-под воды он казался неким знаком, маяком... Кинт всплыл, жадно набрал полные легкие воздуха, и тут снова вспышка, взрыв, звон в ушах — и как молотом по голове... Замутненным взглядом увидев не менее пяти вбегающих силуэтов в арку пещеры, Кинт снова нырнул и поплыл к спасительному свету. Руки и ноги не слушались, к разуму начала подбираться

паника, а преследователи стали стрелять в воду, Кинт почувствовал удар в бедро, потом справа резануло по ребрам... боль, но Кинт уже был у цели — спасительного круга света, размером чуть меньше обычного деревенского колодца. Вынырнув, он громко вдохнул сырой и пахнувший плесенью воздух, ухватился за каменный выступ, вскрикнув от боли, выбрался из воды, достал пистолет и, выставив его в сторону каменной чаши с водой, некоторое время держал ее на мушке, а затем сознание покинуло его...

Глава тридцатая

— ...ты почти ничего не рассказываешь о себе. — Сэт надула губы, но так, больше для вида.

Вокруг приятная и спокойная обстановка, винный ресторанчик в цоколе старого каменного двухэтажного здания, в углу музыкант в легком подпитии пиликает смычком по скрипке.

— А что ты хочешь услышать?

— Твои родители... ты их совсем не помнишь?

— Почему, маму помню очень хорошо, отца... он был отзывчив и всегда старался присутствовать в моей жизни, но лица его не помню, совсем, а руки его помню, большие ладони, толстые вены... он все время что-то делал по дому, сам, у него в руках все спорилось. Клетку он мне построил для голубей, у меня были в детстве голуби, много... Залезешь на крышу и смотришь, как они летают, они всегда возвращались...

Покрывшись холодным потом, Кинт открыл глаза, кругом темнота, только тусклый лунный свет пробивается откуда-то сверху. Нащупав под мышкой рукоятку пистолета, Кинт снова провалился в бессознательное.

Прошли почти сутки, а он так и не двинулся с места около каменной чаши. Где-то недалеко слышны взрывы и стрельба, но кроме того, что не было сил, не было еще и желания двигаться.

— Сэт, — шевеля присохшими губами, сказал Кинт и сразу же пришел в себя от услышанного звука своего же голоса, отразившегося от стен грота.

Кинт ощупал ногу, правый бок и, поняв, что вода сильно затормозила пули, и за эти места ему беспокоиться не стоит, прикоснулся к левому плечу, которое он перевязал походным платком, пребывая в полусознательном состоянии. Дикая боль пронзила от макушки до пят, а Кинт громко и бранно выругался. Звук снова заметался под сводом грота и стих.

— Что же это за нора такая... — Кинт попытался встать и, шаря рукой в темноте, на что-то наткнулся.

Это что-то зашуршало и упало рядом, словно кто-то сухие палки скинул на каменную мостовую.

— Вот же! — вздрогнул Кинт, забыв про терзаемое болью плечо, да так и застыл на согнутых ногах в попытке подняться и прислушиваясь.

Лишь отдаленные звуки боя доносились из небольшой трещины сверху, через которую видно луну и звезды, а внутри — тишина. Нашупав на поясе кармашек маленького подсумка, где лежало масляное огниво, Кинт чиркнул подпружиненным колесиком кресала...

— Ого... да я тут не один, ничего, что без приглашения? — Кинт присел у скелета, который только что свалился ему под ноги. — Извини, парень, не заметил тебя в темноте.

Боль в плече, пульсируя, напомнила о себе.

— Я позже с тобой познакомлюсь... если не сдохну тут. — Кинт продолжал разговаривать с молчаливым

хозяином грота и, подняв над головой масляное огниво, осмотрел грот.

Природный тайник был не больше комнаты Кинта во флигеле. В желтоватом свете от огнива можно было разглядеть еще один скелет у стены напротив, он лежал на изготовленной из жердей лежанке, при ближайшем рассмотрении обнаружился длинный и узкий нож меж ребер скелета. Под свисавшей с лежанки рукой, точнее, костями, обнаружился старый капсюльный револьвер, его рукоять с деревянной отделкой проросла зеленым мхом. Зеленым оттого, что на рукояти были медные заклепки, фиксирующие деревянные накладки. Был каменный очаг как раз под щелью наверху, несколько деревянных ящиков, какое-то тряпье, саквояж, седельная сумка, все старое, кожа покрыта плесенью, а пряжки так же заросли зеленым мхом. На одном из ящиков стояла глиняная миска с расплавленным воском внутри и огарками двух свечей. Немного хвороста у стены, но ветки от прикосновения рассыпались в труху, а вот деревянные ящики были еще относительно крепки. Кинт попытался открыть крышку одного из них, и она осталась у него в руках — петли покрылись ржавчиной и отгнили.

— То, что нужно. — Кинт начал ломать ногой крышку и ящик, внутри которого были слежавшиеся тряпичные мешочки с какой-то трухой.

Через несколько минут в кострище уже горел огонь, внутри грота стало светлее. И Кинт еще раз осмотрел грот. На поясе скелета на лежанке обнаружилась небольшая пузатая фляжка, обтянутая кожей.

— Ребята... вы, должно быть, знаете Яна Григо. Вы ведь наверняка контрабандисты, так? А это ваше убежище. — Кинт одной рукой пытался отстегнуть фляжку, не получалось, и тогда он, вынув из-за голенища нож, срезал ремешок, открутил пробку, зажав фляжку между

колен, и понюхал. — Вот спасибо, приятель! Немного, но мне должно хватить.

Стало значительно теплее, Кинт, разломав еще одну крышку ящика и подкинув деревяшки в огонь, уселся рядом на старый камзол из кучи тряпья и начал развязывать повязку, помогая себе зубами. На пол полетела португеза с пистолетами, жандармский китель, меховая безрукавка. Оставшись в нательной рубаше, Кинт надсек ее внизу и оторвал сначала одну полосу, потом еще раз и еще, порвав одну из полос на куски поменьше. Осмотрев то, что осталось от рубашки, он снял и ее и разложил на коленях, сверху положил нож, пистолетный шомпол, а старый штык от однозарядной винтовки, что висел на поясе у скелета, сунул в костер. В месте ранения плечо распухло и сильно болело.

— Кость вроде целая, — сказал Кинт, разглядывая и ощупывая плечо, морщась и шипя от боли, — ага, и дырка с другой стороны... везучий ты, Кинт Акан.

Кинт, разговаривая сам собой, больше делал это от волнения и даже страха. Здесь его никто не видит и не слышит, кроме двоих безмолвных хозяев грота, и Кинт отпустил вожжи эмоций, воли и прочего бесстрашного и лихого. Он просто человек, он ранен, голоден и устал...

— Ну-ка, без этого будет совсем тоскливо. — Кинт сделал несколько глотков из фляжки покойника и даже кашлянул от крепости напитка. — Ммм... отличный шант! Сколько же ему лет, что так настоялся?

Сделав еще один глоток, он полил из фляги на рану и сморщился от боли. Затем, переведя дух, обильно смочил маленький лоскут шантом, положил сверху на рану и взял в руки шомпол... Часто дыша и настраиваясь на то, что надо сделать, он поднес шомпол к лоскуту и резко протолкнул его в рану насквозь... Кинт взвыл диким зверем, сжав зубы так, что казалось, они сейчас

раскрошатся. Кружилась голова, выступил пот и стало тошнить.

— Полдела сделано, — дрожащим голосом сказал Кинт, глядя, как из потревоженной раны, выступила и потекла кровь, — главное теперь не останавливаться, не свалиться без сознания раньше времени и не истечь кровью...

Зажав зубами ремешок портупей и схватив штык, кончик лезвия которого уже раскалился и покраснел, он приложил раскаленное острие к кровоточащей ране... Крик заметался меж стен грота и устремился вверх, к звездам. Дрожащей рукой Кинт снова положил острие штыка на угли, продолжая часто и громко дышать. Перед глазами все плыло, все тело поглотила слабость, невыносимо болела рана, но дело надо было закончить... Кинт чуть развернулся спиной к костру, затем, словно филин, повернул голову назад и изогнул шею в попытке увидеть выходное отверстие и, снова схватив штык, опять приложил его уже с другой стороны плеча.

— Все... — после непродолжительного звериного крика, прошептал Кинт, выдохнул и потерял сознание...

Кинт пришел в себя, когда от отверстия наверху в грот опускался столб солнечного света и частицы пыли танцевали в нем свой причудливый танец. Кинт даже засмотрелся, а потом ощутил холод от камня, который уже пробрался до костей, бил озноб, может, от холода, а может, от перенесенной боли, похоже, и от того и от другого. За пару больших глотков Кинт допил содержимое фляги, перевязал лоскутом рубахи рану, оделся и с большим трудом добрал до лежанки, прихватив старый суконный камзол и портупею. Спихнул скелет, улегся на его место и, накрывшись камзолом, закрыл глаза, ощущая, как шант приятным теплом рас-

текается по жилам, боль понемногу уходит и ее можно терпеть.

Кинт проснулся оттого, что было очень жарко, его трясло и очень хотелось пить, снова наступила ночь, звуков боя не было слышно, наверху завывал ветер, и тучи закрыли небо. Он сполз на каменный пол и на четвереньках, проверяя пространство перед собой, пополз к каменной чаше, нащупав ледяную воду, Кинт жадно напился, вернулся на лежанку и снова провалился в бредовый сон...

— ...ты молодец, сынок, я горжусь, что смог воспитать тебя таким. — От уголка единственного глаза расходились глубокие морщины, мастер-наставник Чагал улыбался, курил свою причудливо изогнутую трубку и смотрел на Кинта.

Они вдвоем сидели на низкой лавке меж двух могильных камней, на кладбище сиротской школы.

— Вы же мертвы...

— И что? — Чагал выдохнул дым и повел рукой в сторону. — Он тоже мертв.

Кинт повернулся и увидел Вакта, он, все такой же семнадцатилетний, сидел на песчаной дорожке и мечтательно смотрел в небо, где под белыми облаками лениво плыл дирижабль.

— Транспортный, — кивнул на него Вакт и посмотрел на Кинта, — он подкрепление привез в форт, теперь северянам некуда деваться, и их осталось только раздавить, как клопов!

— Точно, как клопов! Ржавый шомпол им всем в печенку!

Кинт, вздрогнув, повернулся на голос.

— Чего? — Брэтэ озадаченно осмотрел себя, будто у него что-то не так с одеждой.

— Капитан?

— А ты кого ожидал увидеть, ее? — Брэтэ кивнул за спину Кинту.

Повернувшись, Кинт увидел Сэт. Она сидела в какой-то беседке, затянутой зеленью густого व्यюна, и рисовала... Рисунок было не разглядеть, Сэт сделала еще несколько штрихов углем, сняла с подставки рамку и повернула изображение к Кинту.

— Он очень похож на тебя. — Сэт улыбалась, показывая Кинту рисунок ребенка в колыбели.

— Точно, похож, — подтвердил Брэтэ, подойдя к Сэт, а потом обернулся и, показав свой немалого размера кулак, добавил: — И не вздумай сдохнуть в этой дыре, а здесь нет для тебя места! Вставай уже, драный китель!

— Сэт! — закричав, Кинт подскочил на лежанке и устался на скелет рядом, который смотрел пустыми глазницами на луч света, косым столбом падающий с потолка.

Несколько минут Кинт сидел неподвижно, снова и снова прокручивая в мыслях видение, что явилось ему во сне.

— Я видел ее среди мертвых... — прошептал Кинт и закрыл глаза, а одинокая слеза скатилась по щеке, задержавшись на жесткой щетине.

Кинт чувствовал, как он слаб, его потряхивало, живот подвело от голода.

— Нет, подыхать я не собираюсь, — сказал Кинт вслух, с трудом поднялся и снова взялся осматривать содержимое грота и карманы его мертвых хозяев.

Нашлось кое-какое походное снаряжение, в основном истлевшее от времени, но медный котелок, пара медных мисок и кружек, жестяная коробка с мешочком травяного чая, превратившегося в труху, мешочек соли — были очень кстати. Обнаружилась пара кожаных кошельков

с дюжиной монет в каждом, в основном серебром, но были и золотые кесты терратоса. Неплохо сохранившийся в ножнах, но покрывшийся ржавчиной палаш, вполне острый, однозарядная винтовка, к ней пяток патронов, два капсюльных револьвера, порох в стеклянной банке, превратившийся в серый комок, мерка, горсть капсюлей и пуль, десяток гильз. Мелочевка из личных вещей, накидка от дождя из тонкой кожи, пара мотков тонкого шнура, на удивление еще крепкого, но это оттого, что чем-то пропитан, масляная лампа без масла и семь ящиков с тряпичными мешочками с неизвестным, истлевшим содержимым. В саквояже была одежда, которая рассыпалась в руках, а на его дне, похоже, мышьяная нора.

Оценив, на сколько еще хватит дров от разломанных ящиков и если разобрать лежанку из жердей, Кинт сделал вывод, что еще неделю можно будет погостить в гроте и восстановить силы, однако, если ничего не есть, то шансы выжить стремительно сокращаются.

— Хоть мокриц жри... — Кинт уже несколько раз замечал немалога размера насекомых с прозрачным панцирем, которые иногда показывались в дальнем углу, выползая из трещин в камне.

Кинт подошел к одной из трещин и взял в руки мокрицу, та изгибалась и перебирала несколькими десятками лапок.

— Что-то на вид ты не очень, — скривился Кинт и посмотрел вверх, где на высоте полуторного человеческого роста была расщелина. Вылезти в нее невозможно, да и не дотянуться...

Немного подумав, Кинт подобрал еще трех мокриц, бросил их в котелок и накрыл миской. Постоял над лежанкой, немного раздумывая, а затем, сбросив тряпье, начал разбирать ее. Примерив жердь в высоту, Кинт наставил еще одну, уложил на пол и связал, работать

обеими руками было очень больно, приходилось чаще отдыхать, но есть хотелось так сильно, что Кинт уже косился на котелок. Но, обманув желудок очередной кружкой воды, он снова принимался за работу... рубил палашом одну из жердей на равные части, затем привязывал... Кинт приставил готовую узкую лестницу к краю трещины, когда снаружи уже начало темнеть.

— Ну вот, можно попробовать.

Кинт встал на одну из перемычек. Дерево затрещало, но выдержало. Потом, в свете свечи, Кинт принялся мастерить простой силок из щепок, винтовочного шомпола и шнура. Свечу получилось изготовить, распустив фитиль лампы и залив расплавленный парафин в кожаный цилиндр, скрученный из старого сапога одного из молчаливых обитателей грота... Когда силок был готов, Кинт связал нитью мокриц, разместил приманку и полез наверх, где, кое-как протиснувшись и высунув руку наружу, он поставил свою ловушку и спустился, закрепив конец шнура за лестницу.

— Надо же, — вытер он пот со лба, часто и громко дыша, — тяжело-то как... ну, теперь осталось ждать милости небес...

Глава тридцать первая

Аромат бульона из тушки небольшого пушного зверька, обитающего в этих местах, распространился по гроту и перебил запах сырости и плесени, к которому Кинт уже принюхался за два дня. Тушка уварилась, мяса с нее было малая горсть, и Кинт не заметил, как проглотил его. Зато остался целый котелок бульона, третью кружку которого, сидя на тряпье у костра, с наслаждением теперь можно прихлебывать.

— Недосолено, ну ничего, соль мне для другого нужна. — Кинт посмотрел на свежую повязку, обильно смоченную крутым раствором соли, в ране дергало, но было уже не так больно, да и отек чуть уменьшился.

Две кружки бульона пришлось растягивать еще на два дня, так как больше ничего в силос не попало, а попытку приманить кого-то покрупнее и похищнее на шкурку зверька Кинт отмел сразу, ему отсюда еще уходить, а вдруг на запах падали карху заявится? Нет, с хозяином этих мест, огромным зверем, напоминающим собаку и дикого кабана одновременно, и здоровый-то человек избегает встречи, что уж говорить... Карху сам, конечно, редко нападает на человека, но если почует слабость или болезнь, может и убить. Местные называют карху каменным падальщиком, почему? Кинт как-то не интересовался, один раз пришлось встретиться с карху в патруле на горной тропе, с которой зверь сходить не собирался. Жандармы выстрелили не по одному разу, а карху, свалившись в ущелье, взревел, поднялся на лапы и побрел прочь, оглядываясь и скалясь.

Через два дня Кинт решил покинуть свое убежище, голова уже не кружилась, дрожь в ногах исчезла да и рана начала затягиваться. Давно не слышно звуков выстрелов и канонады, зато весь день доносится крик стервятника. Если живой человек близко, эту огромную птицу и не видно, сторонится, а вот если мертвечина любая, то она сначала кружит час-другой, сообщая сородичам о находке, а потом камнем вниз, где только у земли снова раскрывает крылья и садится прямо на тушу с видом «это моя добыча». Бывали случаи, что и одинокого путника на тропе в пропасть столкнет...

Перебрав вещи и сложив в старую, но еще достаточно крепкую седельную сумку все, что решил взять

с собой, Кинт разделся донага, привязал связанный из нескольких кусков шнур к сумке и присел у каменной чаши. Сил плыть и тащить с собой сумку не было, поэтому решил так. Предстояло нырнуть и проплыть под каменной стеной, а потом еще до берега озера добратся, пусть и крошечного озера, но полноценно работает только одна рука. Привязав конец шнура к ноге, Кинт еще раз осмотрел грот и сказал вслух:

— Ладно, парни, не скучайте.

После чего соскользнул в ледяную воду...

— Значит, все обыскали? — Привычным жестом заложив руки за спину, полковник Морес прохаживался по просторной комнате в одной из башен Северного форта, где он решил устроиться на время поисков пропавшего командира горной армии.

— Все, господин полковник, — ответил Локт.

Он виновато смотрел в пол и в то же время уже вторую неделю истязает себя обвинениями в пропаже, а скорее всего, и возможной смерти командира.

— Не обвиняйте себя, мастер-жандарм Локт. — Морес давно уловил нестроение командира разведчиков. — И не вздумайте что-нибудь учудить без приказа, отряд пока под моим командованием, помните?

— Так есть, помню! — Локт вытянулся, кивнул, но продолжал смотреть в пол.

— Война еще не закончена, скоро решающая битва у Майнга, противник стягивает все силы туда. А тут, на севере, остались разрозненные группы в горах, здесь, в форту, нужно заново организовывать службу... да вы сядьте. — Морес кивнул на лавку у старого стола, с лопнувшей от времени столешницей, сам сел на табурет напротив и, положив руки с ухоженными ногтями на стол, спросил: — Трупы ведь не нашли?

— Так есть, не нашли, — хотел было вскочить Локт, но Морес жестом остановил его: — Парень, ну которому я приказал остаться с командиром, нашелся... как решето, там же, на берегу... а Кинта нет.

— Да уж, — Морес побарабанил пальцами по столу, — и с воздуха все осмотрели по руслу. Может, вы все же что-то упустили?

— Я все рассказал, господин полковник, — ответил Локт и наконец поднял глаза. — Нас проводили, но Кинт будто почувствовал что, подал сигнал быть готовыми к бою и вошел в шалаш. Слышно плохо было, но, судя по интонации Кинта, он был знаком с этим...

— Артолэком.

— Да, с ним. И судя по интонации, Кинт был очень разозлен, я не знаю, что там произошло, но когда еще один человек Артолэка вошел в шалаш, через минуту закричали «тревога», было два выстрела, а потом и Кинт выскочил... Лицо белое, взгляд бешеный... он приказал, чтобы я вывозил Сарта. Через час езды наткнулся на своих ребят, они с отрядом гренадеров шли. Одним из разведчиков отправил Сарта в форт, а сам обратно... Тот отряд распался на мелкие группы и ушел. Мы, конечно, успели уничтожить порядка сорока человек, но остальные ушли. Каторжане, воры, убийцы, — Локт поджал губы, — это не солдаты, вообще, плохая идея была, хоть и традиция со времен Таргала Объединителя...

— Тут я согласен с вами, к тому же у меня есть кое-какие сведения про этого Артолэка, которые выяснились буквально на днях.

— А что с Сартом?

— Я заберу парня к себе, присмотрю.

Кинт четыре дня пробирался на юг по горным тропам, пока не уткнулся в железнодорожное полотно,

ведущее от Тека к Мьенту. Раздобыть коня посчастливилось после часа пути от грота, вероятно, он принадлежал кому-то из бандитов Арка, даже можно было выбрать, порядка десятка лошадей блуждало в лесу. Иначе Кинту вряд ли удалось бы продолжить путь, все же переоценил он свои силы. Также, продвигаясь по руслу, удалось раздобыть карабин, кое-какие припасы в разгромленном лагере и еще раз посмотреть на труп Арка. Тел бывших каторжан хватало, по пути Кинт насчитал около двадцати, останавливался, не испытывая угрызений совести, мародерствовал и ехал дальше, а потом, хвала небесам, Кинт первым заметил дозорных кочевников и поспешил скрыться в чаще.

Несколько всадников догнали Кинта, когда он ехал вдоль полотна в сторону Тека. Дослав патрон в ствол карабина, Кинт развернул коня и стал дожидаться их. Разглядев вымпел кавалерийского корпуса терратоса Аканов, Кинт выдохнул и сунул карабин в притороченный к седлу чехол. Не доехав до Кинта пару метров, всадники остановились, а седой мужчина с нашивками капитана на рукаве спросил, опустив руку на рукоять револьвера в кобуре:

— Кто такой?

— Капитан Кинт Акан, дорожная жандармерия, — ответил он и кивнул, согласно уставу.

— А не дезертир?

— С чего вы взяли, капитан?

— Жетон гражданина?

— Есть.

Подъехав ближе, капитан кавалеристов присмотрелся к жетону, объехал Кинта кругом, внимательно рассматривая, и сказал:

— Вот что, капитан, Кинт Акан... следуй-ка за нами, и без глупостей, что-то вид у тебя совсем не дорожного

жандарма, да и нет тут таких на пару суток езды, мы их работу сейчас и выполняем...

— За вами это куда?

— Полевой лагерь у нас тут недалеко, час на юг ехать... Специально здесь, чтобы таких, как ты, вылавливать.

— А каких это таких? — ухмыльнулся Кинт и уже пожалел, что поехал вдоль полотна.

— Дезертиров, недобитых северян и прочих бандитов, что с приходом нашей победоносной армии прячутся здесь, как мыши за метлу.

— Вот как... Ну, мне надо совсем в другую сторону, в Тек, а потом в Северный форт, там отряд мой. Кстати... а Тек взяли?

— Взяли, взяли... А в Северном форту отряд полковника Мореса, или ты и есть полковник Морес Таг, начальник контрразведки северного фронта? — хмыкнул капитан. — Все, сказочник, оружие передай-ка и поехали, разберемся.

— Ума у тебя, капитан... — вздохнул Кинт, вынул револьвер из кобуры, карабин из чехла и отдал одному из всадников.

— Что?

— Поехали, говорю, а то стемнеет скоро, а я уже четвертый день в пути.

Пререкался с капитаном кавалеристов у Кинта не было ни настроения, ни желания, да и собственно уставы патрульных разъездов позволяют стрелять в случае неподчинения.

«Ладно, у парней своя служба, просто выполняют приказ, патрулируют... чего уж, да может, и к лучшему — горячего поест случится», — подумал Кинт, достал трубку и табак, добытый в ранце одного из мертвых каторжан, и закурил.

— Служба вестовых у вас своя? — спросил Кинт после тридцати минут пути и подъема на невысокий холм, откуда было видно ферму и рядом с ней несколько палаток полевого лагеря.

— Что? А, нет, служба вестовых из Мьента, в лице двоих сопляков в мундирах пехотинцев, — ответил капитан.

— Послать бы в Северный форт вестового, сообщить полковнику Моресу обо мне, в отряде наверняка думают, что я погиб.

— Послать... — хмыкнул капитан, — а вдруг что серьезное, а у нас вестовой просто так катается.

— Почему же просто так, вы же хотите выяснить, кто я?

— Ага, — зевнул капитан.

— Понятно... ну, можно телеграмму дать, у меня в отряде эфирный телеграф есть.

— Слыхали? — обратился капитан к подчиненным и воздел указательный палец к небу. — Телеграф... эфирный...

Кинт придержал коня, поравнялся с капитаном и спросил его шепотом:

— Капитан, ты что, действительно дурак или прикидываешься? Контуженный?

— Да ты! — Капитан резко схватил Кинта за шиворот и свалил вниз. — Ну-ка, вяжите его! Да пнуть пару раз разрешаю, для науки...

Глава тридцать вторая

Падая, Кинт успел сделать выбор между — свалиться на раненое плечо, но вытащить из-под бушлата пистолет или все же подстраховать себя здоровой рукой при

падении. Даже удачно свалившись, Кинт ощутил сильную боль, встал на колено и, морщась от боли, сказал:

— Да тебе что, капитан, славные победы голову затуманили?

Капитан, привстав в стременах, потянул из кобуры револьвер, послышался характерный звук взводимого курка... но Кинт оказался быстрее, выхватив пистолет, он выстрелил в руку капитану, и тот завизжал, как рыночная торговка. Отпрыгнув на несколько шагов, чтобы держать всех троих в поле зрения, Кинт еще два раза пальнул в воздух и закричал:

— Спешились! Живо! Чтобы я видел руки!

— Выстрелы слышали в лагере... наверняка слышали, — вперемешку со стоном сказал капитан кавалеристов, держась за простреленное предплечье.

Вся троица стояла на коленях, а Кинт потрошил их пояса и портупей, раскидывая оружие в разные стороны.

— Слышали — хорошо, кровью не истечешь... и в следующий раз будь повежливее с незнакомыми людьми, — сказал Кинт, вскочил на коня и пустил его галопом в северном направлении, напрямки через луг, на склоне которого сквозь желтую прошлогоднюю траву уже пробивается новая зелень.

Полковник Морес уже собрал свой саквояж, небольшую походную сумку, и сидел у окна-бойницы, глядя, как на территории форта вновь созданный отряд дорожной жандармерии построился на вечернюю проверку патрульной смены. В комнате был и Сарт, он тоже собрался в дорогу.

— Не переживайте так, молодой человек, — Морес отвлекся от окошка, — я знаю Кинта уже давно, и думаю... нет, я уверен — если не нашли его тела, значит, он жив... только вот где он...

— Не знаю даже, что думать... — Сарт шмыгнул носом.

— Давно его знаешь? — Морес взял табурет и присел рядом с Сартом.

— Нет, без малого пару лет... я ему многим обязан, Кинт вытащил меня с улицы... научил многому, он мне как брат.

— Понятно... — Морес вздохнул и похлопал Сарта по плечу. — Прилетим в Латинг, пристрою тебя у себя в службе. Пока вестовым, а там посмотрим, как будут развиваться события в послевоенном терратосе.

— Простите, господин полковник, но если меня все равно по возрасту демобилизуют, то я тогда вернусь к Тьетэ. Как бы ни сложилось в терратосе, железные дороги охранять нужно, а я в этом, спасибо Кинту, кое-что теперь сообщаю.

— Твое право...

В дверь настойчиво постучали, скорее даже это был не стук, а попытка взлома.

— Что такое? Входите! — громко сказал Морес.

— Господин полковник... — в дверях стоял Локт. — Кинт... нашелся, но...

— Что но?

— Похоже, опять потерялся, при этом успев нашу-меть недалеко от Мьента.

— Не понял! — Морес нахмурил брови.

— Он подстрелил командира полевого лагеря, из тех, что сейчас патрулируют предгорья.

— Что?

— Идемте, в канцелярии вестовой сидит из этого лагеря.

Выслушав сообщение вестового, одновременно читая короткую депешу, Морес подумал немного, затем подошел к стене, на которой висела карта предгорий, и сказал:

— Подойдите. Где это произошло?

Вестовой некоторое время разглядывал карту, пытаясь сообразить и сориентироваться...

— Вот Мьент, — заметно нервничая, сказал Морес и ткнул пальцем в карту, — вот здесь, должно быть, ваш лагерь, вот железная дорога... ну?

— Выходит, что где-то тут они его встретили, поехали к лагерю, а тут он сбежал и снова поехал на север.

— Когда это было?

— Четыре дня назад.

— За сколько вы добрались до форта?

— Два дня до Тека, — вестовой закатил глаза, — потом через перевал... да, три дня.

— Вы свободны, получите у обозников провиант, фураж и возвращайтесь в лагерь.

— А ответную депешу? Что сообщить начальнику полевого лагеря?

— Сообщите, что поисками капитана Акана теперь занимается контрразведка северного фронта.

— Так есть, но по пути сюда я еще завез депешу в Тек, в управление армейского трибунала.

— Понятно... Вы свободны.

Два скревера кружили южнее от Тека уже несколько часов, пролетели над железнодорожным полотном и дорогой вдоль него, вернулись к холмам и, рыская над узкими долинами, снова устремились на юг. Внимание Мореса привлекла небольшая группа всадников близ сожженной фермы, они стреляли в сторону окраины леса, были хорошо видны дымы выстрелов. Морес похлопал пилота по плечу и показал рукой в сторону фермы...

— Чтоб вас всех... — сквозь зубы процедил Кинт и, зажав меж колен цевье карабина, загонял патроны в трубчатый магазин.

Кинт укрылся за трупом коня, которого подстрелили сразу, как только он выехал из леса, и хотел остановиться на привал на старой ферме, уничтоженной пожаром, но наткнулся на банду, которая тоже выбрала ферму как место для привала и поднималась по склону. Банда небольшая, дюжина всадников, но в ее рядах были неплохие стрелки, которые не давали поднять головы. Зарядив карабин, Кинт прислушался... обходят, справа и слева хрустят ветки под ногами противника, взметнулась стайка маленьких птиц. «И дался я им... — подумал Кинт, — хотя в этих местах любой одинокий путник на навьюченной лошади — неплохая добыча, да уж... устал, расслабился». Отцепив от седла походную флягу с водой и перекинув ее ремешок через голову, Кинт начал отползать к сгоревшим обломкам упавшей крыши. Его заметили, грянули выстрелы, Кинт, чертыхаясь, перекатился к обуглившимся деревяшкам, о которые несколько раз шлепнули пули, еще рывок, он уже около каменного остова дома, нырнул в окно, прижался к стене, прислушался и, выглянув в оконный проем, взял на прицел крадущийся силуэт и выстрелил... Крик разлетелся по окраине леса. Дернув скобу затвора, Кинт, согнувшись, перебежал к другому проему, перешагивая толстые, обуглившиеся балки, опять ствол в окно, выстрел, и еще один упал, но уже не крича — пуля угодила в шею... С нарастающим гулом послышался звук скревера, выстрел картечницы, от которого Кинт вжал голову в плечи, это уже рефлекс — не один раз приходилось переживать атаки скреверов северян. Снова хлопок картечницы, гул все ближе, топот копыт — лошади уносили седоков по лесной тропе прочь. Кинт слышал, что скреверов два, причем гул одного прекратился, а второй продолжал кружить, но не долго, он приземлился чуть ниже по склону...

Кинт аккуратно выглянул из-за каменной стены, от скревера, который сел совсем рядом с фермой, бежал высокий человек с револьвером в руке.

— Есть кто живой? Отзовитесь! — крикнул он и присел за срубом колодца во дворе.

— Есть!

— Кинт?

— Да, — ответил Кинт и показался в дверном проеме сгоревшего дома.

— Вот умеешь ты... давай, забирайся в тот скревер, летим в форт, — сказал Морес, подбежав к Кинту и бегом осмотрев его.

— Локт, Сарт?

— Они в форту, давай уже быстрее!

Тесно, неудобное сиденье сковало движения, на коленях ранец, а карабин пришлось бросить... скревер дернулся, недлинный разбег — и вот уже сердце провалилось до пят... верхушки деревьев, блестящая на солнце полоса реки, а перед глазами — облака. От желудка к горлу подступил комок, когда скревер резко завалился на бок, развернулся и стал набирать высоту.

— Скверно, твои показания против показаний патруля. — Морес пригладил усы и постучал по столу авторучкой, которой закончил записывать пояснения Кинта, хотя чего уж... это был самый настоящий формуляр допроса, с гербами и тиснением.

— Согласен, — кивнул Кинт, продолжая жевать — ужин подали прямо в кабинет Мореса, — а что, мне надо было позволить себя поколотить? Нет уж... и так плечо вот распухло, тут лекарь-то есть?

— Есть. — Морес глянул на Кинта и, сняв пенсне, помассировал пальцами глаза. — Я и говорю, скверно это все... по освобожденным территориям сейчас

действительно много недобитых северян осталось, да и банды...

— Я предлагал ему вестового послать или телеграмму дать в форт, но он только ухмылялся... нечего, говорит, вестового попусту гонять.

— Попусту, не попусту, а вестового они все-таки прислали.

— Да? — перестал работать ложкой Кинт и поднял голову.

— Да. Только вот, проезжая через Тек, он сначала в управлении трибунала оставил на тебя розыскной лист, ну и обвинения — нападение, дезертирство... А потом уже сюда приехал.

— Что-то мне это напоминает. И что теперь?

— Ладно, ты вот что, зайди в лазарет, пусть лекарь осмотрит тебя, а потом, хочешь — в казарму к своим бойцам, а можешь и в канцелярии расположиться. Отдыхай до завтра, а я в Тек.

Когда Морес оделся, собрал свой саквояж и, попрощавшись с Кинтом, вышел, в дверь просунулись две головы...

— Прошу разрешения войти, господин капитан! — широко улыбаясь, сказал Локт.

— Я тоже... прошу... — Голова Сарта была ниже.

В ответ Кинт махнул ложкой, мол, разрешаю и, прожевав, добавил:

— Только есть вероятность, что завтра от господина капитана останется простой дорожный жандарм, и это в лучшем случае.

— Не понял? — Локт присел на табурет, и улыбка сошла с его лица.

— Да, — отмахнулся Кинт, — вот полковник Морес вернется завтра, и все станет ясно.

— Что случилось-то?

— Идемте, нечего полковничий кабинет занимать. — Кинт покосился на адъютанта Мореса, который стоял в дверях и сверлил глазами Кинта и его друзей. — Сначала к лекарю, а потом в казарму.

А раненое плечо припухло неспроста. Лекарь фор-та, присланный из самого Актура после освобождения Тека, цокал языком, качал головой и вздыхал. Его фраза о том, что надо благодарить небеса, Кинту не понравилась сразу. Оказалось, что рана внутри сильно воспалилась, лекарь снова резал, промывал, шил, оставив внутри короткую медную трубку, которую обещал убрать после того, как перестанет отходить гной.

— Ничего не обещаю... сделал все, что мог, вероятность, что придется отнимать руку, все еще остается.

— И какой величины эта вероятность? — сидя на топчане в лазарете, спросил Кинт.

Его трясло от пережитой процедуры, и на лбу выступил холодный пот, несмотря на приличную дозу обезболивающей настойки.

— Не буду вас, капитан, излишне обнадеживать. — Пожилой лекарь-аристократ отошел к умывальнику и стал мыть руки. — Если бы кто-то решил спорить, то я бы поставил на то, что руку придется отнимать.

— Тогда пари? — нервно улыбаясь, Кинт протянул здоровую руку лекарю.

— Что ставите? — оживился тот.

— Вот, — Кинт достал один из пистолетов и положил на топчан.

— Ай, бросьте, капитан, поставьте медяк, а пистолет мне ни к чему.

— Это что, вы мою руку в медяк оцениваете?

— Как сказать. — Лекарь подошел к Кинту, снова опустил со лба на глаза тяжелые окуляры, подкрутил фокусировку, разглядывая результат своей работы,

и добавил: — Хорошо, пожалуй, один золотой кест поставлю, но не больше.

— Сарт, ты свидетель спора.

— Так есть, — Сарт кивнул.

Он стоял все это время в углу и видел все, что делал лекарь, а также слышал всю брань капитана в процессе перевязки.

Глава тридцать третья

Кинт задержался в Северном форте почти на месяц. Спор с лекарем он выиграл, чему был безмерно рад, но приходилось пить настои и порошки, которых в лазарете выдали целый куль. История с патрулем стоила Кинту звания и демобилизации без выплаты ополченческого вознаграждения, и еще легко отделался, что не обошлось без хлопот Мореса. Тот капитан в патруле был из аристократического сословия и, кроме того, ближайшим родственником нового хозяина восточной провинции терратоса, какого-то крупного землевладельца и ткацкого магната. Только заслуги Кинта перед терратосом, как командира горной армии были приняты комиссией армейского трибунала, и дело Кинта было закрыто.

Полковник Морес покинул форт после того, как все утряслось с делом Кинта, и вместе с Сартом, которого в силу юного возраста демобилизовали, неплохо наградив кестами, отбыл в Латинг. А через день оттуда же, из Латинга, прибыл капитан Сэйм Дан из дорожных жандармов и принял командование Северным фортом. К слову, горную армию расформировали, раскидав входящие в нее армейские подразделения по корпусам. Локт отбыл в Тек, по рекомендации пол-

ковника Мореса его утвердили на должность начальника городской жандармерии, хоть тот и отпирался. Но город начали восстанавливать, а восстанавливать новое пристанище контрабандистов не входило в планы Северной провинции, столицей которой и стал Тек. Неизвестно откуда появившийся бывший член парламента и промышленник стал председателем совета провинции, по сути, новым хозяином. В решении Локта согласиться немалую роль сыграла обещанная неплохая набавка к жалованью, а также надел земли недалеко от станции воздухоплавания. Старый пост на перевале стал могилой для Ракэ и еще десятков бойцов, они взорвали себя, устроив обвал, тем самым заблокировав дорогу отступающим из Тека северянам. Отряд Ракэ сутки удерживал перевал, заблокировав на тракте три вражеских полка, и когда стало понятно, что перевал не удержать, Ракэ отправил раненых вниз, к форту, а оставшимся приказал перетаскать бочонки с порохом в пост. Завал разобрали после того, как армия аканцев настигла и разбила отступающих по тракту северян, перевал был расчищен, а чудом выживший, с искалеченными ногами, единственный боец рассказал о подвиге командира... Пока Сарт рассказывал про гибель Ракэ и его отряда, Кинт все это время крутил в руках нож, разглядывая рукоять и вспоминая те минуты прощания с другом, наставником и очень храбрым человеком.

— Держи, и помни Ракэ, — сказал тогда Кинт Сарту и протянул ножны, — он мне отдал, когда прощались на перевале, будто чувствовал, что не увидимся больше...

Битва при Майнге была кровавой трехдневной мясорубкой и стала своего рода вехой в развитии оружия, техники и прочих инструментов для убийства. Победа была за аканцами, и к концу битвы сердца солдат

ожесточились настолько, что сотни сдающихся северян расстреливали картечью из орудий, а затем трупы возили повозками и скидывали в реку, так как хоронить или кремировать тысячи людей не представлялось возможным. Спустя сутки жители Майнга стояли на набережной и смотрели, как окрасилась в красный цвет широкая и полноводная река, а через некоторое время мимо стали проплывать тела, распухшие, изувеченные. Три дня течение несло трупы мимо города, люди стояли и смотрели, проклиная войну. Штаб армии терратоса Аканов и недавно образованный совет провинций приняли решение не вторгаться на земли северян, а наложить контрибуцию на проигравший войну терратос. Благо хватило разума не бросать в мясорубку войны новые силы. Оба терратоса были истощены скоротечной, но кровавой войной, и теперь, глядя на то, как скорострельные орудия с ленточной подачей, бронированные машины с картечницами и другие изобретения, порожденные этой войной, превращают поле боя в преисподнюю, появлялась надежда на мир. Мир, охраняемый страшным оружием...

Неделю перед отъездом из форта Кинт провел в маленькой комнатухе в казематах, по соседству со строителями, приехавшими восстанавливать стену. Отлеживал бока, ходил на перевязки и отъедался густыми и наваристыми похлебками. Оставалось дожидаться курьера из Тека, который должен привезти распоряжения по демобилизации Кинту, а также нескольким пожилым ополченцам. За это время он успел дать телеграмму Тьетэ и дожидаться ответа, но новостей о Сэт так и не было. Также не было и от Мореса, который через своих людей пытался вести поиски, хотя у полковника теперь и своих забот хватало — контрразведка собирала показания фермеров в предгорьях, выявляла

предателей и приспешников северян. Также требовалось сбить спесь с некоторых представителей гильдий. Единственное, что немного обнадежило Кинта, так это пришедшая несколько дней назад телеграмма на его имя от одного из инспекторов тайной жандармерии из небольшого городка, что западнее Актура на пару дней пути...

«Господин Кинт Акан, по поручению нашего общего друга я смог кое-что выяснить. Несколько месяцев назад, в жандармерии нашего города я разбирался с происшествием — в пригороде три женщины подверглись нападению банды, однако смогли дать отпор налетчиком и застрелить двоих, пока на звуки выстрелов не dospели городовые, кроме убитых налетчиков никого не обнаружили. Свидетели рассказали о трех женщинах в фургоне, который после перестрелки скрылся в долине табачных плантаций, что недалеко от нашего города. По описанию, которое прислал мне наш общий друг, одна из молодых женщин очень похожа на госпожу Сэт Григо. Надеюсь, что смог помочь.

*С уважением
к вам и к нашему общему другу,
инспектор Дак Исье».*

Приведя в порядок форму ополченца, выданную комендантом форта, и собрав походный ранец с нехитрым скарбом, ранним утром первого летнего дня Кинт покинул Северный форт. Обоз фуражиров, в который напросился Кинт, двигался медленно. Лежа в длинном фургоне, который неспешно тянули за собой две кобылки, Кинт, положив ладони под голову, глядел в небо и провожал взглядом облака, цеплявшиеся за вершины гор. В голове не было никаких мыслей... получив гра-

моту о демобилизации, он словно смахнул с себя все, что случилось за прошедший год, хотелось все забыть... Обиды, каких-либо эмоций по поводу того, как с ним обошлись из-за идиотской стычки с патрулем, не было. Лишь одно не давало покоя — Сэт и как теперь искать ее. С этой мыслью Кинт провалился в дрему.

— Господин капитан, — тряс Кинта за плечо один из обозников, — приехали, Тек.

— Я уже не капитан, дружище. — Кинт сел и протер глаза.

— Кому как, — хмыкнул парень, — я знаю про вашу историю, а еще знаю, как вы со своим отрядом гоняли северян по предгорьям.

— Не всегда, и они нас гоняли.

— Все равно часть победы в этой войне по праву принадлежит капитану Кинту Акану и его горной армии. — Парень подал ранец уже выбравшемуся из фургона Кинту.

— Угу, — кивнул Кинт, закинул на плечо лямку ранца и, направившись в сторону разрушенной ратуши, добавил: — Спасибо!

В центре Тека было немногочленно, вдоль стен разрушенных и сторевших домов лежали большие кучи из обломков и мусора, что нагребли отряды пленных северян. Жандармы охранного корпуса особо с ними не церемонились и, возвращаясь вечером в бараки, такой отряд мог недосчитаться нескольких пленных. Кинт направился по улице, ведущей к дому Григо, и чем дальше от центра, тем больше встречалось более или менее целых домов.

— Да уж... — сказал Кинт вслух, остановившись у забора некогда богатого особняка.

— Что, простите? — остановился проходящий мимо старик.

— Досталось этому кварталу, говорю...

— Всем досталось. — Старик смерил взглядом Кинта и побрел дальше, не в силах высоко поднимать ноги в изорванных ботинках и оттого шаркая по остаткам мостовой.

— Простите, а где сейчас располагается городская жандармерия?

— На станции, — не поворачиваясь, ответил старик.

По памяти Кинт примерно выстроил маршрут и, прикинув, что идти еще прилично, аккуратно закинул вторую лямку на плечо и бодро зашагал по улице.

Привокзальная площадь, депо, пакгаузы, здание станции... кругом кипит работа, снуют грузовые фуры, разгружаются составы с материалами, отряд пленных, выстроившись, передает по цепочке какие-то ящики от платформы до пакгауза, а жандармы, скучая, периодически поторапливают их прикладами карабинов. Чуть дальше, на станции воздухоплавания, зацепился за швартовочную башню транспортный дирижабль... Кинту сразу вспомнились те минуты, когда он стоял на верху башни и смотрел, как последний дирижабль покидает полыхающий в огне Тек. Как из маленького окошка тесного купе на него смотрит Сэт и вытирает слезы грязным от копоты рукавом блузки.

— Посторонись, зашибу! — раздался позади голос, сразу вернувший Кинта из воспоминаний на привокзальную площадь.

Отскочив на остатки тротуара, Кинт пропустил грузовой фургон с торчащими из него во все стороны брусом и другим строительным материалом. Тут же вернулись и звуки всей той суеты, которая происходила вокруг — грохот повозок, шипение и гудки паровых машин и паровозов.

— Эй! Отошел бы ты, а то встал прямо на пути фургонов с погрузки, — сказал подъехавший верхом городской.

— Да тут куда ни встань, везде придавить могут, — повернулся к нему Кинт, — подскажи, любезный, где мне Локта... эм... начальника городской жандармерии найти?

— Мастер-инспектор Локт отбыл в столицу третьего дня, может, передать что? Или ты к нам, в городовые поступать пришел? Из ополченцев?

— Жаль... Ну, тогда, как вернется мастер-инспектор, передай ему... Хотя нет, ничего не передавай, сам как-нибудь. Скажи, а в сторону Латинга каким транспортом добраться можно сейчас?

— Поторопишься — успеешь на паровоз, вон видишь, на перроне начальник депо в свисток свистит, того гляди — щеки лопнут.

— Да.

— Вот-вот отходит состав на Латинг.

— Спасибо, — ответил Кинт и хотел было поспешить на перрон, но городской, наклонившись, аккуратно придержал его за клапан ранца.

— Подожди... для порядка, дай-ка посмотрю жетон твой и грамоту-распоряжение по демобилизации.

Подчинившись, наученный предыдущей и плохо закончившейся историей, Кинт проворно выудил из-под ворота шнурок с жетоном и хотел запустить руку в карман на груди, чтобы достать грамоту, но городской, опустив со шлема громоздкий окуляр, уже успел прочитать имя...

— Кинт Акан? Господин капитан! Да мастер-инспектор Локт всей жандармерии как сказку на ночь рассказывает про вас без конца! Небеса! Скажу ребятам — не поверят!

— Пусть он лучше про себя рассказывает, ему есть о чем, — ответил Кинт и добавил, кивнув в сторону перрона: — Я так могу опоздать.

— Поскачу вперед, предупрежу начальника депо. — Обрадованный встречей городской поскакал к паровозу, который с громким шипением выпускал клубы белого пара.

А Кинт, расстроившись, что не получилось попроситься с Локтом, поспешил следом, слыша, как паровоз трехкратным гудком оповестил о скором отправлении.

С Кинта не взяли даже медяка за то, что получилось найти место в тесном товарном вагоне, переделанном под перевозку пассажиров, где установили пару десятков жестких деревянных лавок и прорезали несколько окошек. Ополченцы, солдаты и жандармы, многие искалеченные войной... женщины, дети и старики с узлами, саквояжами и котомками... кто-то возвращается домой, но большинство уезжает из Тека, навсегда потеряв этот дом, в надежде найти пристанище в теплых краях, где нет разрухи и есть работа, за малую пайку еды и угол для ночлега. Резкий запах пота, кудахтанье двух куриц в деревянной клетке на коленях у деда мрачного вида, на соседней лавке женщина держит на руках младенца, он замотан в тряпье, из которого торчат маленькие чумазные стопы, а дитя, закрыв глаза, терзает тощую грудь усталой и измученной матери...

Состав ехал медленно и нещадно чадил на подъемах, для видавшего виды паровоза девять вагонов — это много. Но старый пожиратель угля пыхтел и ехал, замедляя ход на недавно восстановленных мостах, чуть разгоняясь на спусках и снова замедляясь на поворотах. Несколько раз состав останавливался, то у маленького поселка, то у фермы, где за считанные минуты стоянки состава, бранясь, пихая друг друга, на

крыши вагонов забирались желающие ехать на юг. От небольшой маленькой загородки, которая была приспособлена под оправление нужды, к моменту, когда наутро следующего дня состав прибыл в Мьент, уже тошнотворно разило. Выбравшись из вагона, Кинт вздохнул полной грудью и решил найти другой способ добраться до Латинга. А пока ему на глаза попалась вывеска постоянного двора, и он направился к ремонтующемуся двухэтажному каменному дому, у которого не было половины крыши, а другая половина провалилась, похоже, от попадания снаряда. Заплатив за сырую комнату в цоколе размером три шага от стены до стены, Кинт стянул сапоги и с наслаждением вытянулся на деревянном топчане. Звуки улицы и станции неподалеку, врывающиеся в комнатку через окошко под потолком, не мешали Кинту, и он, подложив под голову тощий ранец и скинув на пол пояс с револьверной кобурой и палахом, сразу уснул.

Глава тридцать четвертая

Кинт проснулся перед рассветом, подскочив и выхватив из-за пазухи пистолет. На улице раздавались выстрелы, были слышны свистки городских, а мимо окошка, гроыхая и скрипя, пронеслась повозка.

— Доброе утро, — недовольно хмыкнул Кинт, убирая в кобуру начищенный до блеска за время безделья в форту пистолет, и, чиркнув огнивом, поджег огарок свечи.

В тусклом, дрожащем свете отыскал сапоги и портянки, подобрал с пола и пристроил на место пояс, подхватив ранец и прижав фитиль свечи пальцами, вышел из комнатухи.

Хозяин постоянного двора, низкого роста мужичок с поросычьими, бегающими глазками, уже возился у очага в тесном кабачке-пристройке...

— Уже проснулись? — заискивающе улыбаясь, поинтересовался он.

Кинт даже сначала оглянулся, подумав, что хозяин обращается не к нему.

— Да, шумно что-то.

— И не говорите, почти каждую ночь такое — бандиты грабят пакгауз, хотя какие они бандиты, просто голодные люди.

— Совсем плохо с едой в Мьенте?

— Еды хватает, но заплатить за нее могут не все.

— Понятно. Мне бы позавтракать.

— Сию минуту... без изысков, конечно, но есть немного пирога с рыбой, и могу пожарить яйца.

— Да, вполне устроит.

Кинт присел за столик у разбитого и редко заколоченного досками окна и посмотрел во двор, где у конюшни стояла пара повозок.

— Скажите, а кроме железной дороги, в Латинг есть еще способ добраться?

— Раз в неделю прилетает транспортный дирижабль, за пять золотых я могу похлопотать за место.

— А еще каким транспортом можно добраться?

— Можно паровыми фургонами, каждый день после обеда от ратуши отъезжает караван с охранением, можно и верхом, но это, считайте, самоубийство, в степях и банды и кочевники, разрази их гром! Дорожная жандармерия еще слаба и малочисленна, за всем не успевает следить. Эх... когда уже наступят спокойные времена? — закатив глаза к закопченному потолку, у потолка же и спросил хозяин постоянного двора. Но его вопрос остался без ответа.

Пока хозяин заведения возился у очага, Кинт снял с пояса кошель и, расстегнув клапан, пересчитал монеты, в основном Северного терратоса, доставшиеся Кинту в виде трофеев по пути от пещер, но золото и серебро, оно везде имеет ход, и неважно, где прессовали или чеканили монеты.

— И когда ожидается следующий дирижабль? — спросил Кинт, убедившись в своей платежеспособности.

— Должен был быть еще вчера, но что-то не прилетел, — ответил хозяин постоянного двора, выставляя перед Кинтом тарелки с деревянного подноса.

— Попробую найти место в караване с фургонами.

— Это я тоже могу устроить... люди бегут от неустроенности, и мест часто не хватает.

— А я смотрю, ты от этой неустроенности уже жиром заплыл, — вдруг рывкнул Кинт и схватил хозяина заведения за ворот.

— Что вы делаете! Пустите! — заверещал хозяин заведения, пытаясь освободиться.

Кинт ослабил хватку, оттолкнул мерзкого коротышку и принялся за еду, всеми силами сдерживая себя от расправы над этим дельцом от людских бед. Закончив завтрак, потеряв аппетит и недоев, Кинт бросил пару серебряных кестов на стол, подхватил ранец и вышел, причем хлопнул дверью так, что один навес оторвался, и дверь осталась висеть поперек проема.

Заполучить место в караване моторных фургонов не составило труда — стоило лишь продемонстрировать высокому здоровяку из охраны каравана три золотые монеты, пусть и северной чеканки. А еще через два дня Кинт стоял на городской площади Латинга, разминая затекшие ноги и оглядывая улицы города, в котором не был год, но этот год очень изменил все вокруг... людей, города, терратос.

— А куда ехать герою войны? — широко улыбаясь, спросил молодой парнишка — возница повозки, запряженной парой старых, того гляди падут, кобыл.

— В депо.

— Кест серебром.

— Поехали, — ответил Кинт и, забираясь в повозку, сунул в протянутую руку монету.

— Все, кто прибывает с севера, для меня герои, — не оборачиваясь и следя за дорогой, говорил возница, — я в ополчение просился — не взяли, еще семнадцати нет.

Парень еще что-то говорил, прославляя подвиги армии, но Кинт его не слушал, смотрел на улицы, дома, людей. Вроде тот же Латинг, но что-то неуловимое, еще не понятное Кинту, изменило все вокруг. А вот кабачок у депо, мимо которого проехала повозка, был на месте, из трубы поднимался дым, на открытом крыльце разговаривали несколько мужчин в кителях армейского покроя, но без знаков различия и шевронов войсковой принадлежности.

— Здесь останови, дальше дойду сам, — Кинт тронул за плечо возницу.

— Как скажете... прррр... — возница натянул вожжи.

Выпрыгнув из повозки, Кинт быстрым шагом направился к воротам депо, чувствуя, как засосало под ложечкой и похолодело внизу груди — предвкушение встречи с Тьетэ.

— Стой! Сюда нельзя, — пробасил высокий и крепкого сложения парень; на плече короткий карабин, револьвер в кобуре на поясе и китель нового покроя.

— Раньше здесь было всегда открыто, — остановился Кинт перед здоровяком, — мне бы к господину Тьетэ пройти.

— Он в отъезде, проверяет пути на востоке. На службу устроиться?

— Нет, просто повидаться.

— Приходи через день.

— Понятно, — ответил Кинт и пошел в сторону квартала нескольких дворов-колодцев, в одном из которых был его флигель.

В арке Кинт замедлил шаг, будто ожидая, что сейчас выйдет старик Мог и, кашлянув, поздоровается. Но дворового сторожа не было, как не было и двух стариков, что вечно дымили на балконе и наблюдали за двором, а точнее, за молоденькими прачками старухи Ригер. Большинство квартир были оставлены хозяевами, окна закрыты ставнями и заколочены... но вот скрипнула дверь, и на пороге показалась старуха Ригер.

— Добрый день. — Кинт остановился, прежде чем шагнуть на шаткую и опаленную пожаром лестницу.

— Кинт?

— Да, мадам.

За время, что Кинт не видел хозяйку прачечной, старуха сильно сдала. Опираясь на клюку, она цепким взглядом смотрела на Кинта, ее голова чуть подрагивала, а вся ее фигура напоминала высохший гриб.

— Тот мальчик, что поселился в твоём флигеле, рассказывал мне про тебя. Он такой серьезный, рано утром уходит, приходит затемно... у Тьетэ служит.

— Напридумывал, наверное, — улыбнулся Кинт и подошел чуть ближе к Ригер, — а вы как здесь?

— По-разному, но лучше, чем многие другие, прачку вот снова открыла, — вздохнула старуха, — ты иди, отдыхай с дороги, потом поговорим.

Поднимаясь по лестнице, Кинт еще раз осмотрел внутренний двор — пусто... не слышно звонкого хохота детворы, завалившийся птичник, запах гари, мусор... Провожая Кинта взглядом, старуха Ригер подошла к сушилке с рядами выстиранного белья и стала проверять

костлявой, затянутой в тонкую, почти прозрачную кожу рукой, высохло ли белье. Подойдя к двери флигеля, Кинт обратил внимание, что она отремонтирована и врезан новый замок. Достав нож, он аккуратно поддел штапики окошка, выставил стекло, просунув руку, нащупал вертлюжок замка и открыл дверь.

— Вот так, — вслух сказал Кинт и принялся вставлять стекло обратно, — ставни бы заказать, да покрепче.

Внутри было прибрано, в оружейной пирамиде стояла длинная трофейная пехотная винтовка северян, очаг давно остывший, а над столом в подвешенной к балке плетеной корзине подсохший сыр и кусок лепешки, еще не успевшей зачерстветь. «Должно быть, с Тьетэ уехал», — подумал Кинт, бросил ранец на лавку, закрыл дверь и, усевшись на кровать, стал стягивать сапоги.

— Кинт! — донеслось с порога.

Открыв глаза, Кинт сел в кровати, посмотрел на силуэт в дверях и сказал:

— Что, затянула служба у Тьетэ? Здравствуй, Сарт.

— Приехал. — Улыбаясь, Сарт подошел к Кинту и протянул руку: — Я жаждался уже.

— А времени зря не терял, смотрю, ремонт сделал.

— Да, — Сарт, обменявшись рукопожатием с Кинтом, поставил на пол ранец, — надо было все в порядок привести. Терратос меня кестами не обидел, чего не сказать о других... вот и занялся ремонтом, да мадам Ригер немного монет подкинул, тут ужас, что было с домом и во дворе.

— Ну, другие сами виноваты, навалились на неприятности, — хмыкнул Кинт, обуваясь.

— А ты не знаешь? Я ведь не твою историю имел в виду, а вообще.

— То есть?

— Единственная провинция, которая честно выполнила обязательства перед ополченцами и мобилизованными, это Степная, только тем, кто отсюда, заплатили или предоставили надел земли, остальные провинции ограничились подачками и быстро забыли о пролитой крови.

— Не удивлен... Ладно, я есть хочу, пойду в кабачок, составишь компанию за ужином?

— Конечно!

— Сейчас пойдем, — ответил Кинт, обувшись, подошел к камину и, свалив в сторону дрова с чугунной плиты, поднял ее.

— Ого, — удивился Сарт тайнику.

А Кинт достал окислившийся и покрывшийся зеленой пленкой маленький медный сундучок, не без усилий открыл его и, перебрав бумаги, развернул одну из них, сел на пол и стал читать...

— Ты вот что, — Кинт убрал записку в карман и вернулся на место содержимое тайника, — сходи в кабачок, купи ужин и неси сюда, а я пока на почту.

— От нее?

— Да. Почти год пролежала здесь эта записка...

— Хорошо. — Понятливый Сарт прихватил плетеную корзину и, прежде чем выйти, сказал: — Пешком не ходи, поймай повозку.

— Что, все так плохо?

— Когда темнеет, лезет всякое из подворотен.

Но Кинт пошел пешком, на Латинг опускались сумерки, возницы объезжали район депо стороной. Словно паровоз на всех парах, Кинт шагал по улице, одна из сомнительных компаний, что грелась у костра, разведенного прямо на мостовой, даже перестала разговаривать и хохотать, когда мимо них уверенным шагом прошел человек, от которого будто исходило: «тронь — и ты покойник». Спустя полчаса Кинт уже был у здания

почты, долговязый парень возился у двери, бранясь на непослушный замок.

— Уже закрываете? — из темноты пугающей тенью показался Кинт.

— Да... я и так задержался.

— Прошу, задержитесь еще немного, я оплачу неудобства.

Почтовый служащий громко вздохнул и, толкнув дверь, сказал:

— Проходите, вам, наверное, очень надо...

— Очень.

Кинт дал телеграмму Григо о том, что отправляется на поиски Сэт, а также о том, что тот может приехать в Латинг и, используя векселя оружейного дома Ренэ, лежащие в тайнике, как-то попытаться наладить торговлю в лавке.

Ужинал Кинт молча, периодически отрезая ножом кусок ветчины и закусывая им очередной стакан шанта. Сарт пытался завести разговор, рассказать о том, как устроился у Тьетэ, но Кинт лишь безучастно кивал и молча жевал, глядя в одну точку на стене. Бутыль шанта опустела, но Кинт совсем не захмелел, просидев еще немного за столом каменным изваянием, он наконец поднялся и сказал:

— Одолжишь десяток золотых кестов?

— Конечно, Кинт... Только скажи, что ты задумал?

— Поеду на юг, искать Сэт.

— Я поговорю с Тьетэ, он...

— Нет! Тебе хватило приключений за прошедший год, я еду один, и это не обсуждается! Так одолжишь десяток кестов?

— Да, — ответил Сарт и было насупился, но он уже хорошо знал Кинта — лучше сделать то, что он просит, а просит он редко. — Что-то еще нужно?

— Лошадь, карабин, походное снаряжение и карту... в конторе у Тьетэ были карты.

— Думаю, господин Тьетэ...

— Не сильно надейся на господ. — Кинт подошел к Сарту и, положив руку ему на плечо, уставился прямо в глаза. — Ни один из них не отдаст за тебя жизнь, каждый из них готов тебя продать, купить и снова продать! Только ты сам и больше никто...

— А как же друзья?

— Не обрастай друзьями, они умирают... и до конца жизни ты будешь упрекать себя в том, что смерть каждого на твоей совести, потому что не оказался рядом и не смог помочь!

Кинт выкурил трубку, стоя на проходном балконе, идущим по внутренней стене дома-колодца, и глядя в ночное небо изнутри этого замкнутого квадрата. Прозрачные, как перья, уже летние облака медленно плыли мимо полной луны на юг.

— И мне туда, — тихо сказал Кинт, а потом заглянул в окошко флигеля, где Сарт уже раскатал походное одеяло и улегся рядом с камином.

Рано утром Кинта разбудили звуки депо, звук перестрелки в соседнем квартале и свистки городских, он поднял голову и осмотрел комнату.

— Похоже, стрельба по утрам это здесь вместо «доброе утро», — пробубнил Кинт, свесив ноги с кровати.

Сарта уже не было, походное одеяло лежало свернутым у пирамиды, через небольшие окна у двери пробились лучи солнца, гоняя крупинки пыли в своем свете. Согрев воды, приведя себя в порядок и позавтракав откуда-то появившейся свежей выпечкой с сыром, Кинт вытряхнул из своего ранца все содержимое на застеленную суконным одеялом кровать, туда же полетело все оружие, а также медная коробка из тайника у камина.

Присев на кровать, Кинт перебрал содержимое коробки, выложил на кровать пару тощих кожаных кошельков, просмотрел векселя оружейного двора, которые приобрел в лучшие времена. Каждый из них оценивался в двести золотых кестов — неплохое вложение средств перед войной, на которой обогатились все оружейники и промышленники. Затем вывернул карманы и высыпал из всех кошельков монеты.

— А я про тебя совсем забыл... — Кинт взял в руки монету, выпавшую из кошелька, хранившегося в медной коробке. На одной из ее сторон была выдавлена голова волка... Он провел по ней пальцем, и, словно вспышка, полетели воспоминания.

— *Иди сюда, садись, — кивнул на табурет у стола Брэтэ, — тут ко мне вчера человек один приезжал...*

— *Я видел, их вроде трое было.*

— *Это охрана... так вот, он уже вчера знал, что корпуса охраны дорог расформируются... интересно, да?*

— *Честно? Не интересно.*

— *А зря, — насутился Брэтэ, — этот человек знает, что все, кто с сегодняшнего дня начнет покидать форт, будут при неплохих деньгах.*

— *И?*

— *Кроме всего прочего, он просто заехал предупредить, что кое-кто в городе тоже знает об этом, а завтра про это будет знать все отребье с окраин.*

— *И?*

— *Да что ты заладил-то? — вскипел Брэтэ. — А ты знаешь, что этот мой вчерашний гость с другой стороны границы?*

— *Теперь знаю.*

— *Вот!*

— Не понимаю, он заехал предупредить, что на жандармов в горах теперь будут устраивать засады или что форт вот-вот подвергнется нападению с целью разграбления?

— Я не об этом, хотя засады возможны, и предупреди ребят, чтобы поодиночке не покидали форт. Я о том, что этот человек представлял другого человека, который заинтересован в найме опытных бойцов.

— Кто-то собирает свою маленькую армию?

— Я думаю, что своя армия у него уже есть... нет, ему нужны такие, как ты. — Брэтэ отвел глаза и стал ковырять ногтем трещину в столешнице. — Как тебе сказать... ну, чтобы без родных, друзей и в то же время, чтоб хороший боец и стрелок.

— Мне это не интересно, и у меня совсем другие планы.

— Хорошо, — повеселел Брэтэ.

— Что хорошо?

— Хорошо, что я в тебе не ошибся.

— Но вы же не знаете моих планов, — ответил Кинт и улыбнулся.

Увидев эту улыбку, Брэтэ понял, что он, возможно, не просто ошибся в Кинте, а за эти годы службы, оказывается, и не узнал его вовсе.

— Эм... ну тогда вот. — Брэтэ снова нахмурился, выложил на стол серебряный кест, на котором была выдавлена голова волка. — Это, считай, пригласительный билет тебе.

— Куда?

— На работу... почти в каждом крупном городе, обычно рядом с рынком, есть таверна с вывеской, на которой ты увидишь такую же голову волка, рассчитаешься этой монетой за выпивку, и тебя проводят.

— К некому влиятельному человеку, которому нужны наемники, которых, в свою очередь, никто не будет искать?

— Верно, только его самого ты вряд ли когда увидишь, а вот к непосредственному, так скажем, командиру, или кто они у них там, тебя проводят.

— Что ж, пригодится. — Кинт сгреб монету со стола и встал. — Что-то еще, господин капитан?

— Вот, — Брэтэ положил на стол гербовую бумагу, а потом увесистый кошель, — и вот.

— То есть я могу покинуть форт?

— Да.

Кинт молча кивнул, в последний раз отдав капитану честь, и вышел из кабинета.

Уже собрав ранец, почистив и зарядив два пистолета, револьвер и выведя точильным камнем спуски на палаше, Кинт снова перечитал телеграмму из небольшого городка на юге, а потом записку от Сэт... Послышались шаги, дверь распахнулась, и на пороге появился Сарт.

— Уже собрался? — Сарт опустил на лавку у входа большой баул с торчащим из него карабином.

— Да, дружище Сарт... надо ехать, что с лошадью?

— Во дворе, господин Тьетэ сказал, что заедет, как освободится, у него какой-то разговор к тебе.

— У меня другие планы, разговор придется отложить.

— В седельных сумках кое-какие припасы, фураж, а тут, — Сарт кивнул на баул, — карабин, патроны, комплект амуниции дорожного жандарма без обозначений принадлежности к какому-либо корпусу, конечно.

— Спасибо, Сарт.

— И вот, — Сарт протянул кошель, — это от меня и от Тьетэ... он сказал, что ты не получил последнее жалованье перед войной.

— Что ж, очень кстати... Ладно, не люблю всякие прощания, небеса позволят — увидимся.

— Удачи тебе, Кинт. — Сарт протянул руку.

Ответив рукопожатием, Кинт подмигнул Сарту, накинул лямку ранца, подхватил баул и вышел.

Глава тридцать пятая

Не особо рискуя, первый день пути Кинт проехал, плетясь за караваном, который охранял десяток наемников. Затем караван свернул на восточный тракт, а Кинт поехал дальше, на юг, одиноким путником по степи, периодически останавливаясь и осматривая окрестности в подзорную трубу. К вечеру второго дня в стороне от торгового тракта, в излучине широкого притока полноводной Зиды, спускающейся к Актуру и впадающей в океан, показался поселок рыбаков. Три сотни добротных домов граничили с рощей, что тянулась по высокому берегу реки. Там наверняка была гостиница или постоялый двор, но Кинт не стал сворачивать с тракта, а решил заночевать на старом посту дорожной жандармерии, перестроенном под слесарную станцию для самобеглых экипажей и фургонов на паровой тяге. Тут же была конюшня армейской вестовой службы и щитовой двухэтажный домик, в котором были кабачок и скромная, на несколько комнат ночлежка. Начинало темнеть, горели фонари, на открытой веранде кабачка за одним из столиков сидела уже изрядно захмелевшая компания машинистов фургонов, играли в кости, громко смеялись, то и дело прикладываясь к высоким пивным кружкам.

— Эй, жандарм! — окрикнули Кинта со стороны веселой компании. — Давай к нам.

— Спасибо за приглашение, — ответил Кинт, отдавая поводья подбежавшему парнишке из прислуги.

— Только одна комната свободна, — сказал парень, приняв от Кинта пару медяков за свои услуги, — отведу лошадь и седельные сумки туда принесу.

В ответ Кинт кивнул и, пройдя через веранду, вошел внутрь ночлежки, где оплатил комнату и ужин и снова вышел на веранду, глубоко вдохнув степной воздух, пахнувший полевыми цветами и... машинным маслом со стороны мастерской.

— Давай, давай, садись, — замахал руками раскрасневшийся машинист в кожаном кителе и с пестрым дорожным платком на шее, — с севера мало кто вот так, в одиночку приезжает... Как там на тракте?

— Я с большим караваном ехал, пока он на восток не свернул, так что дорога была без приключений...

— А-а, — протянул машинист, явно расстроившись, что не будет захватывающей истории на сон грядущий о нападениях на бывшей прифронтовой территории, — ну, дальше спокойно поедешь... Сам-то из жандармов?

— Угу, — кивнул Кинт, принимая от хозяина заведения миску с наваристой кашей и такую же, как у всех четверых сидящих за столиком, высокую кружку с пивом, к слову, теплым и отдающим почему-то больше брагой.

— А на вкус ничего, — сказал другой машинист, обративший внимание, как немного скривился Кинт, когда принялся к пиву, — в кости играешь?

Отрицательно помотав головой, Кинт принялся за кашу.

Компания продолжила игру, бросая кости из помятой медной кружки на деревянный поднос с бортиками

и разговаривая о некоем транспортном тресте с показавшимся знакомым Кинту названием.

— Как, вы сказали, называется? — разобравшись с кашей и сделав несколько глотков действительно неплохого на вкус пива, спросил Кинт и стал набивать трубку табаком.

— «Дов и сыновья», — ответил красномордый.

— Это который около Степного форта? — уточнил Кинт.

— Раньше был около, а теперь в самом форту. Там у господина Дова теперь большие мастерские, стоянки фургонов, гостиница. Богатый человек...

— И умный, — вставил другой машинист, не дав красномордому договорить, — чересчур, на войне состояние свое сколотил, а наемников у него — армия!

— Так охранять же надо грузы да пассажиров в пути.

— Вот-вот, говорят, он приплачивал бандам, когда кроме как его фургонами к Майнгу было не добраться.

— Слухи! — отмахнулся молчавший до этого еще один машинист.

— Может, и слухи, но те, кто отказывался от сопровождения караванов наемниками, терпели убытки в результате налетов, а в случае найма этих лентяев с карабинами — все спокойно.

Меж машинистами разгорелся пьяный спор насчет капиталов господина Дова, а Кинт встал из-за стола и присел на ступени веранды, пыхтел трубкой и смотрел на вспыхнувшее звездами небо. На юго-западе над степью висело белое «блюдце» полной луны, в свете которой Кинт и заметил темные силуэты не менее чем двух дюжин всадников в сотне шагов. Они ехали медленно, со стороны степи. На некоторых были характерные головные уборы, которые заметил Кинт, он резко встал, положил руку на рукоять револьвера и громко сказал:

— Кочевники!

Компания моментально замолчала, и все уставились в степь.

— Карабины! — мгновенно протрезвев, вскрикнул красномордый. — Все внутрь! Хозяин, буди постояльцев! Кочевники!

Пока хозяин ночлежки — прихрамывающий южанин с испуганными глазами оббегал все комнаты постояльцев с криком «поднимайтесь, кочевники!», Кинт быстро прошел в свою комнату, взял карабин и патронташ и спустился в кабачок. Свет был потушен, все присутствующие тихо переговаривались, из разных концов помещения доносились звуки то взведенного курка, то досылающего патрон затвора. Расстегнув китель, чтобы был доступ к кобурам, Кинт подошел к окну и сказал:

— Пальцы со спусковых крючков убрали все, а то в темноте да с перепуга... и вот что, у кого есть военный опыт?

— Пятнадцать лет в городских отходил, — кто-то сказал из темноты, — да в ополчении два года, пока шла компания по присоединению западных земель.

— Идите сюда.

В свете луны показалось лицо низкорослого пожилого мужчины, он подошел к окну и встал рядом с Кинтом, вглядываясь в темноту.

— Могут поджечь, — сказал он и лязгнул затвором короткой винтовки.

— Поднимитесь наверх, все комнаты открыты, поглядывайте из окон... возьмите с собой еще кого-то для оповещения, первым не стреляйте, просто наблюдайте.

— А у тебя, сынок, у самого-то опыт есть? — Мужчина продолжал всматриваться в темноту.

— Есть, достаточный.

— Ну, хорошо.

Тем временем отряд всадников подъехал к старому посту, вели они себя по меньшей мере странно, оружия ни у кого в руках не было, лошади перетаптывались, фыркали, в свете двух уличных светильников можно было разглядеть лица. Характерные черты — высокие и выпуклые надбровные дуги, чуть приплюснутый нос и широкие ноздри, глубоко посаженные глаза... кочевники, самые что ни на есть, единственное, трое, что спешили и направились к входу в ночлежку, были выше ростом, чем остальные, да и лица у них были обыкновенные, если не сказать больше — красивые, относительно других соплеменников. Такое наблюдение сделал Кинт, пока троица шла к двери. Так же и одежда — подогнанная по фигурам, аккуратно пошитые камзолы, начищенные сапоги, никаких тебе шкур и меховых шапок с хвостами степных гиен. Скрип досок веранды, шаги, внутри ночлежки все замерли и затихли... В дверь постучали, обычно так, как стучит вежливый гость.

— Мы знаем, что вы нас заметили, знаем, что готовы стрелять, но не лучше просто поговорить? Терратос и так пролил немало крови.

— Я не верю своим ушам, как и тому, что происходит, — прошептал кто-то из темноты.

— Что вы хотите? — стараясь говорить как можно увереннее и грозно, спросил хозяин заведения.

— Мы хотим купить фураж и пополнить запасы провианта.

— Пусть остальные отъедут на сотню шагов в степь, — громко сказал Кинт, — а вы входите.

— Хорошо, — ответили из-за двери, и сразу после его слов остальные всадники развернули лошадей и медленно поехали в темноту.

— Входите и руки держите так, чтобы их было видно.

— Договорились.

— Зажгите лампу, — сказал Кинт, — одну... в углу у очага.

Дверь скрипнула, и троица вошла одновременно с тем, как все помещение озарил тусклый и подрагивающий желтый свет масляной лампы. Один из кочевников вышел вперед и, отцепив от пояса увесистый кошель, подкинул его в руке. Приятно звякнуло, хозяин заведения облизал губы и опустил оружие.

— Так что, продадите фураж и провиант?

— Сколько тебе?

— Мой сын Даш, — кивнул кочевник на молодого парня справа от себя и отдал ему кошель, — он отберет все, что нужно.

— Хорошо, пусть идет со мной в кладовую.

Пока за стенкой рядом с кухней слышались приглушенные разговоры и громохание, а два парнишки из прислуги перетаскивали корзины и холщовые торбы на улицу, Кинт присел на лавку у окна и, положив карабин на колени, внимательно разглядывал на удивление вежливых ночных гостей, а потом все же сказал:

— Ты не похож на кочевника.

— А ты не похож на отставного ополченца... я вижу, как ты на нас смотришь, как держишь оружие, от тебя пахнет войной, горем потерь и тоской о близких людях, их немного, но некоторые из них мертвы. А еще... — кочевник как-то странно закатил глаза к потолку, передернул плечами, будто его знобило, и снова уставился на Кинта, но какими-то другими глазами, — еще ты скоро испытаешь голод крови, да, это особый голод, и если случится его утолить, то потом не сможешь остановиться и не насытишься никогда.

Кинт даже принюхался к себе, услышав такое.

— Я слышал, что у вас свой взгляд на мир, — ответил Кинт, — но чтобы настолько, что сродни бреду...

— Все готово, отец. — Из кладовой вышел Даш и тоже бросил странный взгляд на Кинта.

— Мир меняется, — снова заговорил старший из кочевников и, выходя, добавил: — Спокойных вам звезд в эту ночь.

— Это что вообще было? — Только сейчас красно-мордый машинист опустил карабин и присел за стол.

— Вероятно, показатель того, что мир меняется, — сказал Кинт, приставив карабин к стене, и посмотрел в окно, на удаляющиеся в темноту степи силуэты троих кочевников, ведущих в поводу навьюченных провиантом и фуражом лошадей.

— А что это он нес про тебя?

— Какой-то дикарский бред, — сказал хозяин ночлежки.

Приняв по стакану шанта за счет заведения, все присутствующие разошлись по комнатам и легли спать, но на всякий случай постояльцы предложили усилить охрану — двоих парнишек из прислуги, выполняющих работу ночных сторожей, казалось, недостаточно после такой встречи. Но ночь прошла спокойно, и с рассветом Кинт покинул старый пост, сверившись с картой и решив срезать путь, свернув на проселок.

За сутки пути до Актура движение по торговому тракту заметно уплотнилось, мало того, навстречу и по пути стало попадаться все больше фургонов и экипажей на паровой тяге. Их количество заметно увеличилось, когда Кинт проехал небольшой степной городок, стоявший на развилке, соединяющей западный и северный торговые тракты. В направлении на Майнг и обратно к Актуру также курсировали дирижабли, и транспортные, и пас-

сажирские. Догоняя конные обозы и примыкая к ним, вечером на четвертый день пути Кинт въехал в Актур со стороны бухты и остановился на холме перед портом, немало удивившись тому, как теперь выглядит город. Точнее, внешне он почти не изменился, за исключением маленьких трамвайных вагончиков, проезжающих с периодичностью в десять минут по металлическим фермам, что заплели город, словно паутина. Также появилось несколько лишних труб в промышленном районе, чадивших каким-то желтоватым дымом. Плотина энергетической станции, которую начали возводить в последнее посещение Кинтом столицы, выглядела величественно, срывающиеся вниз огромные потоки воды поднимали вокруг облака мелких капель, отчего возникала радуга, когда закатное солнце ярко освещало белый камень плотины.

— Да уж, — хмыкнул Кинт и направил лошадь по широкой мостовой, идущей от пригорода к порту.

У пирсов и на рейде было много кораблей, старых рыбацких шхун и длинных барж. Военных кораблей почти не было, только два юрких пограничных катера с высокими трубами, молотя воду лопастями гребных колес, сновали меж кораблей, на мачтах которых Кинт заметил незнакомые флаги.

— Господин, — детский голос и то, что кто-то бесцеремонно потянул за стремя, отвлекли Кинта от леса мачт в бухте.

— Чего тебе? — Кинт посмотрел на босоногого сорванца лет десяти, с рыжей копной грязных волос, чумазым конопатым лицом и многократно штопанной одежде.

— За пару медяков я покажу вам столицу... хотите?

В стороне стояли еще несколько таких же малолетних жителей лачуг, нагроможденных по берегу бухты одна на другую.

— Я хорошо знаю Актур, так что в твоих услугах не нуждаюсь, но пару монет могу подкинуть. — Кинт нащупал в кармане кителя несколько монет.

— А ну разбежались! Быстро! — раздался громогласный голос из проулка, откуда верхом выехали трое городских. — Давно плетью не получали или на каторгу захотели?

Голытьба бросилась врассыпную, сверкая грязными пятками.

— Что, полные карманы монет? — спросил один из городских, подъехав к Кинту. — Так пока пару улиц проедешь, все и раздашь... вот сердобольный-то. Они же как, один просит, а второй уже тебе седельную сумку вспорол, глянь.

Кинт наклонился, посмотрел на разрезанный бок сумки и улыбнулся.

— Там тряпье одно.

— Твое счастье, — пригладил пышные усы пожилой городской и внимательно посмотрел в глаза Кинта, — знакомо что-то мне твое лицо.

— Я тебя тоже узнал... несколько лет назад ты все время в районе рынка патрулировал. Я тут жил, потом уехал.

— Верно, на рынке патрулировал... Из ополчения, с севера? — догадался городской.

— Да, — ответил Кинт, предугадав следующий вопрос, достал из кармана увольнительную грамоту и протянул ее усатому законнику.

— Жетон... угу... ага... Хорошо, — вернул бумагу городской, — что привело в Актур?

— Проездом, переночую и поеду дальше.

— На юг, поди?

— Как получится.

— Все на юг теперь едут, в южной провинции все с ума посходили с этими черными смолами, в артели собираются и качают, качают, качают. Даже узкоколейку туда проложили, смолу сюда везут, видишь желтый дым из труб новых лабораторий?

— Угу.

— Новое топливо делают, еще агрегатов единицы, все больше экспериментальные, но топливо варят.

— Понятно.

— В центре не останавливайся — дорого, на западной окраине, где каменная набережная начинается, брат мой постоянный двор держит, он сам отставной жандарм, с таких, как ты, берет недорого.

— Спасибо.

— Бывай, и не разевай рот, босяки тут шустрые, — махнул рукой старший городской, и патруль поехал вниз к порту.

Глава тридцать шестая

Оставив лошадь у коновязи, Кинт подхватил седельные сумки, ранец и вошел в низкую, с арочным сводом дверь двухэтажного каменного дома на набережной. Сразу оказавшись в просторном тамбуре с дверью-решеткой напротив входной, за которой в низком плетеном кресле дремал седой мужчина, примяв рукой газету на коленях. Внешне он был сильно похож на проверявшего Кинта городского, только старше возрастом лет на пятнадцать, на месте и седые усы, переходящие в бакенбарды. Кинт постучал наверху палаша по решетке и опустил вещи на пол.

— Дорожная жандармерия? — не изменяя положения тела, спросил мужчина, открыв правый глаз.

— Так есть, — чуть улыбнулся Кинт, оттого что человек напротив сильно напомнил ему капитана Агиса.

— Место службы, звание?

— Сначала Степной, затем Северный форт.

— Хм... Северный? — Хозяин встал, подошел к решетке. — Кто командовал там?

— Вплоть до упразднения, капитан Брэтэ... пусть не отвергнут его небеса.

— Спился... — с сожалением вздохнул хозяин, достал ключ и, открыв дверь-решетку, сказал: — Проходи.

— Нет, — Кинт подобрал свои пожитки и прошел за дверь, которую за ним снова закрыл хозяин, — он погиб, как герой погиб, сначала сдерживая натиск северян, а потом, будучи смертельно раненным, прикрывал отход остатков отряда.

— Ты был с ним?

— Да.

Отставной жандарм еще раз оценивающе посмотрел на Кинта, опять вздохнули, сняв с одного из дюжины крючков на стене длинный ключ, протянул его Кинту со словами:

— Два дня бесплатно, только за парную отдельно заплатишь кест серебром, а потом десять кестов в неделю, и на заднем дворе конюшня, распоряжусь, обиходят, накормят, за это кест в сутки. Стряпни у меня никакой нет, только комнаты, но кабачок тут через дорогу... поднимайся, второй этаж, вторая дверь направо. Звать как?

— Кинт, Кинт Акан.

— Еще и из сиротской школы... Можешь называть меня Тэбб, Белый Тэбб, все так меня зовут.

— Спасибо, — Кинт взял ключ, — я на пару дней, не больше, помоюсь, отосплюсь с дороги и поеду дальше.

С определенной периодичностью Кинт кричал в сторону низкой и узкой двери парной «Поддай!», маль-

чишка из прислуги на несколько секунд поворачивал вентиль на трубе от медного бака, и в парную врывалась струя пара, ударяясь в потолок, а затем распространяясь по небольшому помещению с низким потолком. Кинт лежал на самой верхней из трех полок, наслаждаясь ощущением того, как прогревается все тело, будто замещая теплом холод, холод не покидающего чувства вины. Вины за потерянных бойцов, вины перед Григо за то, что отправил Сэт в обманчиво спокойный Латинг, из которого ей пришлось уйти и пропасть где-то на юге терратоса. Вдыхая носом колючий пар, закрыв глаза, Кинт лежал и молил небеса о том, чтобы с Сэт все было в порядке, но слова необычного кочевника из ночлежки в старом посту не выходили из головы: «Их не много, но некоторые из них мертвы».

— Дьявол! Что он имел в виду? — Кинт переполз на нижнюю лавку, не в силах терпеть жар, и сел на нее. — И что еще за голод крови? Нет, бред какой-то! Насобирают трав дурманящих, напьются настоев из них, а потом несут не понять что!

— Вы что-то сказали, господин Кинт? — в парную заглянул парнишка с кучерявыми и черными, как уголь, волосами.

— Все, говорю, хватит с меня, уже голова кружится.

— Ого! Как же вас... — парень уставился на многочисленные шрамы и следы стараний армейских лекарей.

— Доставалось... ну, что там, воду приготовил?

— Да, господин Кинт.

— Какой я тебе господин! Заладил... — Кинт, отстранив парнишку от двери, вышел из парной, пройдя по узкому коридорчику, встал в каменную чашу, над которой из потолка торчала широкая медная труба. — Давай воду!

Парнишка подошел к стене и дернул за свисавший с потолка шнур, наверху что-то звякнуло, и на Кинта за несколько секунд вылилось не менее пяти ведер воды.

Кинт стоял у кабачка, что напротив гостиницы Белого Тэбба, и, придерживая шляпу рукой, рассматривал вывеску над его входом.

— Нравится? — спросил крепкого сложения мужчина с армейской выправкой, немногим старше Кинта, он только подъехал и, оставив лошадь у коновязи, тоже рассматривал вывеску. На длинном горизонтальном штоке, удерживаемое двумя цепями, висело скорее произведение искусства, нежели обыкновенная вывеска — кованая узорная рама в виде вьюна вокруг двух длинных палашей и двух штыков, образующих прямоугольник, а внутри из тонких медных полос изображение головы волка.

— Очень красиво, — медленно проговорил Кинт, поражаясь не столько изяществу, сколько схожести этой вывески с той, что висела над входом в винный погребок в Теке, только та была нарисована... нарисована Сэт.

— В Пинаре, что на юге, есть отличные кузнечные мастерские, это Хромого Бенье работа.

— Наверное, очень искусный кузнец?

— Не без того, но у него вроде какая-то молодая женщина была в помощницах, она рисует, а Бенье изготавливает из железа, проволоки или медных пластин. Из меди лучше, если начистить, вон как на солнце сверкает!

— Сверкает... — Кинт застыл как вкопанный.

— Да ты проходи, поужинать? — Собеседник осмотрел Кинта с ног до головы и добавил: — Отставка по ранению?

— Угу...

— Пошли, у меня для нашего брата-жандарма скидки.

Постепенно приходя в себя от увиденного и услышанного, Кинт сидел за столиком в кабачке и ожидал заказа. На стенах и на балках под потолком висели старые курковые винтовки, пики и палаши, светильники, к слову, тоже кованые и подвешенные на цепях, давали достаточно света, стелился табачный дым, многочисленные посетители, в основном с армейским или жандармским прошлым, ужинали и веселились. Смех и повизгивание пьяных продажных женщин, звон посуды... Одним словом, веселье в самом разгаре. Из раздумий о неизвестном Кинту городке на юге с названием Пинар Кинта вывело появление стройной девушки, со странным, острым, нет, скорее, пронизывающим насквозь взглядом, она, выставляя ужин на стол, улыбалась, демонстрируя ровные белые зубы, но улыбка была какая-то неискренняя, хоть и красивая...

— В первый раз тебя здесь вижу, недавно приехал?

— Да, проездом в Актуре и завтра уезжаю.

— Воевал? — Девушка присела напротив, не спросив разрешения, что, в общем-то, не принято в подобных заведениях, и говорило о том, что она либо владелица этого кабачка, либо в каком-то особом статусе.

— Немного. — Кинт придвинул к себе миску с добрым куском телятины и тушеными овощами.

— Даже если немного... мой отец разрешил сделать тебе скидку.

— Странно, — прожевав кусок сочного мяса, сказал Кинт, — если всем делать скидку, то с чего тогда прибыль? И сосед ваш, через дорогу, тоже даром всех пускает...

— Прибыль от табачных лавок. — Девушка пыталась заглянуть в глаза Кинта, но тот уставился в тарелку,

работая ножом и вилкой. — У отца их несколько в Ак-туре.

— Ммм... понятно, — сосредоточенно жуя, кивнул Кинт.

— Ну, я смотрю, ты не особо любишь поговорить, ладно, ужинай, отдыхай, может... позвать кого из девочек?

В ответ Кинт лишь отрицательно помотал головой.

— Как знаешь... я Тэф, позовешь, если еще что-то пожелаешь заказать. — Девушка встала, выгнув немного спину, демонстрируя отличную фигуру, удалилась за стойку и принялась разливать в высокие кружки пиво, составляя их на большой поднос и при этом продолжая бросать взгляды на Кинта.

Спустя полчаса, когда Кинт уже разобрался с ужином, откинулся на высокую спинку стула и, расстегнув верхние пуговицы кителя, наблюдал за присутствующими и медленно пил неплохое пиво, в кабачок ввалилась шумная компания. Несколько парней и девушек были уже изрядно навеселе, они с гомоном пробирались между столиками, толкали присутствующих, не нарочно, конечно, искренне улыбались и извинялись. Но одному из гостей извинений показалось недостаточно, и он, придерживав одного из парней за рукав, смачно впечатал ему кулаком в нос. Раздался визг, загромыхла тяжелая мебель... «Ну вот, сейчас начнется», — подумал Кинт и, бросив несколько серебряных кестов на стол, решил покинуть потенциальную арену будущей битвы, лицеизреть мордобой, а точнее, избиение, не было никакого желания.

Скоротечная потасовка, которую хозяин кабачка прервал парой выстрелов в потолок, уже унялась, а Кинт, присев на бревно коновязи и периодически отодвигая от своего лица морду любопытного коня,

не отрываясь, смотрел на вывеску, освещаемую двумя газоразрядными лампами на стене дома. Он почему-то вспомнил руки Сэт, как она тонкими пальцами держала кисть, аккуратно делая мазки, из которых складывался очередной рисунок...

— Плохо тебе? — Тэф подошла тихо, она стояла рядом и держала в руке кружку пива. — Держи, это от меня.

— Спасибо, — Кинт взял кружку и сделал несколько больших глотков, — мало кому сейчас хорошо...

— Верно. — Тэф села рядом и снова попыталась заглянуть в глаза Кинта, чуть наклонив голову. — Ты не такой, как все эти вояки.

— Обычный, — пожал печами Кинт, одним глотком допил пиво и протянул кружку Тэф. — Благодарю... Извини, я плохой собеседник, пойду... завтра рано вставать, и ехать далеко.

Кинт пошел через дорогу в сторону гостиницы, а Тэф крикнула вслед:

— Будешь в Актуре, заходи!

В ответ Кинт, не поворачиваясь, коснулся полей шляпы и махнул рукой.

Глава тридцать седьмая

На рассвете, попрощавшись с Тэббом и прихватив зачитанную им газету, Кинт покинул столицу, выехал на южный торговый тракт и медленно поехал по нему вдоль небольшой речушки. В этом направлении Кинт передвигался впервые в жизни, он внимательно рассматривал все окружающее его — невысокие холмы с редкими рощами, стада, пасущиеся на зеленых лугах, виноградники на южных склонах. По большому

счета еще много мест в терратосе, где он не был. Если степи, предгорья, приграничные северные хребты и северо-восточное побережье Кинт изучил достаточно за время службы, экспедиции и благодаря прочим обстоятельствам, вынуждающим к дальним поездкам, то на востоке и западе, южнее Актура, Кинт никогда не был. После скромного завтрака он около часа просидел над картой, а потом еще расспросил Тэбба насчет дороги...

— Езжай вдоль Лозы, речки, что вдоль тракта идет, даже потом, когда речка отвернет от тракта, все равно езжай вдоль нее, там тропа есть, с пути не собьешься, — прощаясь с Кинтом, говорил Тэбб, — и безопаснее и короче получится, пошаливают на тракте... потом увидишь слева виноградники на холмах. После них будет деревушка, ее проезжай, не задерживайся и так же вдоль реки на юг. К вечеру снова вывернешь на тракт, будет мост, а за ним старый пост дорожной жандармерии, ночлежка так себе, но коня накормят, сам поешь нормально да отдохнешь. А там жди обоз какой-нибудь и с ним езжай дальше, дней за пять доберешься.

Таким образом, как и говорил Тэбб, к вечеру Кинт выехал к посту дорожной жандармерии, где впервые за все время после войны он, собственно, и застал пятерых жандармов из недавно созданного южного корпуса дорожной жандармерии. Они скромно расположились в палатке рядом с дорогой и шлагбаумом через нее. Сам же пост уже давно принадлежал пресловутому транспортному тресту «Дов и сыновья», со всеми соответствующими атрибутами, то есть ночлежка на несколько комнат и тесная закусочная, конюшни, мастерские и большая куча угольных брикетов под навесом на заднем дворе.

Ровно через неделю, теплой южной ночью, Кинт вместе с пятью пассажирскими фургонами на конной

тяге въехал на окраину Пинара — табачной столицы юга, как называли этот город размерами побольше шахтерского Мьента, но уступающий тому же Теку. Город располагался на невысоком холме, дальше на юг, петляя между табачными плантациями, по долине стелился торговый тракт. С запада к городу примыкал небольшой промышленный район с десятком цехов, лабораторий и железнодорожной станцией. В центре городка, словно пограничные вышки, возвышались причальные башни станции воздухоплавания с пришвартовавшимся к одной из них транспортным дирижаблем. В основном все дома в городе были деревянными, одно- и двухэтажными, только в центре оказалось несколько больших каменных зданий — ратуша, Южное управление торговой гильдии, пара доходных домов, гостиница и пожарное управление с кирпичной каланчой, возвышающейся над всеми крышами Пинара. Света от фонарей на улицах ночного города было достаточно и, выбрав направление, Кинт поехал по широкой мостовой, рассматривая попадающиеся вывески на стенах аккуратных деревянных домов. Немало удивило, но в некоторых дворах стояли паровые коляски, хотя удивляться не стоило — богатый юг, не тронутый войной. Здесь не было бунтов, так как всегда хватало работы, люди сыты и всем довольны.

Постоялый двор Кинт нашел по звукам музыки и веселья, что доносились из проулка, отходящего от мостовой, несмотря на опустившуюся на город ночь. Подъехав по хорошо освещенному проулку к большому двухэтажному дому с вывеской с говорящим названием «Веселый тупик», Кинт соскочил с лошади, размял ноги под любопытным взглядом местного возницы, ожидающего клиентов, взял вещи и пошел к двери гостиницы. Где, оплатив дремавшей за стой-

кой до его прихода женщине в смешном чепце двое суток проживания и содержания лошади в конюшне, Кинт прошел в комнату, бросил вещи у двери и, только стянув сапоги, повалился от усталости на кровать и моментально уснул.

Наутро зарядил дождь, сильный, большие капли монотонно барабанили по оконным стеклам и добились своего — Кинт повернулся к окну, открыл глаза и, не сразу сообразив, где находится, вскочил на ноги.

— Доброе утро, южный город Пинар, — сказал вслух Кинт и прошел в туалетную комнату.

Приведя себя в порядок и умывшись, Кинт достал армейский плащ из плотной, двухслойной парусины и, закрыв комнату, направился по длинному коридору к выходу.

— Доброе утро, — расцвел в улыбке щуплый старик, который теперь занимал место вчерашней женщины в чепце, — это вы ночью заселились?

— Доброе, — Кинт чуть пригнулся и посмотрел в большое окно рядом с входной дверью, за которым было мокро, ветрено и вовсе не добро, хотя наверняка тепло, — да, я ночью заселился.

— Сезон, — продолжая улыбаться, старик кивнул на окно, — на месяц теперь такая погода.

— Месяц дождя?

— В основном да, бывают просветы на день-другой.

— Скажите, а в стоимость проживания входит завтрак или обед?

— Да, но только завтрак, покажете в «Веселом тупике» брелок, что на ключе, и вас накормят завтраком...

— Понятно, а где у вас тут эм... кузнечные мастерские Хромого... эм...

— Бенье, — подсказал старик.

— Точно, Хромого Бенье.

— Это вам надо через площадь проехать, напротив ратуши, повернете в ремесленный квартал, а там недалеко, по вывеске найдете.

— Спасибо. — Кинт направился к двери.

— Хкм... простите, а вы надолго?

— Еще не знаю, а что?

— На торговой улице есть лавка господина Ренака, если надолго, то рекомендую посетить ее и купить плащ, а то в этом, — старик показал костлявым тонким пальцем на плащ Кинта, — промокнете до нитки.

— Спасибо. — Кинт толкнул дверь и вышел под дождь.

Пройдя вдоль стены по узкому каменному тротуару, по которому тек бурлящий ручей дождевой воды, Кинт быстро дошел до соседней двери «Веселого тупика» и вошел внутрь. Было еще рано, и вчерашняя дама, но уже не в чепце, а белой косынке, проворно натиравшая столешницы, сразу повернулась на звякнувший колокольчик.

— Уже проснулись? Доброе утро.

— Здравствуйте, да, позавтракать бы и как потом лошадь забрать? Хотя... — Кинт снова с грустной миной посмотрел в окно, вспомнив, что обратил внимание на крытый экипаж во дворе, сказал: — Нет, пожалуй, возьму экипаж.

Послушавшись совета старика, после завтрака, наняв экипаж, Кинт попросил сначала отвезти его на торговую улицу, где купил длинный, почти до пят плащ из тонкой кожи, с глубоким капюшоном, а затем поехал в квартал ремесленников. Кузнечные мастерские отыскились быстро, но Хромого Бенье еще не было, и Кинт отпустил экипаж. Встал под навесом над входом в конторку мастерских и решил выкурить трубку.

Проклиная потоки воды, льющиеся с небес, во двор мастерских вошел просто огромного размера мужчина,

одна его нога был явно короче другой и он сильно хромал, поля его шляпы обвисли, штаны, заправленные в сапоги, ниже короткого плаща были насквозь мокрые. Он доковылял до спасительного навеса, отряхнул шляпу, пригладил, нет, скорее отжал густую черную бороду и, повернувшись к Кинту, спросил:

— Вот же зарядил-то... Меня ждете?

— Если вы Бенье, то вас.

— Я, — кивнул здоровяк и, открыв дверь конторки, добавил: — Проходите.

Небольшая комната, пара стульев, лавка, стол, стеллаж и масляная лампа под потолком. Сняв и встряхнув плащ, Бенье уселся на один из стульев у окна...

— Чем могу?

Кинт, глубоко вздохнув и немного волнуясь, набрал полные легкие воздуха и сказал:

— Я ищу Сэт Григо.

Бенье развернулся, положил руки на стол и, глядя в глаза Кинта, спросил:

— Вы... ты кто ей будешь?

— Она моя невеста.

— Вот как, — Бенье почесал бороду и начал прятать глаза, — я тоже ее ищу.

— То есть?

— То и есть! С животом она уже была, видать, дитя ваше, четыре месяца назад поехала со своей подругой в Шоут...

— Шоут это где? — уже явно разволновавшись, спросил Кинт и до хруста сжал кулаки.

— Ты присядь, — Бенье большой, широкой ладонью показал на лавку напротив, — Шоут это столица нашей провинции, точнее, стал столицей, когда закончилась эта чехарда с дележкой власти в терратосе, большой город в сутках езды южнее. Там большой лазарет, а у нас

тут только аптекарь, и тот умом немного тронутый. Сэт беспокоило что-то, и она решила обратиться к лекарю, вот они с Мадэ и поехали.

— И Мадэ с ней?

— Да, они вдвоем в Пинар приехали в прошлом году.

— А Шагэ?

— Кто это?

— Они втроем покинули Латинг и отправились на юг.

— Нет, знаю только Сэт и Мадэ. Ты вот что, посиди здесь немного, я схожу в мастерскую, дам задание работникам и пойдем ко мне домой, я тут в двух кварталах живу, там и поговорим. Может, жена моя что-то еще вспомнит, Сэт и Мадэ у нас жили последние полгода, как в мастерской стали работать.

Бенье вышел, а Кинт подошел к окну и уткнулся лбом в холодное стекло...

«Что же случилось с Сэт, что я скажу Григо? Наш ребенок... Что же могло произойти?» — думал Кинт, и где-то в темных переулках разума черными червями начали клубиться мысли, нехорошие мысли. Кинт прислушался к себе, к своим ощущениям и услышал... да, время примерно совпадало, именно тогда, когда он зализывал раны и прятался в пещере с озером, именно тогда появилось явное чувство тревоги за Сэт, а еще тот сон и тот бред, что нес кочевник в кабачке на посту... «Нет, так нельзя! За что?» — Кинт поднял глаза к затянутому черными тучами небу, откуда лили потоки воды, словно оплакивая Сэт... «Нет, я же еще ничего толком не узнал, поеду в этот Шоут, дьявол его возьми!»

— Ну что, пошли? — Дверь распахнулась, на пороге стоял Бенье.

Кроме знакомства с приятной женщиной, которая сдружилась с Сэт и Мадэ, разговор ничего нового не дал и не прояснил ситуацию. В подавленном состоянии Кинт брел под дождем по улице, щемило слева под лопаткой, разболелись все старые раны, его кидало то в жар, то в холод... в таком состоянии с видом умалишенного Кинт вошел в почтовую контору, что была рядом со станцией воздухоплавания.

«Здравствуй, Григо, с тяжелым сердцем сообщаю, что Сэт я не нашел в месте, где она точно находилась до конца зимы. Это небольшой городок Пинар на юге. Теперь она снова пропала, буду продолжать поиски. Прости», — такую короткую телеграмму отправил Кинт в Конинг. После чего вернулся в гостиницу, собрался и выехал на юг, в сторону Шоута, одиноким всадником, едущим по тракту через стену дождя. Единственным ориентиром в темноте, пронизываемой потоками дождя, был камень торгового тракта, цокот копыт лошади по нему давал понять, что Кинт еще не сбился с пути.

Измотанный дорогой и промокнувший до нитки вечером следующего дня Кинт въехал в Шоут. Несмотря на морозящий, переходящий в ливень и снова в морось дождь, Кинт смог оценить величие столицы южной провинции. Город был огромен, построен строго по прямым линиям, вдоль которых кварталы домов из белого камня граничили со старыми, не менее трехсот лет, постройками. С северной стороны, откуда въехал Кинт, все дома были новыми, возрастом не более полувека, не видно лачуг бедноты и грязных кварталов, где выплеснуть помой под ноги прохожего — простое дело. Все стоки закованы в каменные каналы под землей, где они собираются из домов и вытекают в океан. Шоут был самой южной точкой терратоса и его южной морской границей. Порт, широкая набережная, рыбацкий

пригород... все как в Актуре, только гораздо современнее и больше размерами. Доехав по широкой улице до площади перед ратушей, Кинт остановил лошадь рядом с дюжиной моторных экипажей.

— Простите, — Кинт нагнулся к кабине одного из экипажей, в котором дремал машинист, ожидающий клиента, — как мне проехать к лазарету?

— Прямо, — даже не повернувшись, ответил тот, — сразу за станцией воздухоплавания, за кованым забором, он еще виноградом заплетен, увидишь трехэтажный дом, это и есть лазарет.

— Благодарю.

В ответ машинист лишь кивнул, сильнее сдвинул на глаза кожаное кепи и, скрестив руки на груди, стал ловить оборванный сон.

Лошадь шархалась от снующих по мостовой моторных экипажей, а люди, иногда встречающиеся на тротуарах, уже по выработавшейся привычке наклоняли зонт в сторону проезжающего экипажа, дабы уберечь одежду от грязных брызг. Был уже поздний вечер, дождь усилился, и редкий прохожий, спешащий к домашнему теплу и уюту, попадался навстречу. Через полчаса Кинт наконец увидел слева, за домами, три швартовочные башни, проехал еще немного, и вдоль тротуара начался заросший виноградной лозой высокий забор. Мимо желтых шаров, светящих сквозь дождь, будто фонари висели в воздухе, Кинт проехал в ворота, которые, похоже, никогда не закрываются — толстые лозы в руку толщиной связали их с забором. Небольшой сад, тропинки, лавочки... моторный фургон с надписью «Лазарет Шоута» у подъезда с колоннами спрятался от дождя под далеко выступающим над крыльцом навесом. Не обнаружив коновязи, Кинт перекинул поводья через голову лошади и, оставив ее под навесом,

встряхнул превратившуюся в тряпку шляпу и вошел в большое и светлое фойе. За столом у стены напротив двери сидела женщина в белом фартуке и белой же косынке, она подняла глаза на звук ливня, донесшийся из открытой двери.

— Стойте там! — подскочила она и вытянула руку. — Грязи нанесете!

Кинт виновато посмотрел себе под ноги, где за секунды образовалась приличная лужа из стекающей с плаща воды...

— Простите... там, — Кинт показал рукой себе за спину, — дождь.

— Да что вы говорите! Там дождь уже несколько дней! Слушаю вас, только учтите, господин Жанье уже давно дома, если у вас что-то серьезное, то езжайте к нему.

— Я ищу девушку, Сэт Григо, она несколько месяцев назад была здесь, она ждала ребенка...

Женщина уже не слушала Кинта и принялась перелистывать страницы какого-то толстенного журнала.

— Сэт?

— Да, Сэт Григо.

— А когда она к нам приехала?

— Эм... Пару месяцев назад, может, раньше.

Женщина бросила взгляд на Кинта, хмыкнула, плюнула себе на пальцы и продолжила листать страницы.

— Не вижу никакой Сэт Григо.

— Как?

— Вот так, с самой зимы записи просмотрела, не было такой.

— Ну как же... я точно знаю, что она поехала сюда, в лазарет.

— Молодой человек, — хлопком закрыв журнал, женщина строго посмотрела на Кинта, — вы бы еще

через год приехали! А о чем раньше думали? Два месяца прошло — и опомнились...

— Два месяца назад я был очень далеко отсюда, а Сэт жила в Пинаре, откуда и выехала в Шоут.

— Значит, не доехала, или выехала, но поехала совсем не сюда, простите, но не вижу ничего в записях.

Кинт оперся спиной на стену у двери, съехав по ней, уселся на мраморный пол и тихо произнес:

— Никогда себе не прощу...

— Что? — Женщина наконец соизволила выйти из-за стола, быстро прошла через фойе и остановилась около Кинта. — Что вы сказали? Вам плохо?

— Гостиница.

— Что?

— Гостиница здесь есть поблизости? — Кинт поднял на женщину каменное лицо с пустыми глазами.

— Через квартал, — показала женщина рукой слева от себя и, немного испугавшись, отступила назад. — «Южная звезда».

Кинт проснулся в том же положении, в котором уснул, то есть, сидя на кровати, опираясь спиной на стену и завернувшись в суконное одеяло. Очень хотелось пить, он покосился на стол посередине дешевой комнаты в цоколе гостиницы, где валялась опустошенная бутылка шанта и рядом большая миска с фруктами. Под ранец и сумки, на которые Кинт скинул с вечера плащ, натекла лужа, рядом, в той же луже стояли сапоги. Прошлепав в ванную комнату, Кинт глянул в расположенное почти под потолком зарешеченное окошко... сапоги, туфли, рабочие ботинки, горожане шли по тротуару, обходя лужи, дождь не то чтобы прекратился, но затих и слабо моросил. Развесив мокрую одежду на кем-то предусмотрительным растянутую веревку рядом с камином, Кинт развел огонь. Затем передел-

ся в сухое, намотал чистые портянки и, с недовольной миной, покосился на сапоги.

— С этой дьявольской погодой недолго вам осталось, — обратился Кинт к уставным жандармским сапогам, распухшим от впитанной воды и потерявшим форму.

«Южная звезда» была довольно большой гостиницей, жилой цоколь и четыре этажа многовековой каменной кладки многократно перестраивались, и в конце концов здание приняло тот вид, в котором и находилось сейчас. На верхних двух этажах располагались дорогие апартаменты на две-три комнаты, ниже комнаты подешевле, первый этаж полностью занимали ресторан и кухня, а цоколь использовался как дешевая ночлежка. Правильный подход у хозяина — условия на любой вкус и вес кошелька.

Скромно позавтракав, Кинт решил пожалеть бедное животное — не стал забирать лошадь из конюшен, а нанял экипаж и попросил отвезти его в управление городской жандармерии.

— Скажи, приятель, — Кинт нагнулся и похлопал возницу по плечу, — часто люди у вас пропадают?

— О чем ты?

Кинт кратко поведал историю о пропавшей девушке, отправившейся из Пинара в Шоут.

— А, ну в дороге всякое могло приключиться, но чтоб пропали совсем, — возница задумался, а потом хлестнул вожжами кобылку, — нет, не припомню такого... хотя нет! Весной была банда какая-то, но ее изловили да вздернули всех, кого не убили при поимке.

— А что за банда?

— Дезертиры. А сейчас спокойно, ну так, более или менее, дорожная жандармерия, хоть и мало их, но на основных дорогах службу несут.

Морось продолжала сыпать мокрой пылью, но небо немного посветлело, накинув плащи или под зонтами, горожане шли по тротуарам, открывались лавки, салоны и магазины. Перерыв в непогоде позволил отчалить большому пассажирскому дирижаблю, и теперь он неповоротливым пузырем разворачивался над городом и набирал высоту.

— Приехали, уважаемый. — Возница остановил экипаж у черного входа в ратушу, над которым висел вымпел городской жандармерии.

Разговор с заместителем начальника городской жандармерии ничего не дал, старший инспектор, пожилой, грузный мужчина, выслушав Кинта, сообщил, мол, да, была банда, а весной с ней покончили. Связана ли пропажа Сэт и Мадэ с бесчинствами дезертиров на дороге, теперь не представлялось возможности выяснить — все члены банды, как и говорил возница, казнены, либо убиты при захвате.

— Может, при них что-то было обнаружено? Какие-то личные вещи жертв нападений?

— Хм, — инспектор промокнул платком потеющую лысину и шею, — возможно... надо посмотреть бумаги, вещи-то точно все... тряпье пожгли, а что ценное, это в архиве ратуши будет год храниться, а потом на благотворительном торге распродастся.

— Поспособствуете? Ну, чтобы я мог взглянуть на эти ценности...

— Почему нет, давай только вечером, я как раз освобожусь от дел, начальник-то в восточную провинцию полетел, — инспектор тыкнул толстым пальцем в потолок, — все на мне теперь, так что, как на колокольне ратуши отзвонят вечернее время, приходи... Но с тебя тогда ужин, потому как в том архиве путаница страшная, пока найдем относящийся к делу сундук, пока переберем все...

— Да, конечно, — согласно кивнул Кинт.

— Тогда до вечера.

Немало кестов ушло на то, чтобы накормить инспектора и архивариуса ратуши ужином. Все барахло из сундука в подвале архива ратуши перебирали до темноты и... ничего. Это прибавило Кинту надежды, но одновременно стало тупиком в поисках...

Глава тридцать восьмая

Настойчивый стук в дверь разбудил Кинта, во рту пересохло и отдает помойкой, пульсирующая головная боль — все это последствия вчерашнего позднего застолья в компании наемников. Все они были либо демобилизованными армейцами и жандармами, либо ополченцами. Повод для застолья был — два года победы над Северным терратосом.

— Кинт! — в дверь продолжали стучать. — Ты там не сдох?

— Скорей бы, — недовольно проворчал Кинт, протянул руку и отпил из кувшина на тумбочке несколько спасительных глотков воды, а потом крикнул: — Да не долби ты в дверь, и так голова раскалывается!

В исподнем Кинт прошел к двери, но не забыл прихватить из кобуры, висевшей на стуле, револьвер и взвести курок.

— Тафф, ты?

— Ну а кто еще, открывай!

Отодвинув мощный засов на двери из толстых досок, Кинт отступил назад и поднял револьвер.

Тафф, напарник Кинта по артели наемников, прошел в комнату и пальцем отодвинул наставленный на него револьвер.

— Да один я... или ждешь кого-то еще?

— Бес вас, южан, знает... — ответил Кинт и, пошатываясь, побрел за штору туалетной комнаты, — дверь закрой!

— Да брось, за полтора года мог бы уже и доверять, сколько раз спину тебе прикрывал?

— Угу... — донеслось из-за шторы.

Тафф, так же, как и Кинт, отставной жандарм южного корпуса охраны дорог, так же, как и Кинт, служил в ополчении, воевал на западном фронте и участвовал в последней битве за Майнг. Низкого роста крепыш, прихрамывающий из-за ранения, старше Кинта на пару лет, добродушное круглое лицо со смешно оттопыренными ушами, однако его внешность была обманчива, опытный боец, отличный стрелок, да и на фронте командовал кавалерийской полусотней. Кинт познакомился с ним случайно, в уличной драке, при этом они хорошо отделали друг друга — не поделили последний отъезжающий в ночи от кабака экипаж. Благо хватило разума не хвататься за оружие... Их потасовка была прервана свистками городских, и пришлось убегать — на юге строго поступают с дебоширами и нарушителями спокойствия жителей Шоута. Таффу было тяжело бежать после перенесенного ранения, и Кинт, сотрясая воздух бранью в стиле капитана Брэтэ, подхватил недавнего соперника, и они успешно ушли от погони. Спустя несколько дней Тафф снова встретил Кинта, ищущего смысл жизни на дне пивной кружки, в одном из кабачков и предложил занять место одного из погибших наемников в артели. И вот уже полтора года они напарники, сопровождают обозы, охраняют табачные ярмарки, что проводятся каждый второй месяц, а иногда могут помочь решить деликатные вопросы местных толстосумов.

— Ты бы переехал, что ли? — присев на стул и брезгливо приняхавшись, сказал Тафф. — Сгниешь тут заживо.

Кинт снимал комнату у хозяина артели рыбаков в двухэтажном каменном домишке в десяти шагах от берега.

— Скорей бы. — Вытираясь полотенцем, Кинт вышел в комнату.

— Вот заладил... Я с утра заходил на почту, на вот. — Тафф положил на стол сложенный пополам лист с телеграммой.

«Конинг. Ян Григо», — гласил синий штамп в углу листа. Кинт не глядя смял телеграмму и бросил ее на тлеющие угли небольшого камина в углу.

— Вот зачем, а? Надо было мне прочитать самому, вдруг там что-то важное.

— Мне нечего писать в ответ, значит, не стоит и читать...

Тафф в общих чертах знал историю появления Кинта на юге и, покачив головой, сказал:

— Когда ты уже прекратишь винить себя? Ты сделал все, что мог, за полгода объездил здесь все...

— И не нашел!

— А вдруг она нашлась сама, и телеграмма была об этом?

Кинт посмотрел на Таффа и отрицательно помотал головой.

— Да откуда ты...

Кинт не дал договорить Таффу, застегнул пояс с револьвером поверх старого жандармского кителя, положил обе руки на столешницу, наклонился и тихо сказал:

— Потому что я знаю, что ее нет в живых, понимаешь? Я ее не чувствую, вот здесь не чувствую. — Кинт похлопал по карману слева на груди. — Да и не при-

ходят во снах живые, от каждого подобного сна веет могильным холодом... Все, пошли, мне надо выпить, иначе до обеда не дотяну.

Порт, как и весь остальной город, уже проснулся, огромные краны, как гигантские чудовища из легенд, извергая в небо черный дым топок, с шипением разгружают стоящие у пирсов баржи, чуть в стороне лодки рыбаков покачиваются на слабых волнах, а над ними кишат чайки, претендуя на улов, который рыбаки вытаскивают из сетей. Утро было солнечным и теплым, несмотря на начавшуюся зиму, но в этих местах это просто название времени года в календаре. Много солнечных дней, не жарких, а вполне комфортных, что очень нравилось Кинту после ледяной тоски предгорий.

— Так, и куда это вы собрались? — Подъехавший моторный экипаж городской жандармерии скрипнул рессорами под весом неуклюже выбирающегося из него заместителя начальника управления.

Кинт и Тафф, наоборот, забирались в моторный экипаж, принадлежащий артели наемников.

— Зарабатывать кесты, господин старший инспектор, — застыл на подножке Тафф.

— Подождите-ка, надо поговорить. — Промокнув платком вечно потеющий лоб, толстяк оглянулся вокруг и подошел к экипажу со стороны Кинта. — Хорошо, что застал вас.

— Господин старший инспектор, если вы насчет очередного проигравшегося и не желающего платить, то нет, этим занимаются другие люди.

— Нет-нет, я по другому делу, вы ведь уже не раз выручали управление...

— Ладно. — Тафф двинул рычаг на панели перед собой, и белоснежная струя пара, стравливаясь, ударила в землю. — Говорите, только мы спешим.

— В городе появились два человека, у меня мало смысленных инспекторов, да и, — толстяк хмыкнул, — все их знают в лицо. Так вот, за ними надо проследить, походить следом, поездить, узнать, с кем встречались...

— Подождите, подождите, господин старший инспектор, вы сначала озвучьте сумму, а то у нас есть неплохое предложение сопроводить обоз на запад, обещают полсотни кестов... золотом...

— Ох, ты и сказочник, Тафф, и кто же столько готов заплатить двум пропойцам с мозгами, поврежденными контузией? — Старший инспектор недоверчиво прищурился, но немного насторожился.

— Ну, вы же готовы доверить деликатную работу двум пропойцам, нет?

— Сотню кестов каждому, это интерес южной торговой гильдии, — сказал, как отрезал, старший инспектор, — понимаете?

— Теперь понимаю, — уже заинтересованно ответил Тафф.

Кинт все это время отрешенно смотрел на море, курил трубку и как всегда был где-то далеко.

— Он поселился в «Южной звезде», долговязый рыжеволосый франт, ходит везде с охраной, еще старик, с виду как профессор какой или ученый.

— Так за кем ходить-то?

— За обоими! Ну, согласны?

— Ты как, Кинт?

— Сотня кестов — хорошие деньги за прогулку.

— Хорошо, вы знаете условия, — кивнул Тафф, улыбнулся и стряхнул с ворота невидимые пылинки.

— Вот, — толстяк достал из подсумка на портупее, повторяющей форму большого круглого живота, цилиндр из бумаги, перетянутый веревкой и опечатан-

ный сургучом, словно заранее приготовил, — аванс, тут сотня.

Приняв от нанимателя деньги, Тафф взвесил цилиндр в руке, немного разорвал бумагу и, довольно кивнув, сказал:

— Как и кому докладывать результаты разведки, тьфу, слежки?

— Никак, я буду каждый вечер наведываться... эм... а вот сюда, к Кинту, здесь и будете все рассказывать. Никаких записей!

— Простите, господин старший инспектор, — Кинт наконец отвлекся от созерцания прибора, — кто-то еще знает про это деликатное поручение?

— Конечно! Начальник жандармерии и еще кое-кто из представителей гильдий.

Проводив отъехавший экипаж взглядом, Тафф и Кинт переглянулись.

— То, что надо! Пошататься по городу и неплохо заработать. — Тафф хлопнул Кинта по плечу. — На нашу с тобой головную боль после вчерашнего — лучшее лекарство.

— Может быть. — Кинт постучал трубкой о каблук, встряхивая пепел. — Только...

— Все, не начинай, опять твоя подозрительность, делаем дело или нет?

— Делаем. — Кинт махнул рукой и откинулся на обитое кожей сиденье. — Поехали тогда к «Южной звезде», осмотримся для начала, да потом надо отогнать экипаж в артель, а то ребята опять ворчать будут.

— Поехали. — Тафф кивнул, с хрустом утопил рычаг передачи, маховик с шипением провернулся, и экипаж, дернувшись, стал разгоняться, выпуская из высокой трубы позади клубы дыма.

Пара дней наблюдений ничего не дали, высокий франт, как обозвал его старший инспектор, праздно шатался по городу в сопровождении охраны в виде двух угрюмых парней. Он посещал салоны, дорогие лавки — ничего интересного. Некий профессор из гостиницы не показывал носа, Кинт уже знал комнату, в которой остановились эти двое, и, периодически покидая ресторан, чтобы выкурить трубку в перерывах между кружками пива, он посматривал на окна с глухо задернутыми шторами. Пару раз кто-то подходил к окну и немного отодвигал штору, но рассмотреть не удалось. К вечеру третьего дня к Кинту, скучающему за столиком в углу ресторана, подсел Тафф, проводив франта до гостиницы.

— Ну что? — демонстративно зевнув, спросил Кинт напарника.

— Ничего такого... на почте флиртовал с молодой особой, так, без особого успеха, затем перекинулся парой фраз со стариком Сонье, когда покупал него в киоске свежую газету, долго читал ее в парке на набережной, затем, погуляв по площади, вернулся сюда.

— А мой так и не выходит, слушай, я не могу больше, скоро лопну от пива, так что сегодня ночью ты остаешься наблюдать, а я завтра буду ходить за этим рыжим. Вообще, создается впечатление, что они кого-то ждут, а нас к ним приставили как дополнительную охрану.

— Думаешь?

— Ну а на что это все похоже?

— Возможно. — Тафф оглянулся и жестом подозвал официанта. — А теперь я поем!

Допивать неизвестно какую за весь день кружку пива Кинт не стал, а решил просто немного посидеть с напарником, составив ему компанию, а уж затем пойти

домой и рассказать о результатах наблюдения старшему инспектору, который заявится к полуночи. Но вдруг Кинт почувствовал на себе взгляд — это ощущение он уже давно ни с чем другим не путал — и в верном направлении повернул голову. На балкончике, от которого спускалась лестница со второго этажа в ресторан, стоял один из охранников рыжего и внимательно смотрел на Кинта. Рядом стоял и сам рыжий, спиной, и явно с кем-то разговаривал. Кинт незаметно скинул со стола на пол вилку из прибора Таффа, наклонился ее поднять и частично смог увидеть лицо человека, который явно прятался за рыжим и его охранником... Человек дернулся, отступил в темноту и быстро удалился на второй этаж, рыжий похлопал охранника по плечу и тоже пошел наверх, а охранник медленно спустился в ресторан и, подойдя к стойке, заказал себе выпить.

— Странно...

— Что? — отвлекся от наваристой похлебки Тафф.

— Возможно, я видел того, второго, но разглядеть не удалось, и еще... мне кажется, что нас раскрыли, ну, меня так точно, охранник явно на меня смотрел... да не поворачивайся ты! Тебя-то пока не разглядели... наверное.

— И что делать? — прекратив жевать, спросил Тафф.

— Я пойду к стойке, отвлеку того угрюмого парня, а ты уходи, и смени завтра одежду, говорил ведь уже.

— Ну, извини, гардероба не держу! Ладно, подыщу что-нибудь. Про то, что нас раскрыли, инспектору сказать?

— Пока не надо, я не уверен в том, что происходит, а тот второй, его лицо мне показалось знакомым.

— Ты же его не разглядел.

— Верно, но мельком... немного удалось заметить, в профиль, и вот этот профиль я явно где-то видел.

— Где?

— Не могу вспомнить... о, этот охранник сюда прет-ся, дьявол! Я его перехвачу, а ты уходи, когда шумиха начнется...

— Что начнется?

Но Кинт уже быстро вышел из-за стола и за пару шагов оказался около угрюмого типа, который, держа перед собой кружку пива, явно имел намерение познакомиться, подсев за столик к Кинту и Таффу.

— Ох, прости, приятель! — Кинт наскочил на охранника, и тот обильно полил свой китель пивом. — Как-то неловко вышло.

— Да ты специально!

— Что ты, совершенно случайно...

Отпустив кружку, охранник этой же рукой широко замахнулся, но и только. Получив сапогом в колено, он скрючился от боли...

— Я же извинился, приятель, чего ты?

— А ну на улицу, — закричал кто-то из официантов, — нечего здесь!

Кинт оглянулся на столик и увидел, что Таффа уже след простыл.

— Хочешь что-то сказать? — Кинт наклонился к шипящему от боли охраннику.

— С удовольствием выпущу тебе кишки.

— Давай потом. — Кинт выхватил у проходящего мимо официанта деревянный поднос и, опустив его на голову охраннику, быстро пошел к выходу.

— Стой! — взревел поднимающийся с пола охранник...

Но Кинт его уже не слышал, выйдя на улицу, он поспешил по проулку и уже почти вышел на тротуар широкой улицы, как из-за угла шагнул рыжий, он вскинул руку, в которой ничего не было, однако Кинт моментально вспомнил, чем опасен такой выпад. Из

рукава рыжего вспыхнуло, раздался выстрел, но Кинт успел ссыпаться вниз, рванул из кобуры револьвер и три раза подряд выстрелил в ответ. Стена дома окрасилась в красный, а фронт, получив одну из пуль прямо в глаз, с пяти-то шагов, мешком упал на мостовую.

— Вот дьявол, это что было? — сказал вслух Кинт, резко поднялся, оглянувшись назад, и увидел человека в окне, который тут же скрылся за шторой. — Профессор?

— Что ты наделал! — В переулок влетел вернувшийся на звуки выстрелов Тафф и, схватив Кинта за рукав, потащил за собой.

— Так он меня застрелить хотел! И там, в окне... это... это... — Кинт указывал стволом револьвера на окно.

— Дьявол! Да бежим же! — Тафф, которому Кинт значительно уступал в физической силе, так дернул приятеля, что рукав, треснув по швам, почти оторвался. — Бежим, пока никого нет!

Глава тридцать девятая

— Китель испортил... — Кинт покосился на Таффа, сидя в своей комнате, в домике рыбацкой артели.

Этой фразой он прервал напряженное молчание. Старший инспектор и начальник городской жандармерии, холеный аристократ, назначенный на этот пост явно не за заслуги в защите правопорядка, оба сопели так, что заглушали звуки прибоа, доносившегося с улицы.

— А что вы на меня так смотрите, господа жандармы? — снова сказал Кинт, разглядывая торчащие нитки на плече. — Я должен был позволить сделать в себе дыру? Простите, но у меня их достаточно.

— Да, — обливаясь градом пота от волнения о произошедшем, подтвердил старший инспектор, — у него в рукаве был пистолет с хитрой системой ремней.

— Я видел подобную конструкцию...

— Значит, так! — Начальник жандармерии встал и в очередной раз брезгливо осмотрел жилище Кинта. — Я долго терпел твоё появление в моем городе, терпел делишки вашей артели и пьяные выходки...

— Но, господин начальник, — попытался вставить слово старший инспектор.

— А вы помолчите! И это называется ваши надежные люди? Курьер убит, профессор уже час как в воздухе и летит неизвестно куда! Я же просил, чтобы все было тихо! Что я скажу... — Начальник осекся. — В общем, Тафф, моли небеса, что видели только Кинта, устроившего в ресторане потасовку, а вы, Кинт Акан, убирайтесь из города! И подальше, где вы там служили, в предгорьях? Вот туда и проваливайтесь спиваться и дебоширить!

— Как скажете, — пожал плечами Кинт.

— Я прослежу, — старший инспектор кивнул.

— Да! И утром доложите, если нет, то в кандалы его и на ближайший рудник!

Хлопнуть дверью у начальника городской жандармерии не получилось, тяжеловата она для него. Оставшись втроем, старший инспектор, Тафф и Кинт одновременно тяжело вздохнули, а потом толстяк, который еще с момента первой встречи испытывал к Кинту некое сочувствие, сказал: — Успокойся все — приезжай, через полгода-год, а сейчас собирайся. Надеюсь, что к утру ты будешь далеко отсюда.

— Ну не в ночь же ехать, господин старший инспектор, — вступился Тафф.

Посмотрев на хронометр, старший инспектор побарабанил толстыми пальцами по столешнице и сказал:

— Если будет место, то посажу тебя на дирижабль в столицу, через полчаса будь готов, пришлю экипаж.

— Благодарю.

Старший инспектор вышел, с улицы донесся шум уезжающего экипажа, а Кинт в задумчивости достал револьвер и, вытряхнув три стреляных гильзы из барабана, по одному зарядил новые патроны.

— Кинт, так кого ты все-таки там увидел?

— Думаю, что знать тебе об этом — считай увеличить твои шансы получить пулю, при твоей-то и без того беспокойной жизни... забудь, помоги лучше собраться, съезди, привези мне чего поесть в дорогу, не один день лететь, а в ресторане дирижабля питаться слишком шикарно, да и вид у меня...

Сильно обрастать шмотками и домашней утварью Кинт не привык, брать с собой особо нечего — жандармский походный ранец с закрепленным к нему карабином, кое-какие пожитки, скрученное и завернутое в плащ походное одеяло... основной багаж Кинта как всегда — тяжелая жестяная коробка с патронами, два пистолета в португее под кителем, револьвер в кобуре на поясе да короткий абордажный палаш. Есть еще винтовочный штык, что Кинт обычно носит за голенищем сапога, вот он при нем останется, остальное оружие придется сложить отдельно. После нескольких неприятных инцидентов в воздухе оружие положено упаковывать и сдавать при посадке. Теперь при экипажах дирижаблей есть своя охрана, которая проверяет, как упакован стреляющий багаж пассажиров, и принимает его на весь полет в специальный отсек. А штык пусть будет, неудобно Кинту совсем без оружия, все-таки если не расставаться с сиротского детства со смертоносным

железом, то это уже не привычка, это часть одежды, как шляпа, к примеру, или походный платок на шее.

Процедура прощания была недолгой, все пассажиры давно расселись, снизу подавали тюки с почтой, а Кинт, стоя на широкой площадке у трапа, просто поблагодарил старшего инспектора за помощь и обменялся с Таффом рукопожатием, добавив:

— Береги себя.

— И ты, и это... вот, — напарник сунул Кинту в руку кошель. — Твоя доля.

— Не надо, Тафф, кое-какие сбережения есть, а от этих кестов несет какой-то гнилью, отдай мою долю нищим... Прощай, — сказал Кинт, подхватив ранец и тяжелый тугой сверток перетянутый веревкой, и шагнул на трап.

— Оружие? — Внимательным взглядом охранник посмотрел на Кинта.

— Вот. — Кинт отдал сверток, получив взамен деревянную бирку с номером.

— На нижнюю палубу спускайтесь, — показал охранник на ведущий вниз трап.

Купе нижней палубы были предназначены для тех, кто не мог себе позволить билет за большую стоимость, впрочем, здесь было немало и тех, кто просто хотел сэкономить. Да и купе эти ряды трехъярусных жестких и узких лавок, разделенных перегородками, по шесть мест в каждом, назвать можно с большой натяжкой. На нижней палубе было два нешироких прохода, между тремя рядами таких купе, в конце палубы грузовой отсек и еще две комнаты, о предназначении которых можно догадаться по запаху.

Через неделю полета Кинт благодарил Небеса за то, что он пережил добровольное заточение в воздухе. Также благодарил Таффа, который, зная о пристрастии

Кинта к крепкому алкоголю, положил в котомку с провиантом две вместительные фляги с шантом, они-то и спасли и помогли «запить» невыносимую, сводящую с ума обстановку на нижней палубе. Стоя на площадке швартовочной башни и ожидая, когда схлынет основной поток пассажиров, Кинт глубоко вдыхал воздух Актура и осматривал бывшую столицу, отметив, что чем больше перерыв в посещениях столицы, тем больше степень удивления прогрессу.

— Интересно, а как изменился Майнг? — тихо сказал Кинт, обращаясь к самому себе.

— Железный город-завод, не протолкнуться от всяких машин, и дышать невозможно на высоте. — Охранник дирижабля оперся локтями на леер и закурил трубку. — Здесь еще терпимо, да и промышленный район в стороне.

— Да, терпимо, — согласно кивнул Кинт, присел и развернул сверток с оружием.

Охранник сначала молча наблюдал, как Кинт снял китель и надел португую, проверив патроны в магазинах двух пистолетов, затем поверх кителя пояс с револьвером, перевязь палаша, а карабин в чехле прикрепил к ранцу, туда же убрал кусок сукна и веревку.

— Похоже, думать хорошо о людях вы не привыкли и доверяете только своему оружию, — не выдержал и прокомментировал увиденное охранник.

— Вот такая ирония судьбы, но именно этот город и научил меня доверять лишь оружию, всего хорошего. — Кинт накинул лямку ранца на одно плечо, поправил шляпу, сдвинув ее на лоб, и, громыхая сапогами по железной винтовой лестнице, пошел вниз.

— К Белому Тэббу, — сказал Кинт машинисту, забравшись в один из моторных экипажей на площадке у станции воздухоплавания.

— Мигом домчу! — браво ответил тот и переместил со шлема на глаза очки.

— Мигом не надо, давай потихоньку, город посмотрю.

— Как скажете, — получив несколько кестов, ответил машинист, явно расстроился и снял экипаж с тор-моза.

Проносящиеся вагончики трамваев над мостовыми грохотали по железным фермам колесами, отчего Кинт невольно вжимал голову в плечи; шипя и обдавая друг друга струями пара, неслись моторные повозки и фургоны, центр Актура словно сорвался с цепи, пытаясь перепробовать все достижения науки и прогресса; по площадям выхаживали модницы в сопровождении кавалеров, тоже не упускающих возможности похвастаться друг перед другом входящей в моду кожаной одеждой, отделанной невероятным количеством пряжек и ремешков, порой в немыслимых местах. Мальчишки-разносчики газет ловко сновали меж всего этого сумасшествия на велосипедах, выкрикивая заголовки новостной полосы. По мере удаления от центра стихал грохот улиц, и Кинт уже видел тот Актур, к которому привык и знал. Экипаж выкатился на набережную и поехал вдоль парка со скинувшими листву деревьями. Несмотря на теплую южную зиму, природа берет свое, лишь на газонах, сквозь пожелтевшую траву, слабо пробивается свежая зелень...

— Я надеюсь, газета свежая, а не та, с которой вы сидели тут в прошлый раз? — Кинт оперся на дверь-решетку, застав Тэбба в том же положении, то есть дремлющим в плетеном кресле.

— Вчерашняя. — Тэбб приоткрыл глаз, затем сразу второй и, сев, в кресле спросил: — Нашел?

В ответ Кинт лишь опустил в пол глаза и отрицательно помотал головой.

— Вот же... — Тэбб открыл решетку и выпустил Кинта.

— Условия проживания не изменились?

— Все по-прежнему, держи, комната та же.

Сначала Кинт несколько недель просто гулял пешком по столице, как-то проходя мимо булочной, которая всегда манила его запахом свежей выпечки, понял, что даже вкуснейшие запахи не вызывают никаких эмоций, а аппетита и подавно. Чувство вины давило с каждым днем сильнее и сильнее, возникла мысль поехать в Латинг, но Кинту было стыдно показываться Сарту на глаза, не говоря уже о Конинге и Григо, дочь которого сгинула на юге терратоса, и более того, сгинула с нерожденным ребенком Кинта. В конце концов, почти две недели Кинт не выходил из комнаты, точнее, выходил ненадолго, но лишь для того, чтобы снова купить выпивку, еды и табака. Глядя на это, первые несколько дней Тэбб тихо ворчал, а потом, однажды утром высадил дверь в комнату, так как Кинт не открывал на долгий и громкий стук. Войдя в комнату, уткнулся в наставленный на него дрожащий ствол пистолета.

— Убери, — сердито сказал Тэбб, — ты два дня не выходишь... Захотел сдохнуть от выпивки? Пожалуйста, но только не в моей гостинице!

— Я же заплатил за неделю вперед. — Отложив пистолет в сторону, Кинт стал перетряхивать бутылки у кровати, в надежде найти еще пару глотков.

— Вот, — Тэбб положил на стол несколько монет, — собирайся и проваливай, не хочу смотреть на то, во что ты превращаешься.

— О, как кстати...

Пошатываясь, Кинт добрал до стола, дрожащим пальцем пересчитал монеты.

— Вы так добры, господин Тэбб. — Кинт повернулся к нему с пьяной меланхоличной улыбкой, но вдруг переменялся в лице, глаза остекленели и он закричал: — Вы все так добры ко мне, дьявол вас всех возьми! Лучше бы пристрелили, как загнанного коня! А что, из доброты... очень даже меня устроит!

Тэбб выслушал эту истерику, вздохнул и тихо сказал:

— Собирайся и проваливай, и застрелись в канаве, если так невмоготу.

— Самому нельзя. — Пошатываясь, Кинт помотал указательным пальцем перед лицом уже теряющего терпение Тэбба. — Ни-ни, самому нельзя — небеса не примут.

Тэбб махнул рукой и вышел, бросив на ходу:

— Через час не уберешься — вышвырну, как собаку...

— Как собаку, — повторив за Тэббом, пробубнил Кинт, опустился на кровать, лег и покосился на пистолет, — нет... самому ни-ни.

Глава сороковая

— Кинт... Кинт, — кто-то строго позвал Кинта из темноты.

Словно пробираясь через туман, Кинт вышел во двор уютной хижины на юге, с ее крыши вспорхнула и поднялась в небо семья домашних голубей, Кинт поднял голову и сразу же зажмурился от яркого солнца.

— Отец? — Кинт обернулся на звук голоса.

В дверях хижины стоял статный, широкоплечий мужчина в форме ополченца, черные густые волосы, лучи морщин из уголков глаз.

- Во что ты превратился, Кинт? И это мой сын?
- Ты же умер... — робко вымолвил Кинт.
- Я умер для того, чтобы жил ты!
- Отец, я... я не знаю, что мне делать.
- Живи! И найди себе дело.
- Какое?
- То, что ты умеешь лучше всего.

Фигура отца растаяла в снова налетевшем тумане, из которого едва видимая Кинту махала рукой Сэт, она что-то говорила, но было неслышно.

— Сэт! — Кинт хотел шагнуть вперед, но получалось плохо, будто что-то держало, не давало двигаться. — Я тебя не слышу, Сэт!

— Придет время, и ты встретишься с ним, — наконец донесся приглушенный голос девушки.

— С кем?

— Придет время...

— Прости меня, Сэт!

— Живи... — донеслось в ответ, и Кинта снова охватил черный плотный туман.

На улице несколько раз протяжно просвистел паровой свисток экипажа, и Кинт вывалился из сна.

— Вот же, — встряхнул он головой и осмотрел комнату, не понимая, почему дверь валяется посередине нее, — живи, значит...

Поднявшись, Кинт прошел в туалетную комнату, где разделся донага, выкрутил вентиль и встал под тугую струю ледяной воды. Он стоял так, пока не начал стучать зубами, и приговаривал: «Живи... живи... живи...». Затем, достав походный туалетный набор, гладко выбрился, лишив себя бороды и усов, после чего еще раз влез под холодную воду.

— Что-то случилось? — Тэбб даже приоткрыл рот, когда Кинт спустился вниз с ранцем за спиной.

— Ты меня выгнал, забыл?

— Но...

— Прости, Тэбб, я действительно вел себя по-свински, и спасибо за все.

Горячий и крепкий травяной чай после миски острого бульона постепенно приводили Кинта в сознание. Он вытянул руку вперед, глядя, как дрожат пальцы и, недовольно покачав головой, сделал еще пару глотков чая. Все это время Тэф, находясь за стойкой, бросала взгляды на Кинта и, закончив с немногочисленными посетителями, подошла и села рядом.

— Пришел в себя? — спросила она, чуть наклонив голову.

— Ага, выходил ненадолго.

— Тэбб приходил, сказал...

— Не надо, — Кинт прервал ее, — сколько я должен?

— Два последних раза я давала тебе еду и выпивку в долг... — вздохнула Тэф.

Кинт высыпал на стол все кесты, что нашел у себя:

— Больше нет.

Тэф присмотрелась к одной из монет и взяла ее.

— Ты уверен?

— Да, все равно больше нет, могу добавить это. —

Кинт положил один из пистолетов на стол и уставился в окно.

— Нет, я про это. — Тэф наклонилась, рукой повернула голову Кинта и поднесла к его глазам кест с выдавленной головой волка.

— А... и эту забирай.

Тэф стала серьезной, нахмурилась, еще немного повертела монету в руке.

— Что ж, твой выбор, — сказала она, сгребла остальные монеты со стола, отодвинув к Кинту его пистолет, и быстрым шагом удалилась в подсобку.

— Ну, настаивать не буду, самому нужен. — Кинт убрал пистолет, встал, подхватил ранец и вышел из ресторанички, постоял пару минут на тротуаре и бодро зашагал в сторону порта.

Минут через десять на набережной Кинта, погруженного в свои мысли, догнал закрытый моторный фургон, из него выскочили четверо, со знанием дела сбили Кинта с ног, скрутили за спиной руки, напялили черный мешок на голову и забросили в фургон. Кинт пытался сопротивляться, дотянуться рукой до голенища сапога, но тщетно. Умелые руки обыскали его, лишив всего оружия, проверили узел на связанных руках, а потом почти аккуратно посадили Кинта на сиденье. В данный момент Кинт не видел смысла биться в истерику и вопрошать «что происходит», да и чего дергаться, если бы хотели убить, то шлепнули бы прямо на набережной, значит, есть еще шанс. Фургон какое-то время ездил по городу, Кинт считал повороты, но сбилсЯ и бросил это занятие, лишь по звуку вокруг было понятно, что фургон кружит где-то в центре Актура, через полчаса он остановился.

— Приехали, сам пойдешь? — пробасил один из парней.

— А есть выбор?

— Нет... давай вылезай. Осторожно, ступенька.

Кинта провели куда-то вниз, много ступенек, поворот, эхо шагов по глухому коридору, снова ступеньки, но уже вверх, скрип двери, холодный металл коснулся запястий, веревка была срезана, сильный, но не грубый толчок в спину — и дверь с лязгом захлопнулась позади.

— Ух... — Кинт стянул мешок с головы и осмотрелся.

Сырые каменные стены, под низким потолком тускло горит масляная лампа, Кинт дотянулся до нее

и выкрутил фитиль, прибавив света. Низкий топчан с соломенным матрасом, стол, с двух сторон два стула, на столе кувшин и кружка, кисет с табаком, трубка и несколько длинных щепок.

— И ни в чем себе не отказывай, — сказал вслух Кинт и заглянул за штору в углу, — ага, и умыться, и оправиться.

Дверь из толстенных досок, окованная железными пластинами, у пола приличная щель, что кулак поместится.

— Ну что ж, — Кинт принялся к содержимому кувшина и налил полную кружку, — либо эти апартаменты в ведомстве одного моего знакомого полковника, либо еще что-то.

Опустошив кружку свежего морса, Кинт набил трубку, зажег одну из щепок от лампы и, закурив, уселся на топчан.

Потеряв счет времени, Кинт задремал, окон в комнате не было, и определить время суток не представлялось возможным. Проснулся Кинт от урчания в животе и снова сел. За дверь слышались шаги, громохнул засов, дверь со скрипом открылась и в комнату вошел мужчина с внешностью... а не было никакой внешности, Кинт еще подумал, что встретить он его через день — не узнает. Мужчина сел на стул напротив, некоторое время рассматривал Кинта, а потом сказал:

— Доброе утро, Кинт Акан. Верно?

— Верно что? Что сейчас утро или что меня так зовут?

— Давай я сразу объясню, чтобы разговор наш не закончился для тебя последним утром в твоей жизни.

— С недавнего времени умирать в мои планы не входит, объясняй.

— Правильный подход, — кивнул мужчина. — Итак, твое имя Кинт Акан?

— Да.

— Так вот, Кинт, ты не в тюрьме тайной жандармерии и не в плену.

— Уже радуется.

— Где ты это взял? — Мужчина выложил на стол кест с выдавленной головой волка.

— А, вот оно что, — хмыкнул Кинт, — а я уж и забыл про нее.

— Отвечай на вопрос. — Мужчина говорил совсем без эмоций и почти не моргал.

— Какое-то время назад мне ее передал капитан Брэтэ, в Северном форту, тогда упразднили дорожную жандармерию и кто-то оставил такой пригласительный билет капитану, чтобы он сам решил, кому его отдать.

— И он отдал его тебе? Почему?

— Вот уж не знаю, он что-то говорил про некий орден наемников, но я уже не помню. Я тысячу раз мог потерять этот кест, а тут смотри-ка...

— Понятно. — Мужчина еще несколько секунд пристально смотрел на Кинта. — У тебя есть два пути, чтобы покинуть эту комнату. Первый — с пулей в голове и второй — пройти испытание.

— С пулей не подходит. — Кинт ковырял пальцем столешницу.

— Тогда скоро, — мужчина встал и три раза постучал по двери, — скоро принесут обед, а к вечеру готовься.

— К чему?

— Ко всему.

— А если испытание не пройду?

— Тогда пуля.

Обед был очень даже неплох — хороший кусок мяса с овощами. Запив все это морсом, Кинт стянул сапоги

и улегся, стараясь ни о чем не думать, и, закрыв глаза, задремал.

— Пора. — Голос выдернул Кинта из сна.

Тот же мужчина снова сидел за столом и держал в руке конверт, у двери стоял ранец Кинта и рядом на полу было свалено все оружие, что отобрали в фургоне.

— Это письмо должно быть доставлено по адресу, указанному с обратной стороны. — Мужчина пододвинул конверт к Кинту. — Его должен получить хозяин дома лично в руки, и об этом никто не должен знать, ни прислуга, никто.

— И сколько у меня времени, чтобы это сделать?

— До рассвета.

— Так, а если он не выйдет из дома до рассвета.

— Он и не выйдет, но отдать письмо далеко не самое легкое.

— Хм... что-то не понимаю.

— Понимать не нужно, нужно доставить конверт.

— И все?

— Все.

— Когда начинать?

— Прямо сейчас, выйдешь из двери — и направо по коридору.

Кинт взял со стола конверт, прочитал адрес, поднял голову на собеседника и снова прочитал.

— Что такое? — мужчина поднял бровь.

— Мне знаком этот дом.

— Да неужели...

— Вы это специально?

— Что?

— Адрес.

— Нет, это вышло случайно.

— Я это возьму? — Кинт кивнул на вещи.

— Только оружие, остальное не пригодится.

— Мое поведение, средства как-то ограничиваются?

— Только законами терратоса, но согласившись на испытание, ты уже вне закона, только действуй благоразумно, если патруль городских помешает тебе, то испытание не пройдено.

Кинт решительно сунул конверт в карман, быстро намотал портянки, обулся, а затем вернул все свое оружие и снаряжение на привычные места.

— Так я пошел?

В ответ мужчина лишь кивнул. А Кинт вышел в слабо освещенный коридор, свернул направо и быстро пошел вперед.

Спустя несколько минут Кинт оказался недалеко от торговой площади, выбравшись из овощного хранилища в цоколе какой-то лавки. На улице уже было темно, немного постояв, Кинт сориентировался и, выбежав в арку, побежал по немногочисленной мостовой. Нужный адрес находился в пригороде Актура, это была одна из многих расположенных там ферм, там Кинт впервые совершил убийство, спасая приятеля. Да, это была бывшая резиденция Жорэ. Кому сейчас принадлежит ферма, Кинта не особо интересовало. Интересовало лишь то, что добраться до нее пешком хоть и возможно, но неизвестно, что его там ожидает. Остановившись недалеко от рынка, Кинт осмотрелся. Со стороны какого-то ресторанчика доносилась музыка, под фонарем скучал возница и смотрел сквозь большие окна на веселящуюся публику.

— Подвинься! — Кинт вскочил на облучок, сильно пихнул возницу в бок, да так, что тот полетел в сторону, перехватил вожжи и от души стеганул ими пару лошадей.

Повозка неслась по ночному Актуру, пугая зазевавшихся прохожих, переходящих улицу, один раз чуть не сбив молодую пару, мелькали витрины салонов и мага-

зинов, гудели машинисты моторных экипажей и слали проклятья в сторону взбесившейся повозки. Не доезжая до реки, где предстояло проехать мост, Кинт придержал лошадей и, когда повозка выехала из-за поворота, остановил ее совсем, чтобы осмотреться. На мосту, потеряв одно колесо, стояла длинная телега, перегораживая проезд. «Ладно, не один же мост, в паре кварталов есть еще», — подумал Кинт и оглянулся назад.

— Дьявол, — тихо выругался он вслух.

Из переулка вывернул конный патруль городских.

— Эй, кто там, в повозке? — крикнул кто-то из патруля.

Кинт буквально стек к стене рядом стоящего дома и, прокравшись в арку, побежал по кварталам. Через несколько минут он перешел на шаг, остановился и прислушался, погони не было, а вот три странные тени в следующей арке есть. Стрелять не хотелось, где-то рядом снуют городовые... По большому счету, даже если Кинта и задержит патруль, то утром отпустят на все четыре стороны, однако это может стать препятствием в прохождении испытания. Значит, путь только через арку впереди. Быстрым шагом Кинт шел вперед, проверив, как легко вынимается палаш из ножен и штык из-за голенища сапога. А тени так и стояли, и уходить не собирались.

— О, появился, значит, мы ждем тебя, — громко сказал кто-то из арки.

— Дождались, — только и ответил Кинт и с ходу ударил штыком впереди стоящего с рукой за пазухой.

Эти люди здесь с особой целью — либо грабят ночных прохожих, либо ждут они именно Кинта, отчего без всякого сожаления Кинт, быстро перемещаясь, рубил и колол палашом, и вскоре все было кончено. Кто-то из дворовых сторожей отреагировал на крики правильно — несколько раз громко свистнул в свисток.

Городовые тут же отозвались, и звук их свистков стал быстро приближаться...

Кинт некоторое время отсиживался в каком-то грязном и сыром подвале, в пригороде устроили облаву, а когда все успокоилось, он, наконец, наплевав на то, что придется намокнуть, перевалил ограждение дороги, идущей вдоль реки, спустился к воде и поплыл.

После часового наблюдения за домом, лежа на каменном заборе и слившись с ним, Кинт вычислил окно хозяйской спальни, где тускло горел свет, рядом, похоже, окно отдельной ванной комнаты.

— То, что нужно, — прошептал Кинт, соскользнул с забора и замер, оглядываясь и сжимая в руке штык, но — никого, тишина.

Спустя еще несколько минут Кинт, уже босиком, пробирался по крыше к окну в ванную комнату, пара движений штыком, выставить стекло, и все — путь свободен... Кинт уже почти влез внутрь, как вдруг из темноты ванной вытянулась рука, в два удара был выбит штык, и кто-то попытался схватить его за горло.

— Ну, нет, — прошипел Кинт, попытался вывернуться, но уперся плечом в стену...

Тесно, слишком тесно, посыпались удары, сильные, точные, отбивающие все внутренности, у Кинта перехватило дыхание, но он нашел в себе силы нащупать чью-то мощную шею и что есть силы вцепился в кадык. Раздался сдавленный хрип, а Кинт безошибочно ударил коленом невидимому противнику в пах, тот охнул, застонал и, обмякнув, осел по стене. Кинт присел и нашарил рукой штык...

— Все! Стоп! — Дверь распахнулась, и два фонаря ударили лучами внутрь ванной комнаты.

Потом вверху зажегся светильник, и Кинт увидел незнакомца из комнаты без окон.

— Ну, — он протянул руку и за лезвие, но аккуратно забрал штык, — в целом неплохо.

— Что неплохо? — Кинт тяжело дышал, все тело болело, он посмотрел на скрючившегося здоровяка у стены.

— Да все в целом неплохо, пойдем.

Через несколько минут Кинт и незнакомец сидели в большой комнате на первом этаже дома, мебели, за исключением старинной резной тумбочки и двух табуретов, не было никакой.

— Тут давно никто не живет, — сказал незнакомец, обратив внимание на то, как Кинт осматривается.

— Итак, — незнакомец протянул руку, — пора познакомиться, Рузье.

— Это настоящее имя? — Кинт ответил рукопожатием.

— Нет, конечно... Ну, можно озвучить и результаты... Ближний бой, а еще в замкнутом пространстве — плох, но есть импровизация. Владение холодным оружием — хорошо, хоть и далеко до необходимого уровня, что касается стрельбы... эм... мы уже навели справки, как и о многом другом.

— Так что, я принят?

— Да.

— Можно вопрос?

— Спрашивай.

— И много было кандидатов?

— Двое, за последние три года, мы не стремимся к количеству.

— И что, эти двое прошли проверку?

— Один не прошел, а второй, проработав год, заявил, что не хочет иметь с нами ничего общего и сбежал... а условия контракта нарушать нельзя.

— Нашли?

— Конечно.

— И какие же условия.

— Просто выполнять то, что говорят...

— Срок контракта?

— Бессрочный... но иногда, в виде исключения, кому-то удается и уйти на покой.

— Вперед ногами?

— Бывает и так, но это зависит от тебя, а может стать, что к окончанию контракта будешь иметь уютный дом и обеспеченную старость... Все от тебя зависит, сынок...

— Так где контракт?

— Ты его сам сюда принес... конверт...

— Но это же чистый лист! — Кинт распечатал конверт.

Рузье достал из тумбочки перо и чернильницу.

— Просто напиши на нем свое имя и поставь сегодняшнюю дату...

— Вот, готово. — Кинт протянул бумагу.

— И последнее... с этого дня ты рвешь все контакты из прошлой жизни, иначе мы сами оборвем их. Это понятно?

— Понятно.

— Иди. — Рузье показал на парня у двери. — Не знаю почему, но именно он вызвался быть твоим наставником.

Кинт обернулся и не поверил своим глазам...

— Стрелок?

— Да, для меня это тоже неожиданно, пошли, надо многое обсудить, о многом поговорить, а через три дня уезжаем.

— Куда?

— Правило первое — не задавай вопросов, просто выполняй.

Конец третьей книги

Литературно-художественное издание

Николай ПОБЕРЕЖНИК

16⁺

ЭРТА

АРМИЯ АКАНА

Ответственный редактор *А. Сидорович*
Корректор *О. Смушко*
Верстка *Е. Посадовой*

Подписано в печать 31.08.2015.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура Петербург.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 12,6.
Тираж 2500 экз. Заказ № 1537.

ООО «Издательство АСТ» 129085,
г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 1;
953000 — книги, брошюры

Отпечатано с готовых файлов заказчика

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа»
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, д. 46
Тел.: +7 (4822) 44-85-98. Факс: +7 (4822) 44-61-51

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Локт, как циркач, перепрыгивая каменные заборы и деревянные изгороди, пробрался к одному из домов, из которого начали активно отстреливаться, и метнул в окно гранату... Взрыв, крики, ржание лошадей... Опустошив магазин карабина, Кинт сунул его в чехол, выпрыгнул из седла, накрутил поводья на изгородь и присел у нее с револьвером и палашом в руках. Бойцы звена последовали примеру Кинта, и спустя минуту все звено двинулось через дворы с окраины к реке, навстречу Брэту, который, судя по стихшей перестрелке у реки, там уже закончил. Грохнул второй взрыв, за ним сразу же третий – это Локт, снова обнаружив большое скопление живой силы противника, сократил ее количество. Красные мундиры северян становились бурными от крови, противник запаниковал, не смог вовремя оценить происходящее и, самое главное, был лишен командования первой же гранатой, брошенной Локтом. Боец, что шел рядом с Кинтом и умело действовал палашом в рукопашной, вдруг остановился, чуть качнулся назад и упал, тяжелая пуля, обожгла лоб Кинта и смачно вцепилась в бревенчатую стену какого-то сарая, вдоль которого шел Кинт... Все-таки не всех северян охватила паника, кто-то заперся в каменном доме с чердаком, что располагался посередине деревни, и активно теперь отстреливался, и весьма успешно.

Ленинград
издательский дом

ISBN 978-5-17-094624-2

9 785170 946242